

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Л. И. Лавдаренко

**Право на свободу и личную неприкосновенность
как международно-правовой принцип и его реализация
в российском уголовном судопроизводстве**

Иркутск, 2019

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, протокол от 19 ноября 2019 года № 6.

Рецензенты:

Россинский Сергей Борисович – профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина,
доктор юридических наук,

Пархоменко Светлана Валерьевна – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор.

Л 13 **Лавдаренко, Л. И.** Право на свободу и личную неприкосновенность как международно-правовой принцип и его реализация в российском уголовном судопроизводстве : монография / Л. И. Лавдаренко. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 151 с.

В работе рассматривается комплекс вопросов, связанных с общетеоретическими положениями о праве на свободу и личную неприкосновенность, содержательные и формальные (техничко-юридические) факторы, определяющие право на свободу и личную неприкосновенность как общепризнанный принцип, механизмы соблюдения и защиты права на свободу и личную неприкосновенность в российском уголовном судопроизводстве.

Книга адресована практикующим юристам, ученым, студентам юридических учебных заведений. Может использоваться в учебном процессе в качестве дополнительной литературы.

УДК 343.1

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	5
1.1. Права человека как общецивилизационная ценность.....	5
1.2. Общепризнанные принципы и нормы международного права о правах человека и их значение для правовой системы Российской Федерации	18
1.3. Права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации.....	29
1.4. Ограничение прав и свобод в соответствии с международно- правовыми актами и Конституцией Российской Федерации.....	40
ГЛАВА 2. ПРАВО НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА	48
2.1. Принципы и нормы о правах человека и их система	48
2.2. Сущность принципа права на свободу и личную неприкосновенность	60
2.3. Формы ограничения свободы и личной неприкосновенности.....	76
ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ	91
3.1. Реализации в российском уголовном судопроизводстве принципа права на свободу и личную неприкосновенность при задержании	91
3.2. Реализации в российском уголовном судопроизводстве принципа права на свободу и личную неприкосновенность при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу	100
3.3. Реализации в российском уголовном судопроизводстве принципа права на свободу и личную неприкосновенность при задержании и заключении под стражу несовершеннолетнего	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	117
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	119

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поиск ответа на вопрос о сущности и содержании права на свободу и личную неприкосновенность, механизмах его соблюдения и защиты сопутствует истории развития мировой цивилизации и политико-правовой мысли. Фундаментальность и общецивилизационный характер проблемы свободы и личной неприкосновенности стал особенно очевиден в XX в., ознаменовавшимся кардинальными переменами, когда многие народы избрали путь приобщения к мировой цивилизации с её идеалами правового государства и гражданского общества.

Несмотря на высокую степень разработанности философских, теоретико-правовых и конституционно-правовых аспектов проблематики свободы и личной неприкосновенности, следует отметить, что при огромном множестве существующих в юриспруденции доктрин, теорий и концепций до настоящего времени не удалось сформировать единого подхода к пониманию самого феномена правовой свободы в системе основных прав человека, форм её проявления, соблюдения и защиты на государственном и международном уровне.

В этой связи научное осмысление теории и практики обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность – базовой юридической категории, определяющей конституционно-правовой статус личности, характер взаимоотношений человека и государства, пределы вторжения последнего в его частную жизнь – определяет теоретическую и практическую значимость вопросов совершенствования механизмов соблюдения и защиты этого права.

В работе рассмотрены существующие подходы к теоретико-правовому пониманию права на свободу и личную неприкосновенность, исследованы международно-правовые акты, положения Конституции Российской Федерации и российского законодательства в части права на свободу и личную неприкосновенность, содержательные и формальные (технико-юридические) факторы, определяющие право на свободу и личную неприкосновенность как общепризнанный международно-правовой принцип, предпринята попытка разработки категориального аппарата, обеспечивающего формирование концепции свойств права на свободу и личную неприкосновенность и механизмов его защиты, а также подготовки предложений, направленных на совершенствование реализации принципа права на свободу и личную неприкосновенность в российском уголовном судопроизводстве.

ГЛАВА 1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

1.1. Права человека как общецивилизационная ценность

Современные представления о правах человека и их ценности – результат осмысления человечеством сложнейших проблем соотношения добра и зла, нравственного и безнравственного, возвышенного и низменного, социально одобряемого, правомерного и преступного независимо от исторических, географических, культурно-религиозных особенностей развития¹. По мысли великого гуманиста И. Канта, для блага человека и блага развития всего человечества природа позаботилась о высокой степени развития гармонизации инструментов человеческих отношений, сотрудничества и взаимопомощи, и в этом смысле право и соответствующее ему государство связаны с глубинными основами природы человека и целями его истории². Само существование человеческой цивилизации стало возможным благодаря лишь таким «инструментам» гармонизации человеческих отношений, которые основаны на представлениях о ценности человеческой личности, достоинстве, свободе, равенстве и справедливости.

Осознание человека как высшего, совершеннейшего существа возникает в античную эпоху в греческой философии: с одной стороны, человек представляет собой физическое существо и часть природы, с другой – обладает божественной способностью, мышлением, бессмертным умом, который вводит его в общение с Божеством; конечной целью жизни человека становится не государство как общее благо, а добродетель и счастье от-

---

¹ См.: Епифанов А. Е., Абдрашитов В. М. К вопросу о влиянии международного и европейского права на развитие механизмов защиты прав и свобод человека в России и ЕС // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Том 30. Вып. 2. С. 65–72 ; Куницын А. С. Формирование и развитие естественно-правового направления в русской науке права // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 36 (46). С. 5–11 ; Он же: Концепция неотчуждаемости естественных прав человека и русская юридическая мысль // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 18–21 ; Мусаев М. А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 97–108 ; Пономаренко Е. В. Концепция естественного права в конституционно-правовой науке и естественные права и свободы человека // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 4. С. 26–30 ; Рассказов Л. П., Упоров И. В. Естественные права человека : учебное пособие. Краснодар, 2000. С. 34–47 ; Абсолютное и естественное в естественном праве / В. П. Сальников, В. Б. Романовская, М. В. Сальников, М. Д. Горбунов // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 20–32 ; Стремоухов А. В., Стремоухов А. А. Предыстория прав человека и становление концепции прав человека в Древнем мире // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3 (49). С. 9–12 ; Ячменёв Ю. В. Права человека как ценностные ориентиры правового государства // Научные труды Северо-Западного института управления. 2015. Т. 6. № 3 (20). С. 15–21 и др.

² Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. С. 337, 369.

дельного субъекта³. В рамках христианского мировоззрения формируется понятие личности, созданной «по образу и подобию Божию», которая не может принадлежать никому, в том числе – государству. Понимание каждого человека как творения, наделенного душой и созданного Богом по своему образу и подобию, обуславливает принципиальное равенство и свободу всех людей независимо от их этнической и государственной принадлежности, социального статуса и имущественного положения. Из права на свободное выстраивание отношений с Богом, не дарованного какой-либо земной властью и поэтому никакой земной властью неограничиваемого, выводились притязания на свободу слова (изначально – религиозной проповеди), собраний (верующих), самоорганизации (религиозной общины). Предоставляемая христианской церковью возможность каждого (женщин, немущих, людей разных национальностей) пользоваться её защитой приводила к осознанию всечеловеческой солидарности, а в целом к такой социальной организации, в которой обеспечивается жизнь, свобода, безопасность и собственность человека⁴. На излёте Возрождения в западноевропейской культуре в представлениях о человеке утверждается своеобразный культ человека – его красота и величие, что находит отражение в шедеврах искусства. «В изображении библейских персонажей человеческие черты не скрывались, а, наоборот, усиливались – можно сказать, что человек создал Бога по своему образу и подобию»⁵. Гуманистические идеи о человеке получают развитие в трудах выдающихся европейских мыслителей XVII – XVIII вв.: Макиавелли, Спинозы, Локка, Гоббса, Монтескье, Руссо, Канта, Джефферсона, Смита, Милля, Бентама, Пейна и других, заложивших основы современного понимания прав человека. А именно: имея нравственные и религиозные корни, в условиях противостояния людей и целых классов друг другу, естественные и неотчуждаемые права человека требует признания, поддержки, надежной охраны и защиты, что обуславливает возникновение государства, в котором личность обретает статус гражданина (подданного), становится носителем официально закреплённого комплекса прав и свобод. Человек становится существом не только самоценным, но и правовым. Государство же своей силой гарантирует права и свободы человека, выступает важнейшим фактором реальности функционирования этих прав, тем самым своей деятельностью привносит дополнительные, неизвестные прежде признаки, свойства, благодаря которым естественные права становятся юридическим феноменом. В результате возникает «... понимание фундаментальных прав человека на жизнь, свободу и собственность, со-

---

³ См.: Куницын А. С. Формирование и развитие естественно-правового направления в русской науке права ... С. 5–11 ; Мусаев М. А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизм ... С. 19 и др.

⁴ См.: Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина : перевод с немецкого. Москва, 1905. С. 45–60.

⁵ См.: Толстых В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2. С. 50.

противление угнетению и некоторых других как естественных, неотъемлемых (неотчуждаемых) и священных императивов и норм взаимоотношений между людьми и властью»⁶.

Понимание права на свободу, достоинство и других фундаментальных прав личности как естественных означает, что они принадлежат человеку по рождению⁷ и осуществляются объективно, независимо от воли людей, такие права, как право на достоинство и свободу реализуются человеком с рождения и он не может от них отказаться.

Идея о том, что представления о свободе, равенстве и справедливости заложены в сознании людей с рождения, являются незыблемыми и неотчуждаемыми, представляют собой неписаное (естественное) право, служащее примерным базисом для права позитивного, активно отстаивалось отечественными правоведами во второй половине XVIII – первой половине XX вв. Так, П. И. Новгородцев трактовал естественное право как вечное, неотъемлемое право человеческой личности, имеющее нравственную природу и характер абсолютной ценности, отстаивал идею торжества личности как над властью, желающей управлять с помощью насилия, так и над массами при их попытках использовать право большинства для нарушения прав меньшинства⁸. И. В. Михайловский, опираясь во многом на разработки П. И. Новгородцева и развивая их, исходил из того, что человек – существо метафизическое. Метафизическое начало, по мысли И. В. Михайловского, определяет всё последующее поведение человека, его свободу. Отсюда идея свободы – метафизическая данность. Из метафизического начала человека Михайловским выводилась и идея права, которая рассматривалась как часть мирового этического порядка, существующего объективно, независимо от того, сознают ли его люди или нет. Из абсолютной идеи права, полагал И. В. Михайловский, вытекает и естественное право как совокупность всеобщих принципов и норм, которые отличаются полной определенностью, ясны и понятны для каждого человека, для всех времен и народов, поскольку утверждают сложившиеся общенравственные принципы: «воздай каждому свое», «повинуйся законной власти», «управляй для общего блага», «исполняй заключенный договор» и т. п. Поэтому положительным правом может считаться только такое, которое реализует естественное право в конкретной социальной среде. В конечном счете право есть результат развития истории культуры и должно выражаться в формуле: право – это свобода, определяемая общим этическим законом. Провозглашая закон выше всякой власти, И. В. Михайловский в соответствии со своим учением о праве не предавал закону самодовлеющего значения и при-

⁶ См.: Епифанов А. Е., Абдрашитов В. М. К вопросу о влиянии международного и европейского права на развитие механизмов защиты прав и свобод человека в России и ЕС ... С. 65.

⁷ См.: Зиновьев А. В. Права, свободы и обязанности человека и гражданина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 4 (40). С. 43 и др.

⁸ Новгородцев П. И. Лекции по истории новой философии права XVI–XIX вв. Москва, 1912. С. 213–232 ; 285–300.

ходил к выводу: для того, чтобы закон стал правовым, он должен опираться на единство рационально-нравственных начал бытия⁹. По мнению И. В. Михайловского, естественное право выполняет две функции – конститутивную и нормативную: во-первых, всеобщая естественно-правовая идея лежит в основе всякого положительного права, и, следовательно, всякое положительное право есть не что иное, как реализация естественного права в условиях времени, места и конкретной социальной среды; во-вторых, начала естественного права в своем чисто виде служат критерием для оценки позитивного права¹⁰. Другой учёный, представлявший отечественную естественно-правовую мысль, – Г. Ф. Шершеневич – утверждал, что уяснение сущности права «невозможно без понимания природы человека во всех её проявлениях, без проникновения в потребности человека, его способности, стремления. Теория права должна начинать с антропологического момента»¹¹. Об этом же говорил Н. М. Корнуков, подчёркивая, что каким бы разнообразным и изменчивым не являлось право положительное, над ним стоит вечное право природы¹². Н. А. Бердяев в статье, опубликованной в знаменитом сборнике «Проблемы идеализма», высказался следующим образом: «Мы отрицаем этико-правовой принцип «народного суверенитета и противопоставляем ему принцип неотчуждаемых личных прав»¹³.

Между тем, в отечественной юриспруденции проблематика естественных прав человека традиционно является одной из дискуссионных¹⁴. В советский период концепция естественно-правовой природы прав человека отвергалась, единственно правильным в правопонимании признавался позитивистский подход. И в настоящее время некоторыми авторами утверждается, что «... положения о неотчуждаемых правах – это не более чем мифологема, весьма далекая от истинного положения дел. Неотчуждаемых (или неотъемлемых) прав и свобод никогда, нигде не было, нет и не будет»¹⁵, высказываются сомнения относительно конституционного положения о человеке, его правах и свободах как высшей ценности на том основании, что данное положение воплощает идеи «западных теорий либерализ-

⁹ Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 34, 178–185. 206.

¹⁰ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 206–207.

¹¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Часть теоретическая. Философия права. Москва, 1910. С. 25.

¹² Корнуков Н. М. Лекции по общей теории права. Москва, 1909. С. 93.

¹³ Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма : сборник статей. Москва, 1902. С. 118.

¹⁴ Подробнее об этом см., напр.: Чиркин В. Е. Современные проблемы российского конституционализма: переосмысление ценностей // Вестник Международного университета (Москва). Серия: Право. Вып. IV. 2000. С. 45–68 ; Лапаева В. В. К дискуссии о концепциях российской демократии // Российское правосудие. 2006. № 6. С. 84–99 ; Варламова Н. В. Политическая философия утилитаризма и доктрина прав человека // Государство и право. 2012. № 9. С. 93–97 ; и др.

¹⁵ Гунин Д. И., Черданцев А. Ф. Не отчуждаемы ли «неотчуждаемые» права и свободы человека? // Правоведение. 2012. № 2. С. 103.

ма»¹⁶. В. Д. Зорькин отмечает: «Приверженцы таких взглядов заявляют, что естественно-правовой подход означает искусственное противопоставление позитивного закона и правового закона, законности и правовой законности, а на практике ведет якобы к дестабилизации общественной обстановки, ослабляет регулятивную роль закона, формирует нигилистическое отношение к закону и праву»¹⁷.

По указанной проблеме полагаем верным суждение о том, что в современных условиях утрачены многие различия между естественными правами, принадлежащими человеку как таковому, и позитивными правами, принадлежащими гражданину как члену сообщества. Обнаруживается потребность в целостном подходе к человеческой личности. В связи с этим необходимо интегрировать позитивистский и естественно-правовой подходы¹⁸. Не отказываясь от ценностей XVIII в., современная доктрина придает им новое истолкование, наполняя их новым содержанием, «новые условия требуют иного прочтения прежних, довольно абстрактных постулатов, их уточнения, наполнения новым содержанием»¹⁹. Являясь наследием античной и христианской мысли, в Новом времени учение о естественном праве, о прирожденных и неотчуждаемых правах человека было осмыслено и преобразовано, по выражению немецкого философа Э. Кассирера (1874 – 1945), в «настоящее моральное евангелие»²⁰. Само понятие «права человека» – продукт теории естественного права, ставшее «выражением исторически конкретных, реальных социальных проблем и одновременно определенным вариантом их снятия. Только при этих условиях возможно было как появление самого понятия «права личности» (или «права человека»), так и сохранение актуальности его трактовки в дальнейшем»²¹.

Значимость естественно-правовой теории состоит в том, что она дает возможность вычленять среди множества прав человека его основные права и тем самым создает условия для их гарантирования и защиты. В соответствии с естественно-правовой теорией права и свободы личности являются не средством достижения какой-либо цели, а самой целью любого общества и уровень развития этих прав и свобод является главным критерием оценки общества в целом²². Сила и непреходящая заслуга этой доктрины «заключаются как в неизменном её идеализме, в выдвигании ею в праве начала высшей справедливости, так и в провозглашении прав индивида – особенно ярком в XVIII в.; в признании личности самоцелью, субъ-

¹⁶ Гунин Д. И., Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 103.

¹⁷ Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. Москва, 2010. С. 115–116.

¹⁸ См.: Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой ... С. 14.

¹⁹ Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2. С. 5–13.

²⁰ Кассирер Э. Философия Просвещения. Москва, 2004. С. 275.

²¹ Бережнов А. Г. Права личности. Некоторые вопросы теории. Москва, 1991. С. 29.

²² См.: Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 8.

ектом *par excellence* и субъективных прав – её атрибутом, из её естества вытекающим²³.

Права человека – это общесоциальное понятие. Вне социальных отношений их быть не может, как не может быть и обязанностей. Когда речь идет о правах человека, имеются права «другого», ибо в обществе, где не признаются права любого человека, никаких прав быть не может. В соответствии с современной концепцией прав человека, это своего рода общественный договор, соглашение о взаимном уважении неотъемлемых прав каждого. Права и свободы гражданина, а также его обязанности составляют важнейший социальный и политико-юридический институт, объективно выступающий мериллом достижений данного общества, показателем его зрелости, цивилизованности, доступа личности к духовным и материальным благам, механизмам власти, законным формам волеизъявления и реализации своих интересов. В то же время это неперемное условие совершенствования самого индивида, упрочения его статуса, достоинства²⁴.

Права человека имеют всеобщий характер, они присущи любому человеческому существу, они – неотъемлемое, естественное свойство личности. Они универсальны, ибо это права всех людей без исключения, определяются как «основанные на нормах и принципах права и морали притязания (требования) отдельных индивидов и групп к обществу и государству на основе их принадлежности к человеческому роду в целях самореализации, достижения свободного и всестороннего развития личности»²⁵. По определению А. В. Малько «права человека – универсальная категория, представляющая собой вытекающие из самой природы человека возможности пользоваться элементарными, наиболее важными благами и условиями безопасного, свободного существования личности в обществе»²⁶. Как верно заметил О. Г. Румянцев, «в основу правовой системы должна быть положена философия признания общечеловеческих ценностей в качестве естественных прав человека, приобретающих в процессе своего исторического развития общецивилизованный характер. Они составляют природу человеческой личности, а потому их утрата по существу оказывается уничтожением личности, потерей самого себя»²⁷.

Первым юридическим актом, провозгласившим право на свободу, господство закона в обществе и ограждение личности от произвола со стороны власти, равенство всех перед судом считается принятая в 1215 году Великая хартия вольностей. Статья 39 Хартии гласила: «Ни один свобод-

---

²³ Дурденевский В. Н. Субъективное право и его основное разделение // Правоведение. 1994. № 3. С. 91.

²⁴ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2001. С. 160

²⁵ См.: Права человека : учебное пособие / под общей ред. А. Д. Гусева и Я. С. Яскевич. Минск, 2002. С. 10.

²⁶ Конституционное право России в вопросах и ответах / под ред. А. В. Малько. 2-е издание, перераб. и доп. Москва, 2003. С. 73.

²⁷ Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. Москва, 1994. С. 67.

ный человек не может быть арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен вне закона, или каким-либо иным образом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе как по законному приговору равных ему и по закону страны»; статья 40 устанавливала: «Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их». В последующем юридическое закрепление идеи естественных и неотъемлемых прав человека находят закрепление в Декларации прав Вирджинии (1776 г.), в которой утверждалось: «Все люди по природе являются в равной степени свободными и независимыми и обладают определенными природными правами, коих они – при вступлении в общественное состояние – не могут лишиться себя и своих потомков каким-либо соглашением, а именно: правом на жизнь и свободу со средствами приобретения и владения собственностью, правом на стремление к счастью и безопасности и их приобретение». Затем эти идеи были развиты и дополнены в Декларации независимости, принятой тринадцатую Соединенными Штатами и утвержденной Третьим Континентальным конгрессом 4 июля 1776 года. В этой Декларации был сделан акцент на служебной роли государства по отношению к правам человека: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых».

Другим фундаментальным актом в области прав человека является Французская Декларация прав человека и гражданина (1789 г.), провозгласившая священными, вечными, самоочевидными, неотъемлемыми права человека, относительно государства в качестве его цели установившая обеспечение этих прав и отнесшая к таковым свободу, собственность и сопротивление угнетению.

До середины XX в. в каждой стране система прав человека отражала особенности её культурно-исторического развития. Формирование и закрепление в нормах международного права универсальной концепции прав человека произошло после Второй мировой войны, с принятием Всеобщей декларации прав и свобод человека²⁸.

Первым документом, объявившим в качестве общецивилизационной ценности принцип всеобщего признания и уважения прав человека, стал принятый в 1945 г. Устав Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Данным документом утверждалось, что права и достоинство присущи «всем членам человеческой семьи», в качестве основной цели ООН обозначалось международное сотрудничество, направленное на поощрение и развитие «уважения к правам человека и основным свободам для всех,

---

²⁸ Мовчан А. П. Принцип всеобщего уважения прав человека и основных свобод // Курс международного права. Т. 2. Основные принципы международного права. Москва, 1989. С. 148–164.

без различия расы, пола, языка и религии»²⁹. В 1946 г. учреждена Комиссия ООН по правам человека, на которую возлагалась обязанность подготовить Хартию по правам человека, объединяющую важнейшие международные документы, закрепляющие международно-правовой статус личности. В 1948 г., как первая часть указанной Хартии принята Всеобщая декларация прав человека, послужившая основой международных и региональных договоров и конвенций, а также конституций большинства современных государств в области прав человека.

Особенность этого акта заключается в том, что её нормы имеют универсальный характер, поскольку положения существуют в форме резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, соответственно обладают обязательной юридической силой в качестве обычных норм международного права. То есть положения Декларации являются первыми общепризнанными нормами в области прав человека³⁰, «... права человека приобрели и надцивилизационное, и надгосударственное звучание ...»³¹, имеют универсальный характер.

Всеобщая декларация прав человека явилась «совестью мира, нравственным эталоном человечества»³², началом новой эпохи обеспечения прав человека, «... источником вдохновения и опорой для миллионов людей, чьи права в той или иной степени нарушались»³³, стала первым международным документом, провозгласившим социальную справедливость для всех, без дискриминации, на свободных и достойных человека условиях, «... заложила основы формирования одной из отраслей международного права – прав человека, и предложила каталог прав и свобод человека всем государствам мира как образец, стандарт для развития внутригосударственного законодательства в этой области»³⁴.

В 1966 г. Всеобщая Декларация была дополнена Международным пактом о гражданских и политических правах³⁵ и Международным пактом

---

²⁹ Устав Организации Объединенных Наций : принят 26 июня 1945 г. на Конференции Объединенных Наций в г. Сан-Франциско. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁰ См.: Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. Москва, 1991. С. 33.

³¹ Голубок С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. 2007. № 1. С. 112–124.

³² См.: Саидов А. Х. Общепризнанные права человека : учебное пособие / под ред. И. И. Лукашука. Москва, 2002. С. 3.

³³ Стремоухов А. В. Международные стандарты прав человека: определение и классификация // Международное публичное и частное право. 2014. № 5. С. 3–5.

³⁴ См.: Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е. А. Лукашева. Москва, 2007. С. 41.

³⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

об экономических, социальных и культурных правах³⁶, воплощающим в себе, соответственно, вторую и третью часть Хартии по правам человека. В совокупности эти три документа часто именуется Международным биллем о правах³⁷. Всеобщая декларация прав человека повлияла на содержание многих международно-правовых актов в области прав человека, в том числе Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1963 г.), Конвенции о статусе беженцев (1951 г.), Международной Конвенции о причинении преступления апартеида и наказании за него (1973 г.), Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), Конвенции о правах ребёнка (1989 г.), Международной конвенции о защите прав всех трудящихся – мигрантов и членов их семей (1990 г.) и др.

Провозглашённая во Всеобщей декларации идея универсальности прав человека нашла подтверждение в Венской декларации и Программе действий, принятой на Всемирной конференции по правам человека (1993 г.), которая устанавливает: «Все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием... Хотя значение национальной и региональной специфики и различных исторических, религиозных и культурных ценностей, правовых традиций необходимо иметь в виду, государства независимо от их политических, экономических и культурных систем несут обязанности поощрять и защищать все права человека и основные свободы».

Усилиями мирового правового сообщества разработана система стандартов прав человека, касающаяся наиболее важных аспектов человеческой деятельности, что явилось поводом для разработки в юридической теории «унифицированного стандарта прав человека». В соответствии с этой теорией права человека имеют естественный характер и возникают в результате самого факта рождения человека, признаются неотчуждаемыми и присущими каждому человеку в равной степени от рождения как непреходящая ценность вне зависимости от национальных границ, культур и политических режимов; все права и свободы универсальны с точки зрения признания их содержания. Общепризнанные права человека – такие, как право на жизнь, свобода совести, равенство всех перед законом, право свободного передвижения, право на гражданство, право на свободу убеждений и т. д. – это общие права и свободы всех людей вне зависимости от нацио-

---

³⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

³⁷ См.: Мишина Н. В. К вопросу об универсальности концепции прав человека // Права человека: теория, история, практика : сборник научных трудов, посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека / под общей ред. Е. М. Павленко. Волгоград, 2014. С. 17.

нальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей, общественного строя, политического режима, формы государственного устройства и формы правления, международного статуса страны, к которой человек принадлежит; всеобщность прав и свобод человека выражается в пространственном (территориальном) аспекте. Везде, где бы ни находился человек, – в любом месте он обладает основными естественными правами и свободами. При этом вопросы прав человека являются предметом заботы всех государств. Признание всеобщности и универсальности прав и свобод человека означает, что проблемы прав человека не являются внутренним делом государств³⁸. Сложившаяся «универсальная концепция прав человека» включает основные ценности, стандарты в подходе к оценке состояния прав и свобод человека в той или иной стране, развиваемые национальными правотворческими и правоприменительными органами³⁹.

Между тем, сформулированная во Всеобщей декларации 1948 г. и других международно-правовых актах идея универсальности прав человека стала оспариваться некоторыми исследователями как недостижимая⁴⁰, утверждается, что государства должны самостоятельно определять формы своего «юридического бытия» без учета норм международного права⁴¹.

Невозможность применения положений о правах человека ко всем национальным системам – «глобальной стандартизации прав человека» – объясняется тем, что данные положения явились результатом лишь западной правовой мысли, продуктом англо-саксонской и романо-германской правовой системы. Западные же представления о правах и свободах могут не соответствовать сложившимся на эти феномены воззрениям народов стран с иной ментальностью, характеру «... той цивилизации, в которой человек воспитан, те тысячи поколений, которые адаптировали свои правила жизни к тем условиям, которые определила окружающая их природа»⁴² и резюмируется: «... взгляд на стандарты, эталоны прав человека, универсально воспринимающиеся всеми культурами и цивилизациями, настолько же труднодостижимое явление, как и сама интернационализация культур и

---

³⁸ См.: Ильин Ю. Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире. Москва, 2007. С. 49 ; Зиновьев А. В. Права, свободы и обязанности человека и гражданина ... ; Марченко М. Н. О влиянии процессов глобализации и регионализации на развитие права и его теории // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 6. С. 14.

³⁹ См.: Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Основные направления и тенденции развития права в условиях глобализации // Право и государство. 2013. № 4 (61). С. 13.

⁴⁰ См.: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. Москва, 1994. С. 48 ; Мишина Н. В. К вопросу об универсальности концепции прав человека // Права человека: теория, история, практика : сборник научных трудов, посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека / под общей ред. Е. М. Павленко. Волгоград, 2014. С. 17–20 ; Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. Москва, 1998. С. 109.

⁴¹ См.: Тихомиров Ю. А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 6.

⁴² См.: Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. Москва, 2000. С. 19.

цивилизаций»⁴³. Высказываются опасения, связанные с попытками со стороны евроатлантической цивилизации навязывания своих собственных культурных образцов всем остальным странам и народам, внедрения конституционно-правовой идеологии представлений о конституции, человеке и его правах и свободах «... как универсальных планетарных общечеловеческих ценностях, одних лишь способных легитимировать государственную власть в любом и каждом государстве» путем применения силы, развязывания вооружённых конфликтов⁴⁴. Е. А. Лукашева, отмечая, что права и обязанности участников общественного отношения присутствуют в любой системе социокультурной регуляции и соответствуют понятиям справедливости, сформировавшимся в иных исторических и социокультурных условиях, выражают представления, в которых реализовались «божественные предписания», определявшие взаимоотношения индивидов в обществе⁴⁵, говорит о недопустимости форсирования процесса восприятия и заимствования международно-правовых норм о правах человека всеми странами и регионами мира и о необходимости взвешенного подхода к соотношению европейских универсальных стандартов и традиционализма, культуры, религии и иных цивилизаций⁴⁶.

Действительно, мировая цивилизация, находящаяся на стадии глобализации, создает серьезные противоречия в реализации прав человека⁴⁷. Однако в современных условиях именно реализация международно-признанных прав человека может являться основой не только выживания, но и устойчивого развития человечества⁴⁸. Исходя из смысла термина

---

⁴³ См.: Амосова Т. В. Принцип правовой определенности в зеркале лингвокультуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. Вып. 2 (773). Москва, 2017. С. 12–15 ; Каширкина А. А. Имплементация международно-правовых принципов и норм в национальное законодательство // Международное право и национальное законодательство. Москва, 2009. С. 95 ; Пашенцев Д. А. Значение прав человека в современных условиях // Концепции развития института прав человека в условиях глобализации современного права и политики : сборник научных трудов / отв. ред. Н. Н. Кулешова. Москва, 2016. С. 195–197 и др.

⁴⁴ См.: Грачёв Н. И. Базовые ценности российской цивилизации как основа российской Конституции // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 43–50.

⁴⁵ Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации : нормативно-ценностное измерение. Москва, 2011. С. 4.

⁴⁶ См.: Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е. А. Лукашева. Москва, 2005. С. 55.

⁴⁷ См.: Мусаев М. А. Правовой гуманизм как юридический феномен // Философия права. 2010. № 3. С. 91–94 ; Варламова Н. В. Государство в условиях глобализации: переосмысление понятий // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 91–104 ; Стремоухов А. В. Обеспечение прав человека как важнейшее направление укрепления национальной безопасности России // Организационно-правовое регулирование безопасности жизнедеятельности в современном мире : сборник материалов. 2018. С. 82–88.

⁴⁸ См.: Варламова Н. В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. Том 13. № 4. С. 80–124 ; Шугуров М. В. Международно-правовой принцип всеобщего уважения и соблюдения прав

«универсальный» – «1. Разносторонний охватывающий многое. 2. С разнообразным назначением, для разнообразного применения. Универсализм – разносторонность. Универсализировать – обобщить, сделать общим, универсальным; распространять на многое, многих»⁴⁹), мы разделяем точку зрения А. А. Ковалёва, который видит сущность принципа универсальности в диалектическом единстве противоположностей и различий, и считает, что, несмотря на различия в традициях и культуре тех или иных народов, всех объединяет то, что все – люди, а потому для каждого человека ценным являются его жизнь, права и свободы⁵⁰. Как справедливо отмечает Л. И. Глухарева, отстаивая идею возможности и «трудно переоценимой важности формирования универсальных прав человека», создание единых правовых стандартов – «... реальный факт современности, и в ситуации, когда мир интенсивно движется к интеграции, скептицизм по поводу универсальных прав вряд ли уместен. Универсальные права «в нормативно-правовой форме» отражают «всеобщее, объективное, постоянное, неизбежное, присутствующее в развитии человека и человечества»⁵¹.

Разделяем позицию, согласно которой универсальный характер прав и свобод человека проявляется в том, что:

а) все люди, без какой-либо дискриминации, обладают основными правами и свободами (равенство прав и свобод индивидов независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и др., при запрете любых форм дискриминации по указанным признакам);

б) проблема обеспечения прав и свобод человека является не только внутренним делом отдельного государства, но и всего международного сообщества;

в) с точки зрения содержания права и свободы человека являются общими для всех индивидов;

г) всеобщность прав и свобод человека распространяется за пределы государственных границ (где бы ни находился человек, он обладает общепризнанными естественными правами и свободами)⁵².

В 1998 г. в связи с 50-летием Всеобщей декларации прав человека Кофи Аннан – в то время Генеральный секретарь ООН – так сформулиро-

---

человека как императив устойчивого развития // Международное публичное и частное право. 2016. № 2. С. 7–11.

⁴⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва, 1999. С. 834.

⁵⁰ Ковалев А. А. Международная защита прав человека : учебное пособие. Москва, 2013.

⁵¹ Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование) : монография. Москва, 2003. С. 227–229.

⁵² См.: Юрицин А. Е. Вопросы защиты и ограничений прав человека в международном праве и законодательстве Российской Федерации // Международные стандарты прав человека : материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск : Омская юридическая академия. 2015. С. 114.

вал идею об общецивилизационном значении прав человека: «Права человека являются основой человеческого существования и сосуществования. Они являются всеобщими, неделимыми, взаимосвязанными. Именно права человека делают нас людьми. Они являются теми принципами, при помощи которых мы создаем священный дом для человеческого достоинства»⁵³.

В той или иной степени положения о правах человека нашли отражение в конституциях более чем 150 стран мира⁵⁴, в том числе – Конституции Российской Федерации.

Российская Федерация ратифицировала основные международно-правовые акты в области защиты прав человека, в частности: Конвенцию о защите прав человека и основных свобод с изменениями, внесенными Протоколами к ней № 3 от 6 мая 1963 г., № 5 от 20 января 1966 г. и № 8 от 19 марта 1985 г., дополнениями, содержащимися в Протоколе № 2 от 6 мая 1963 г., и Протоколы к ней: № 1 от 20 марта 1952 г., № 4 от 16 сентября 1963 г., № 7 от 22 ноября 1984 г., № 9 от 6 ноября 1990 г., № 10 от 25 марта 1992 г., № 11 от 11 мая 1994 г.⁵⁵, № 14 от 13 мая 2004 г.⁵⁶; Европейскую конвенцию о запрещении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г. и Протоколы к ней № 1 и № 2 от 4 ноября 1993 г.⁵⁷; Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г.⁵⁸; Европейскую хартию местного самоуправления от 15 октября 1985 г.⁵⁹

В 1991 г. Верховным Советом РСФСР принята Декларация прав и свобод человека и гражданина, абз. 1 ст. 1 которой определяет: «Права и свободы человека принадлежат ему от рождения», абз. 1 ст. 2 устанавливает: «Перечень прав и свобод, закрепленных настоящей Декларацией, не является исчерпывающим и не умаляет других прав и свобод человека и гражданина». По мнению Б. С. Эбзеева, с принятием Декларации была предпринята «прямая позитивная разработка проблемы прав и свобод человека. Речь при этом идет о нечто большем, чем развитие и углубление прав человека или их обогащение с учетом общедемократических течений общест-

---

⁵³ Из послания Генерального секретаря ООН Кофи Аннана по случаю начала года празднования 50-летия Всеобщей декларации прав человека. URL: <http://www.un.minsk.by/publications/thema/humrightsinpix> (дата обращения: 10.09.2019).

⁵⁴ См.: Карташкин В. А. Права человека: теория, история, практика : монография. Москва, 2011. С. 32.

⁵⁵ Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.

⁵⁶ Федеральный закон от 04 февраля 2010 года № 5-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2010. № 6. Ст. 567.

⁵⁷ Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 44-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1466.

⁵⁸ Федеральный закон от 18 июня 1998 года № 84-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 25. Ст. 2833

⁵⁹ Федеральный закон от 11 апреля 1998 года № 55-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 15. Ст. 1695.

венной мысли: категория прав человека выступает в качестве сердцевины идеологии и практики демократического переустройства общества»⁶⁰.

Таким образом, права человека – феномен мировой культуры, фундаментальная, общепризнанная ценность мировой цивилизации – одна из составляющих в системе высших, неизменных социально-духовных ценностей человечества. Ценность феномена прав человека обусловлена утверждением в общественном сознании идей достоинства, равенства и свободы личности. Права человека выражают жизненно важные потребности и интересы, без обеспечения которых человек не может существовать и сформироваться как уникальная личность. Права человека имеют всеобщий характер, они присущи любому человеческому существу, они – неотъемлемое, естественное свойство личности. Они универсальны, ибо это права всех людей без исключения определяются, как основанные на нормах и принципах права и морали притязания (требования) отдельных индивидов и групп к обществу и государству на основе их принадлежности к человеческому роду в целях самореализации, достижения свободного и всестороннего развития личности.

1.2. Общепризнанные принципы и нормы международного права о правах человека и их значение для правовой системы Российской Федерации

Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией (ч. 1 ст. 17); эти принципы и нормы, а также международные договоры являются составной частью её правовой системы; при этом международный договор имеет приоритет перед законом в случае их коллизии (ч. 4 ст. 15). Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г. закрепил в преамбуле положение о том, что Российская Федерация выступает «за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм»⁶¹. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г.⁶² отмечено: «В соответствии с принципами правового го-

⁶⁰ Эбзеев Б. С. Конституция, демократия, права человека. Москва-Черкесск, 1992. С. 155.

⁶¹ О международных договорах Российской Федерации : Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ : редакция от 12 марта 2014 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶² По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» : постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П ; О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта : указ Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 ; Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разо-

сударства, закрепленными Конституцией Российской Федерации, органы власти в своей деятельности связаны как внутренним, так и международным правом».

Включение на конституционном уровне общепризнанных принципов и норм международного права в правовую систему нашей страны, по мнению В. Д. Зорькина, означает создание механизма, позволяющего «... вводить в отечественную правовую систему новые принципы и нормы, равно как и международные договоры по мере их возникновения, а также обновлять существующие по мере их развития»⁶³. В юридической науке подчеркивается, что «часть 4 ст. 15, инкорпорировав нормы международного права в правовую систему и установив приоритет применения значительной их части по отношению к нормам законов в случаях коллизий с ними, вывела Конституцию РФ в вопросе взаимодействия международного права и права, создаваемого в государстве, на уровень, соответствующий самым высоким мировым стандартам»⁶⁴.

Между тем не является окончательно решённой проблема установления наличия и точного нормативного содержания общепризнанных принципов и норм международного права, их юридической силы в российской правовой системе, метода их применения. В значительной степени обозначенная проблема вызвана известной неопределенностью терминологии и отсутствием чёткого определения статуса общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе нашей страны.

А. Ф. Черданцев по поводу формулировки ч. 4 ст. 15 Конституции РФ справедливо заметил, что «законодатель в целях текстовой экономии, краткости поставил в один ряд содержание (нормы и принципы) и форму (договоры) права. Прямо к источникам (формам) права указанные феномены не отнесены, а отнесены к более широкому по объёму понятию «правовая система»⁶⁵.

В международном и национальном праве отсутствует официальная систематизация «общепризнанных принципов и норм» в области прав че-

---

ружения незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа : постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 ; Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶³ Зорькин В. Д. Конституционный Суд России в современном правовом поле // Журнал Российского права. 2005. № 3. С. 4.

⁶⁴ Малиновский О. Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Философия права. 2009. № 1 (32). С. 77–80 ; Он же. О совершенствовании механизма реализации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в правовой системе Российской Федерации // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru : юридический сетевой электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 52–80 и др.

⁶⁵ Черданцев А. Ф. Интегративное непонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 6.

ловека, несмотря на достаточно распространенное использование термина «общепризнанности». Так, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, в частности, провозглашается: «Каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права», а также «обязательства, вытекающие из международных договоров, действительных согласно общепризнанным принципам и нормам международного права»⁶⁶. В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. содержится похожая формулировка: «Государства-участники будут добросовестно выполнять свои обязательства по международному праву, как те обязательства, которые вытекают из общепризнанных принципов и норм международного права, так и те, которые вытекают из соответствующих международному праву договоров или других соглашений, участниками которых они являются». В п. 4 ст. 75 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. принципы обычного судопроизводства названы «общепризнанными»⁶⁷; в ст. 84 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. сказано об «общепризнанных гарантиях» независимости и беспристрастности суда⁶⁸; в п. 30 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, определены как часть «общепризнанных прав человека»⁶⁹; в ст. 35 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод статус общепризнанной нормы упоминается в правиле об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты перед обращением в международный орган⁷⁰; в Положении о Национальном центральном бюро Интерпола⁷¹, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 14 октября 1996 г., отмечается, что оно в своей деятельности руководствуется и общепризнанными принципами и нормами

---

⁶⁶ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : принята 24 октября 1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶⁷ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶⁸ Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶⁹ Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷⁰ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

⁷¹ Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 марта 2012 г. № 305 : редакция от 15 февраля 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

международного права; целый блок прав и свобод отнесен к категории общепризнанных прав человека Декларацией о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы 1998 г.⁷².

Попытка внести ясность по вопросу об общепризнанных принципах и нормах международного права была сделана Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», где разъяснялся порядок применения норм международного права, а также содержался неисчерпывающий перечень международных пактов, конвенций и др., подлежащих применению судами Российской Федерации. В п. 5 Постановления № 8 отмечалось, что судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью её правовой системы». Пленум Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» определяет общепризнанные принципы и нормы международного права как «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо»⁷³. Однако Пленум содержит неопределённое по своему содержанию положение: «содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединённых Наций и её специализированных учреждений». В науке международного права данные документы рассматриваются как источники «мягкого права», имеющие рекомендательный характер.

В настоящее время в доктрине нет однозначной позиции в отношении критерия общепризнанности нормы международного права – признания всеми, почти всеми или одним государством⁷⁴.

---

⁷² Декларация ООН о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы : принята 9 декабря 1998 г. резолюцией 53/144 на 85-м пленарном заседании 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷³ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12. С. 3–8.

⁷⁴ См.: Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Москва, 2006. С. 217.

Так, А. Н. Талалаев под общепризнанными нормами понимает такие нормы, которые официально признаны всеми или почти всеми государствами независимо от их социального строя в качестве общеобязательных⁷⁵. В. А. Толстик считает термин «общеобязательные» условным в связи с часто используемым в этом контексте выражением «почти всеми»⁷⁶. По мнению С. Ю. Марочкина, «главное – признана или нет конкретная норма убедительным большинством государств»⁷⁷. И. И. Лукашук относительно термина «большинство государств» указывает, что под ним следует понимать «преобладающее большинство»; «оно должно включать все крупнейшие державы»; «требуется учет не только размеров государства, но и объема его международных связей и вообще его связей в развитие международного права»⁷⁸. Некоторые авторы общепризнанность связывают с тем, что эти принципы и нормы должны быть признаны таковыми Российской Федерацией⁷⁹.

В отечественной юридической литературе наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой под общепризнанными принципами и нормами международного права следует понимать принципы и нормы международного права, т. е. обычные и императивные нормы, действующие во всех без исключения сферах международно-правового регулирования и признанные абсолютным большинством современных демократических государств. При этом термин «правовая система» используется для того, чтобы избежать приравнивания всех международных норм к национальному законодательству, поскольку, в отличие от законодательства, в правовой системе страны международные нормы (общепризнанные, императивные, обычноправовые, конвенционные) могут занимать различное положение в иерархии источников российского права.

По вопросу об иерархическом значении общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России одни учёные утверждают, что общепризнанные принципы и нормы международного права

---

⁷⁵ Талалаев А. Н. Соотношение международного и внутригосударственного права в Конституции Российской Федерации // Журнал международного права. 1994. № 4. С. 5.

⁷⁶ Толстик В. А. Общеизвестные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 67–77.

⁷⁷ Марочкин С. Ю. Применение судами норм международного права при разрешении гражданских и арбитражных дел // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 4 (2005). С. 495.

⁷⁸ Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. Москва, 1997. С. 53.

⁷⁹ См., напр.: Завражнов Е. В. Проблемы применения норм международного права при отправлении правосудия // Применение норм международного права в деятельности судов и правоохранительных органов Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции 24 февраля 2005 г. Омск, 2005. С. 119 ; Петров Д. Е. Отрасль права : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 13.

имеют приоритет перед федеральными законами⁸⁰, другие признают их приоритет не только перед федеральными законами, но и перед принципами Конституции РФ⁸¹, третьи – что они не имеют какого-либо приоритета в правовой системе России⁸².

Отсутствие официальной систематизации общепризнанных принципов и норм международного права, а также единой позиции по рассматриваемой проблеме не должно ставить под сомнение то обстоятельство, что данные феномены, «будучи универсальными основополагающими императивными нормами (*jus cogens*), в иерархической системе международно-правовых норм занимают высшую ступень. Порождаемые ими правоотношения являются всеобщими (*erga omnes*)⁸³. Общепризнанные нормы, выраженные в форме международного договора, являются обязательными для нашей страны с момента ратификации договора, содержащего данные нормы, или дачи согласия на их юридическую обязательность одним из других установленных конвенцией способов. Нератифицированные межгосударственные, межправительственные и межведомственные договоры также являются частью правовой системы, но в отличие от ратифицированных международных договоров нератифицированные международные соглашения не обладают приоритетом в применении в случае возникновения коллизии между законом и договором⁸⁴; «... приоритетом применения по отношению к законам обладают не все договоры, а только те, согласие на обязательность которых было выражено в форме федерального закона, из чего следует, что межгосударственные, межправительственные договоры и договоры межведомственного характера, согласие на обязательность которых было выражено в иной форме, имеют приоритет по отношению к подзаконным нормативным актам, принятыми органами государственной власти,

---

⁸⁰ См.: Амирова М. А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации // Международное публичное и частное право. 2006. № 4. С. 7–11.

⁸¹ См.: Бахин С. В. Международная составляющая правовой системы России (статья вторая) // Правоведение. 2008. № 1. С. 117–132; Викут М. А., Афанасьев С. В. К вопросу о реализации части 4 статьи 15 Конституции РФ в сфере гражданского судопроизводства (проблемы теории и практики применения) // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 3. С. 36–44.

⁸² См.: Бабай А. Н., Тимошенко В. С. Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России // Закон. 2006. № 11. С. 95–110; Проценко В. П. Уголовный процесс: методология заблуждения // Современное право. 2011. № 32. С. 94.

⁸³ Лукашук И. И. За международным правом будущее // Международное публичное и частное право. 2006. № 4 (31). С. 4.

⁸⁴ См.: Зимненко Б. Л. Нормы международного права в правовой системе Российской Федерации // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия : материалы Всероссийского совещания : Москва, 24 декабря 2002 г. / под ред. М. А. Митюкова, С. В. Кабышева, В. К. Бобровой и А. В. Сычевой. С. 120.

заключившими договор, а также по отношению к актам нижестоящих органов»⁸⁵.

Принципы и нормы международного права обязательны для законодателя, который должен их имплементировать в национальное законодательство. Однако, пока они не имплементированы в отечественную правовую систему, они не могут являться регулятором общественных отношений, поскольку не обладают необходимыми для этого свойствами. В случае же включения в российскую правовую систему, как справедливо отмечает С. А. Иванов, согласно ч. 1 ст. 15 Конституции, они не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Кроме того, международные договоры должны приниматься в форме федеральных законов о ратификации⁸⁶. О. А. Кузнецова, обратившаяся к вопросу о юридической силе норм и принципов международного права в российской правовой системе, заметила, что по юридической силе они должны следовать за Конституцией Российской Федерации⁸⁷. Как отмечают авторы Конституции Российской Федерации, «Конституция, не устанавливая общий примат международно-правовых принципов и норм над внутригосударственным правопорядком, закрепляет приоритет международного договора Российской Федерации в применении, если и поскольку между ним и нормой национального закона возникла коллизия. Это означает, что нормы закона, предусматривающие иные правила, чем установленные договором, сохраняют свою юридическую силу, но не применяются при разрешении дел, касающихся государства, также участвующего в соответствующем договоре... Конституция в иерархии правовой системы занимает доминирующее положение и в случае коллизии с ней норм международного договора в силу части 1 ст. 15 всегда обладает безусловным верховенством; преимущественно в применении обладают только ратифицированные федеральным законодателем международные договоры, что же касается межправительственных или межведомственных соглашений – они таким преимуществом по отношению к национальному закону не обладают, что вытекает из взаимосвязанных положений ст. 10, 71, 86, 90, 105–107, 113, 114, 125 Конституции РФ и др.»⁸⁸.

Важная роль в осуществлении положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и формировании общей практики применения международных норм принадлежит Конституционному Суду РФ, в решениях которого подчеркива-

---

⁸⁵ См.: Малиновский О. Н. О совершенствовании механизма реализации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в правовой системе Российской Федерации // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru : юридический сетевой электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 56.

⁸⁶ Иванов С. А. Формальное закрепление юридической силы нормативных актов // Государство и право. 2007. № 12. С. 92.

⁸⁷ Кузнецова О. А. Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 3 (9). С. 8.

⁸⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. Москва, 2009. С. 166–167.

ется, что «в соответствии с принципами правового государства, закрепленными Конституцией Российской Федерации, органы власти в своей деятельности связаны как внутренним, так и международным правом» и содержится значительное число ссылок на международные акты⁸⁹.

Что касается прав человека, то мировое сообщество придает им особый статус, констатируя, что «пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам...необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона»⁹⁰. Положение об уважении прав человека и подобные принципы утверждаются на региональном уровне, например, в Парижской хартии для новой Европы от 21 ноября 1990 г. подчеркивается, что уважение прав и свобод человека – это «первейшая обязанность правительства». Принцип уважения прав человека в настоящее время является одним из основных принципов международного сотрудничества⁹¹, а «общепризнанные принципы и нормы международного права могут непосредственно применяться во внутригосударственной сфере, восполняя пробелы в законодательстве»⁹². В Декларации тысячелетия, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 8 сентября 2000 г., подчёркивается, что одной из главных задач международного сообщества в XXI веке является повышение уважения к принципу верховенства права в международных и внутренних делах. В этой связи представляется правильным предложение Е. Т. Байльдинова считать принцип уважения прав и свобод человека основополагающим элементом международного права, а остальные производными от него⁹³.

Исходя из изложенного, необходимо подчеркнуть, что для правовой системы России принцип всеобщего уважения прав человека имеет особое значение. Как отмечал С. С. Алексеев, «права человека обладают универсальной юридической силой, и поэтому по вопросам прав человека утверждается идея универсальной юрисдикции»⁹⁴. Это означает, в частности, что отношения в сфере прав человека представляют собой комплексный (со-

⁸⁹ См., например: По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 37, ч. 7 ст. 246 и ч. 1 ст. 38913 УПК РФ: определение КС РФ от 7 декабря 2017 г. № 2800-О ; По делу о проверке конституционности положений ст. 38 и 125 УПК РФ : постановление КС РФ от 21 ноября 2017 г. № 30-П ; По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ: постановление КС РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П ; По делу о проверке конституционности п. 1 и 3 ст. 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» : постановление КС РФ от 29 мая 2018 г. № 21-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹⁰ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67.

⁹¹ См.: Международное право : учебник / под ред. Г. И. Тункина. Москва, 1999. С. 125.

⁹² См.: Мелешников А. В. Права человека и международно-правовая ответственность за их нарушение // Государство и право. 1992. № 3. С. 96.

⁹³ Байльдинов Е. Г. Новое международное право: к вопросу о сущности // Московский журнал международного права. 2013. № 2. С. 39.

⁹⁴ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. Москва, 2001. С. 677.

вмещенный) предмет регулирования, что все права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ и иных нормативно-правовых актах, должны толковаться в соответствии с этим принципом⁹⁵. При этом, по мнению Т. Г. Морщаковой, исходя из анализа ч. 1 ст. 17 и ч. 1 ст. 55 Конституции РФ, в сфере защиты прав человека именно Конституция устанавливает, что нормами международного права как раз и обусловлено конституционное содержание этих прав, а отсюда вытекает принятая на себя государственными институтами задача обеспечивать толкование конституционных прав человека соответственно официальному толкованию одноименных конвенционных прав⁹⁶.

В Конституции РФ не только говорится о соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в связи с признанием и гарантированием прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 17), но и устанавливается право каждого «в соответствие с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (ч. 3 ст. 46). Согласно ст. 18 Конституции РФ «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». В юридической литературе отмечается, что в настоящее время «отношение Российской Федерации к международному праву соответствует требованиям, вытекающим из Устава ООН, Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., иных международных актов, и отражает имеющую в условиях набирающего силу процесса глобализации объективный характер тенденцию к усилению взаимодействия системы международного права и правовых систем государств»⁹⁷.

О. Н. Малиновский, исследовавший проблему общепризнанных принципов и норм международного права в сфере прав человека, обоснованно относит к таковым: общепризнанные договорные нормы, закрепленные, в частности, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г., Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.; общепризнанные обычные нормы, содержащиеся, в частности, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Дек-

⁹⁵ См.: Малиновский О. Н. О совершенствовании механизма реализации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в правовой системе Российской Федерации... С. 55.

⁹⁶ Морщакова Т. Г. Конституционная и судебная имплементация Европейской конвенции по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2 (111). С. 182–190.

⁹⁷ См.: Малиновский О. Н. О совершенствовании механизма реализации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в правовой системе Российской Федерации ... С. 55.

ларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы 1998 г. О. Н. Малиновский отмечает, что в рамках национальной правовой системы общепризнанные принципы и нормы международного права могут реализовываться как путем отражения во внутригосударственном законодательстве посредством разработки и принятия новых законов, внесения дополнений и изменений в действующие, так и путем непосредственного применения на основе ч. 4 ст. 15 и иных норм Конституции РФ, а также других правовых актов⁹⁸.

В юридической литературе особое значение для правовой системы России придаётся такому договору, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., нормы которого реализуются в практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Ратификация Российской Федерацией в 1998 г. Европейской конвенции, во многом являющейся «общей институциональной нормой для различных европейских правовых систем»⁹⁹, оказала существенное влияние на развитие российского законодательства и правоприменительной практики. Как заметил В. А. Туманов, ценность и эффективность Конвенции обусловлена динамизмом её развития – она эволюционирует как посредством принятия новых протоколов, так и путем развития практики ЕСПЧ, а также самоисполнимостью её норм; она закрепляет не только практически весь перечень гражданских и политических прав и свобод, но и предоставляет широкие возможности для их защиты. Международные стандарты прав и свобод, закрепленные в Конвенции, направлены на обеспечение уровня гарантий, который её участники не вправе понижать. Для ЕСПЧ, являющегося важнейшим институциональным элементом основанной на Конвенции системы защиты прав, – это «общеевропейская конституция», «основной закон», «единый и единственный кодекс», причем одновременно и материально-правовой, и судеустройственный, и процессуальный¹⁰⁰.

Вместе с тем, при реализации решений ЕСПЧ возникают проблемы, связанные с расхождением правовых позиций Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ и исполнением Россией постановлений ЕСПЧ в случае таких расхождений (постановления ЕСПЧ от 4.07.2013 г. по делу «Анчугов и Глад-

---

⁹⁸ См.: Малиновский О. Н. Реализация норм международного права в правовой системе России: общий обзор некоторых актуальных проблем // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3 (8). С. 479–486 ; Он же: Реализация норм международного права в правовой системе России: некоторые теоретические проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9). С. 397–403 ; Он же: Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Философия права. 2009. № 1 (32). С. 77–80.

⁹⁹ Де Сальвия. Европейская конвенция по правам человека. Санкт-Петербург, 2004. С. 56.

¹⁰⁰ Туманов В. А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. Москва, 2001. С. 67.

ков против России¹⁰¹», от 31.07.2014 г. по делу «ОАО Нефтяная компания «ЮКОС»¹⁰²). Конституционным Судом РФ в Постановлении от 14.07.2015 № 21-П по делу К. А. Маркина установлен правовой механизм, предусматривающий право Конституционного Суда РФ принимать решения о невозможности исполнения в целом или в части решений ЕСПЧ в случаях, если Конституционный Суд РФ придет к выводу об их несоответствии Конституции РФ. Конституционный Суд РФ в этом постановлении отметил, что Конституция и Конвенция базируются на одних и тех же ценностях, и Конституционный Суд считает возможным использовать «право на возражение» лишь в редчайших случаях ради внесения своего вклада в формирование сбалансированной практики ЕСПЧ, но не ради самоизоляции от его решений, которые отражают консенсус, выработанный государствами – участниками Конвенции, а исходя из необходимости конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с ним¹⁰³. Механизм реализации «права на возражение» был закреплен Федеральным конституционным законом от 14.12.2015 г. № 7-ФКЗ 27¹⁰⁴, выражается в решениях Конституционного Суда РФ: постановлении от 19 апреля 2016 г. № 2 12-П, от 19 января 2017 г. № 1-П.

Анализируя проблему соотношения международного и национального правопорядков, А. И. Ковлер заключает, что данная проблема требует «серьёзного и глубокого осмысления процесса глобализации правовых отношений в современном мире, когда система международного и европейского правопорядка непременно должна основываться на стабильности национальных правовых систем подобно тому, как в сейсмически неустойчивых зонах здания возводятся на укрепленном фундаменте. «Конкуренция» национальных и наднациональных правовых систем, напротив, расшатывает неустойчивую пока арматуру, что грозит ни много ни мало обрушением всего здания»¹⁰⁵.

При отсутствии в международном и национальном праве перечня общепризнанных принципов и норм в области прав человека к таковым, в частности, следует относить: право на жизнь, право на уважение челове-

---

¹⁰¹ По делу «Анчугов и Гладков против России»: постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰² По делу «ОАО Нефтяная компания «ЮКОС»: постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2015. № 30. Ст. 4658.

¹⁰⁴ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2015. № 51 (часть I). Ст. 7229.

¹⁰⁵ Ковлер А. И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. № 1 (2015): Европейская конвенция: новые «старые» права. Москва, 2015.

ского достоинства; равенство всех перед законом, право свободного передвижения, выбор места пребывания и жительства, право на гражданство, право на свободу убеждений, свобода вероисповедания и т. д., вне зависимости от национальной принадлежности, культурных и религиозных особенностей, политического режима, формы правления и государственного устройства и других обстоятельств.

Таким образом, под общепризнанными принципами и нормами международного права следует понимать принципы и нормы международного права, т. е. обычные и императивные нормы, действующие во всех без исключения сферах международно-правового регулирования и признанные абсолютным большинством современных демократических государств. Будучи универсальными основополагающими императивными нормами (*jus cogens*), общепризнанные принципы и нормы международного права в иерархической системе международно-правовых норм занимают высшую ступень. Порождаемые ими правоотношения являются всеобщими (*erga omnes*). Общепризнанные нормы, выраженные в форме международного договора, являются обязательными для нашей страны с момента ратификации договора, содержащего данные нормы, или дачи согласия на их юридическую обязательность одним из других установленных конвенцией способов.

Для правовой системы России принцип всеобщего уважения прав человека имеет особое значение. Права человека обладают универсальной юридической силой, и поэтому по вопросам прав человека утверждается идея универсальной юрисдикции. Это означает, в частности, что отношения в сфере прав человека представляют собой комплексный (совмещенный) предмет регулирования, что все права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ и иных нормативно-правовых актах, должны толковаться в соответствии с этим принципом.

1.3. Права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации

Конституция Российской Федерации как основополагающий источник российского права в преамбуле закрепила ряд политических принципов, на которых основана концепция российской государственности, и среди этих принципов определила права и свободы человека. Установление в ст. 1 гл. 1 положения о том, что Россия является правовым государством, можно рассматривать как предусмотренную Основным Законом программно-целевую направленность для общества и государства – построение правового государства, в котором власть ограничена естественными и неотчуждаемыми правами и свободами человека и гражданина.

Проявлением концепции правового государства, положенной в основу действующей Конституции, стала статья 2, установившая, что человек, его права и свободы – высшая ценность, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

В ст. 2 Конституции речь идет о правах и свободах как таковых, безотносительно к факту их формально-юридического закрепления, то есть государство связано не собственными юридическими установлениями, а идеями, отражающими представление о правах и свободах, неотъемлемо присущих человеку, как первичными нравственными и разумными императивами и обязано их признавать, соблюдать и гарантировать. Признание прав и свобод человека и гражданина означает, что они не даруются и не отчуждаются у человека государством произвольно, а существуют помимо государственной воли, являются естественными и неотчуждаемыми. Соблюдение означает исполнение тех прав человека, которые закреплены Конституцией и законом. Защита означает недопущение нарушения прав человека в будущем, пресечение их нарушения и восстановление в случае нарушения.

Необходимо отметить, что статья 2 носит абсолютный, безальтернативный характер и подлежит непосредственному применению (ст. 15 Конституции РФ). Конституция провозглашает, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения», (ч. 2 ст. 17), что они являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18).

Все конституционные принципы – равноправия и самоопределения народов, государственного суверенитета и безопасности, государственной целостности и территориального единства и другие – могут рассматриваться как однопорядковые, но подчиненные идее признания человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности¹⁰⁶. Признаваемая неотъемлемость прав и свобод человека и гражданина означает невозможность нарушения их государством, призванным их оберегать и охранять, и придает государственной власти подзаконный характер¹⁰⁷. Это означает, что начинает действовать новая концепция взаимоотношений личности и государства, соответствующая принципам гражданского общества¹⁰⁸.

В соответствии с современной концепцией прав человека не только граждане несут ответственность перед государством, но и государство отвечает перед своими гражданами за обеспечение свободы, личной неприкосновенности и неприкосновенности личной жизни, за соблюдение всех прав граждан; что в государстве исключается произвол власти в отношении граждан, обеспечивается правовая защита личности¹⁰⁹.

---

¹⁰⁶ См.: Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. Москва, 2007. С. 80.

¹⁰⁷ См.: Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. Москва, 1997. С. 92.

¹⁰⁸ См.: Теория государства и права : учебник / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первалова. Москва, 2001. С. 226.

¹⁰⁹ См.: Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. Москва, 1984. С. 4.

Права человека – это проявление свободы во всех сферах жизнедеятельности личности. В. С. Нерсисянц писал: «Без свободных индивидов, без прав и свобод человека невозможно и само право как таковое. Права человека – это необходимый, неотъемлемый и неизбежный компонент всякого права, субъектно-человеческий аспект выражения бытия и осуществления формы свободы и равенства людей»¹¹⁰.

В Конституции Российской Федерации словосочетание «права человека» употребляется одновременно со «свободой человека», в результате образуется термин – «права и свободы человека и гражданина».

Термины «права» и «свободы» в юридической теории рассматриваются как однопорядковые явления для личности. Как справедливо заметил В. А. Куликов, «только через категорию «свобода» можно наиболее адекватно отразить онтологическую, социальную сущность прав человека»¹¹¹.

Категория «свобода» имеет фундаментальный характер в философии, однако до настоящего времени недостаточно разработана как правовая категория. В русском языке слово «свобода» имеет наряду с другими и такие значения, как «своя воля; возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле»¹¹², «отсутствие каких-либо ограничений, стеснений в чем-н.; состояние того, кто не находится в заключении, в неволе»¹¹³.

В философии свобода человека в самом широком смысле определяется как состояние неограниченности; свобода индивида понимается как естественная необходимость. Человек не выбирает родителей, времени и места рождения, пола; его организм развивается по определённым биологическим законам, которые он не в состоянии изменить. В процессе жизнедеятельности человек принуждён непрерывно осуществлять выбор вариантов своего поведения, поскольку это обусловлено особенностью его биологической организации, а также определено необходимым условием его развития; он не в состоянии быть несвободным по своему желанию и, таким образом, право на свободу реализуется объективно¹¹⁴. По словам Ж.-П. Сартра, человек приговорен к свободе – свобода есть бытие человеческих явлений¹¹⁵. Русский философ Н. Бердяев писал: «Человек изначально

¹¹⁰ Нерсисянц В. С. Философия права : учебник для вузов. Москва, 1997. С. 376.

¹¹¹ Куликов В. А. Личная неприкосновенность как право человека и принцип российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 20.

¹¹² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. Москва, 1998. С. 151–152.

¹¹³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка ... С. 704.

¹¹⁴ См.: Козулин А. И. Об источниках прав человека // Государство и право. 1994. № 2. С. 146–153 ; Упоров И. В. Виды, содержание и иерархия источников права в контексте естественного и позитивного права // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 41.

¹¹⁵ Цит. по: Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Основы этики : учебник. Москва, 2007. С. 146.

свободен, если он человек. Свободу нельзя не из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать»¹¹⁶.

По мысли Гегеля, «свобода состоит именно в том, чтобы ... быть в зависимости от самого себя, определять самого себя»¹¹⁷. Дж. Локк под свободой понимал возможность «действовать или не действовать согласно нашему желанию или выбору»¹¹⁸.

Быть свободным – значит действовать, опираясь на законы природы и общества. Объективная необходимость законов природы предлагает человеку определенные варианты поведения. Человек, познавший законы необходимости, знает, к каким последствиям приведет тот или иной его выбор, предвидит результаты своих действий и сообразует поведение в соответствии с этим знанием. Поэтому утверждение «свобода есть познанная необходимость» – является в философии одним из неоспоримых постулатов¹¹⁹. Еще Барух Спиноза утверждал: «Свобода – это свобода... от зависимости человека от внешних обстоятельств»¹²⁰. Определяя свободу как осознанную необходимость, философы делают ряд выводов: во-первых, необходимость является реальным конкретным содержанием свободы; во-вторых, объективная необходимость и постоянство законов природы и общества есть в то же время гарантия свободы; в-третьих, расширение возможностей человека и общества, т. е. свободы, характеризуется переходом от слепой необходимости (необходимость в себе) в познанную необходимость (необходимость для нас); в-четвертых, свобода может иметь определенную количественную характеристику: сколько вариантов поведения имеется у субъекта в данной ситуации¹²¹.

«Предоставить» свободу человеку невозможно, каждый индивид должен «дойти» или «дорости» до свободы самостоятельно, признав её как объективную необходимость. Американский юрист Лернэнд Хэнд подчеркивал, что свобода живет в душах людей, а когда она там умирает, её не спасут ни конституции, ни законы, ни суды¹²².

Инструментом осуществления свободы и способность к выбору деятельности, внутренним усилием для её осуществления является воля¹²³. Воля (волеизъявление) неотделима от конкретного человека. «Воля» – это способность личности и к выбору своей деятельности, и к внутренним усилиям, необходимым для её осуществления. Там, где проявляется воля, воз-

---

¹¹⁶ См.: Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии и национальности. Москва, 1990. С. 254–255.

¹¹⁷ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Москва, 1974. С. 124.

¹¹⁸ Локк Дж. Избранные философские произведения : в 2 т. Москва, 1960. Т. 1. С. 259.

¹¹⁹ См.: Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Указ. соч. С. 147.

¹²⁰ См.: Ильенков Э. В. Свобода воли // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 70.

¹²¹ Цит. по: Гароди Р. Проблемы свободы и необходимости в свете марксизма : дис. ... д-ра философ. наук. Москва, 1954. С. 57.

¹²² Цит. по: Маковик Р. С., Бессараб Н. Р. Изоляция личности в российском праве и законодательстве : учебник. Москва, 2007. С. 37–48.

¹²³ Квачева П. И., Артемьев А. В. Социогинез власти, общества, личности и государства. Москва, 2002. С. 115.

никает и свобода. Гегель писал: «Всемирная история есть дисциплинирование необузданной... воли и возвышение её до... субъективной свободы»¹²⁴.

Воля свободна – это объективно вытекает из свободы сознания (в русском языке одним из синонимов слову «свобода» является «воля»).

Определение свободы как выбора – лишь один из аспектов свободы. Свобода – это не свобода выбора между несколькими возможностями, а внутренняя необходимость действовать так, а не иначе. Свобода рождается как свобода мыслей и чувств и лишь потом, в процессе её развития «переходит» в свободу действий в объективном мире. То есть свобода имеет две грани: субъективную (свобода мышления) и объективную (свобода действовать).

Свобода отдельной личности в философии и юридической теории определяется как внешнее и внутреннее состояние независимой личности, познающей объективную необходимость и действующую в соответствии с ней на основе своего волевого выбора. Важнейшим из стремлений человека является стремление быть самим собой, развивать свой созидательный потенциал, формировать в себе подлинно человеческие качества. Среди этих качеств первостепенное значение имеют свобода воли, стремление к независимости, самоутверждению и достижению высоких общественно-нравственных идеалов¹²⁵.

Относительно социума свобода как неограниченность теряет свой абстрактный характер, так как социум определяет границы индивидуальной свободы человека, т. е. вседозволенности.

Идея о том, что человек обладает действительной свободой воли, способной повести его как по пути добра, так и по пути зла, предполагает личную ответственность. В результате понимание свободы связывается с возложением на конкретного человека обязанности самодисциплины и самоограничения – индивидуально-определенной меры свободы при её осуществлении. Свобода не означает, что человек огражден от любой ответственности перед другими людьми и обществом.

Социальная свобода основывается на любых устоявшихся правилах совместного сосуществования, в первую очередь – морали и права.

К. Поппер так пишет о парадоксе свободы: «Свобода сама себя устранивает, если она не ограничена. Свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем такого ограничения законом»¹²⁶.

В юридической теории отмечается, что «свобода не безгранична... Человеческое общежитие предполагает согласование интересов и воли при осуществлении прав и свобод каждым индивидом... Поэтому закон, исходя

---

¹²⁴ Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14-т т. Т. 8. Москва, Ленинград, 1935. С. 98.

¹²⁵ Права человека : учебное пособие / под общей ред. А. Д. Гусева и Я. С. Яскевич ... С. 12.

¹²⁶ Поппер К. Открытое общество и его враги // Власть, политика, государство, право : хрестоматия. Вып. 2 / автор-сост. Д. А. Ягофаров. Екатеринбург, 2003. С. 18.

из необходимости... сочетания различного рода интересов, может устанавливать пределы тех или иных прав, ...ограничения реализуемых свобод в конкретных ситуациях ...», «человек живет в обществе, поэтому в строго определённых ситуациях возможно ограничение прав и свобод человека и гражданина»¹²⁷; свобода нуждается в правовом регулировании, «... то есть разграничении пространства взаимодействия субъектов... для того, чтобы свобода человека не подавляла свободу другого». С другой стороны, «ее ограничение властью имеет определенные пределы»¹²⁸.

Право – это важнейшая форма и официальный предел осуществления личности своей субъективной свободы. Гегель выдвинул теорию единства свободы и права: свобода – это положительное выражение сущности господствующего в обществе права и закон деятельности личности в рамках этого права, т. е. «идея права есть свобода»¹²⁹.

Преломляясь через право, социальная свобода становится правовой.

Границы прав (свобод) неизбежны, они подлежат ограничениям и контролю: «свобода не может быть абсолютной, она требует ограничений, чтобы предупредить злоупотребление ей»¹³⁰. Принципиальное значение имеет то, что под свободой понимается возможность совершать не любые, а любые правомерные действия. В соответствии с Декларацией прав и свобод человека и гражданина свобода представляется как возможность «делать всё, что не наносит вреда другому, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом». В части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации устанавливается: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», т. е. пределом, ограничивающим возможность делать «все, что не запрещено», выступает свобода других людей.

Р. А. Мюллерсон по этому поводу писал: «Подобно тому, как нельзя приносить интересы, права и свободы отдельного индивида в жертву интересам общества, нации или государства, нельзя и абсолютизировать примат прав и свобод личности над интересами общества в целом. Обе крайности одинаково неприемлемы, опасны»¹³¹. В научной литературе высказаны суждения о том, что право, устанавливая рамки (границы) юридической возможности деятельности людей, всегда ограничивает человеческую независимость, заменяя ее закрепленной в законодательстве свободой.

---

¹²⁷ Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. Москва, 2008. С. 103, 107.

¹²⁸ Демидов А. И. Власть в единстве и многообразии ее измерений // Государство и право. 1995. № 11. С. 6.

¹²⁹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Москва, 1974. С. 124.

¹³⁰ Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. Москва, 1991. С. 123.

¹³¹ Мюллерсон Р. А. Указ. соч. С. 91.

В результате право одновременно и охраняет и ограничивает независимость личности»¹³².

Таким образом, право является регулятором внешней (физической) свободы личности, предоставленной, но и ограниченной правовой нормой. Результатом законодательного регулирования общественных отношений является юридическая (правовая) свобода как один из аспектов сложного и многогранного комплекса социальной свободы. Смысл юридической свободы состоит в том, чтобы оградить личность от внешнего произвола как со стороны других, так и со стороны государства; свобода связана с её неизбежной ограниченностью в праве.

Роль правовой свободы выражается в определении границ одобряемого и дозволенного в обществе поведения человека.

Правовая свобода основывается на формализованных предписаниях и, обладая общеобязательностью и механизмом принуждения, образует особые условия реализации человеческих устремлений. Отсюда – свобода личности возможна только в рамках права. При этом право в числе своих функций «обязано» способствовать достижению членами общества свободы¹³³. Чем больше у человека прав, тем реальнее его свобода, тем шире его возможности выбора целей и средств их осуществления¹³⁴.

Именно правовая свобода – самая реальная форма свободы человека, «поскольку, во-первых, является наиболее определенной в силу её законодательной регламентации; во-вторых, именно в связи со своей формальной определенностью может быть гарантирована; и, в-третьих, ни одна другая форма свободы личности не гарантирована столь надежно и стабильно, так как её гарантом является самая мощная структура политической системы – государство...»¹³⁵.

В юридической литературе высказано мнение, что по своей юридической природе и системе гарантий права и свободы идентичны, что они в равной степени очерчивают обеспечиваемые государством социальные возможности человека в разных сферах¹³⁶. Так, Н. И. Мазутов писал: «Когда законодатель хочет предоставить свободу, он предоставляет право. Собственно, свобода в юридическом смысле и есть субъективное право, как и наоборот, субъективное право есть юридически гарантированная свобода»¹³⁷. По мнению Е. И. Козлова и О. Е. Кутафина, разделение между ка-

---

¹³² Вопленко Н. Н. Ограничение независимости личности в праве // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву : сборник научных трудов. Нижний Новгород, 1998. Ч. 1. С. 80.

¹³³ Сорокина Ю. В. Право и свобода // Юрист. 2002. № 2. С. 2.

¹³⁴ Права человека : учебное пособие / под общей ред. А. Д. Гусева и Я. С. Яскевич. Минск, 2002. С. 10.

¹³⁵ Югов А. А. Конституционный статус личности – ядро правовой системы свободы личности // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 2.

¹³⁶ См.: Мазутов Н. И. Личность. Права. Демократия: теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1992. С. 250; Права человека : учебник / под ред. Е. А. Лукашева. Москва, 2001. С. 132.

¹³⁷ Мазутов И. Н. Личность. Права. Демократия ... С. 250.

тегориями «право и свобода» условно – и то и другое означает юридически признанную возможность каждого избирать вид и меру своего поведения как человека¹³⁸.

Тем не менее, между рассматриваемыми феноменами существует различие. Свобода в отличие от права включает не только сферу внешних отношений человека с другими людьми, возможность действовать, реализовывать вариант своего поведения (свобода объективная, внешняя, физическая), но и внутреннюю сферу сознания человека – свободу мысли и чувства (свобода субъективная, внутренняя как свобода мышления). Термин «свобода» призван подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора, не очерчивая при этом конкретного его результата. Е. А. Лукашева, определяя свободу, замечает: «В общесоциальном смысле свобода есть состояние человека, характеризующееся его возможностью действовать по собственному усмотрению. В этом значении свобода – это право в естественном состоянии, не ограниченное и не стесненное формально-юридическими условностями, т. е. не выраженное в тексте юридического документа (не переведенное на язык права). Это право в фактической форме»¹³⁹.

По вопросу о соотношении права и свободы можно заключить, что будучи явлениями одного порядка (то и другое – гарантированная законом мера возможного поведения лица или группы лиц), они имеют различие. Различие заключается в том, что права предполагают регламентацию порядка их существования, а свободы предполагают, что человек сам выбирает пути, способы и средства ее реализации. В этом смысле право есть «мера свободы», «основа социального (фактического) и правового положения человека в обществе и государстве»¹⁴⁰. Порядок и объем реализации прав в большинстве случаев регламентируются. Свобода же чаще всего рассматривается как область человеческого поведения, в которую государство не вмешивается¹⁴¹; когда речь ведут об ограничении свободы, то обычно имеют в виду ограничения в реализации прав личности¹⁴².

Являясь идентичными по своей юридической природе и системе гарантий, рассматриваемые феномены, используемые вместе, образуют самостоятельный термин – «права и свободы», обозначающий основополагающие, фундаментальные права человека и гражданина.

Для реализации таких прав, как право на жизнь, достойное существование, достаточно лишь факта рождения человека и совсем не обязательно, чтобы он обладал качествами личности и гражданина, для реализации же

---

¹³⁸ См.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. Москва, 1996. С. 215.

¹³⁹ Права человека / под ред. Е. А. Лукашевой. Москва, 2000. С. 20–25.

¹⁴⁰ См.: Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении : учебное пособие. Москва, 2004. С. 31.

¹⁴¹ См.: Международное право / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. Москва, 1996. С. 298.

¹⁴² Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. Москва, 1968. С. 5.

остальных прав требуется, чтобы человек был личностью и гражданином какого-нибудь государства.

При рассмотрении проблемы прав человека в правовой теории используются категории «человек», «личность», «гражданин». Психологи отмечают, что не всякий человек – личность, хотя всякая личность – человек. Личность появляется с момента осознания своего «Я», и в своем развитии проходит путь от «минимума личности» до своей социальной зрелости. Если понятие «человек» характеризует его с биологической стороны, как индивида с физиологическими свойствами, то понятие личности характеризует человека с социальной стороны, которая осознает себя, свое место и роль в обществе, ответственность перед ним¹⁴³. В юридической литературе сформировался общий подход к определению личности, в соответствии с которым личность – это член общества, наделенный правовым статусом, правосубъектностью, адресат правового воздействия, участник различных общественных отношений, совокупность и содержание которых определяют его положение и социальную роль, поведение и духовную жизнь¹⁴⁴. Таким образом, понятия «человек» и «личность» находятся между собой в тесной взаимосвязи, отражая различные аспекты одного целого. Человек, как продукт природы, выступает материальной, биологической основной личности. Личность же, в свою очередь, является продуктом общества, характеризуется единством социальных и биологических черт.

Понятие «гражданин» означает правовую характеристику личности как члена государства, основополагающего субъекта всей правовой системы; гражданин – это человек, который, находится в устойчивой правовой связи с конкретным государством¹⁴⁵.

При характеристике прав человека используются слова «любой», «каждый» человек, «никто», «все лица», тогда как при характеристике прав гражданина – термины: «гражданин государства», «правовой статус индивида» и др.

В отечественной теории права существует множество определений понятия прав человека, включающих различные элементы по тем или иным аспектам этого сложного феномена. В результате анализа этих определений относительно характеристики прав человека можно заключить, что они – неотъемлемые свойства и возможности, устанавливающие сферу свободы и самоопределения личности, её автономию, закрепленные в правовых нормах, представляющие собой субъективные права, которыми обладает каждый человек; они имеют определенную меру, одинаковую для каждого и всех в качестве субъектов правового общения, выражают жизненно важные потребности и интересы личности; выступают в качестве стабилизатора отношений в обществе на основе выработанных международным сообще-

---

¹⁴³ См.: Платонов К. К. Структура и развитие личности. Москва, 1986. С. 227.

¹⁴⁴ Общая теория государства и права : академический курс. Теория государства. Москва, 1998. Т. 1. С. 261.

¹⁴⁵ Там же. С. 262.

ством общепризнанных международных стандартов в области прав человека; они – показатель уровня взаимоотношений личности и государства; в современных условиях они признаны и охраняются международным сообществом; все права универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны, имеют равную значимость, составляют единый комплекс, из их совокупности нельзя исключить хотя бы одну составляющую в ущерб другим¹⁴⁶. Являясь понятийной и правоприменительной категорией норм международного и национального права, права человека выступают в качестве принципа конституционного строя Российской Федерации, являются определяющими началами правовой системы нашей страны, для содержания и применения законов, деятельности государственной власти и органов местного самоуправления.

Права человека – сложная, многоаспектная категория. Права человека в общей теории права определяются как основанные на нормах и принципах права и морали притязания (требования) отдельных индивидов и групп к обществу и государству на основе их принадлежности к человеческому роду в целях самореализации, достижения свободного и всестороннего развития личности, как неотъемлемые свойства и возможности, устанавливающие сферу свободы и самоопределения личности, её автономию, закрепленные в правовых нормах, представляющие собой субъективные права, которыми обладает каждый человек; они выражают жизненно важные потребности и интересы личности; они – стабилизатор отношений в обществе на основе выработанных международным сообществом общепризнанных международных стандартов в области прав человека, показатель уровня взаимоотношений личности и государства, ответственности последнего за деятельность личности и её безопасность; в современных условиях они признаны и охраняются международным сообществом; все права неделимы, составляют единый комплекс, из их совокупности нельзя исключить хотя бы одну составляющую в ущерб другим.

Личные права выделяются по такому критерию, как сфера реализации. Если рассматривать личные права в таком аспекте, то они подразделяются на естественные и гражданские. Наряду с личными правами выделяются политические, социально-экономические, культурные права. Такой подход к правам человека имеет наибольшее практическое значение, так как позволяет отразить специфику их характера и тех сфер жизнедеятельности, в которых они реализуются.

По сути, личными правами являются все права, принадлежащие человеку, то есть в широком смысле. В узком смысле под личными правами понимаются лишь та часть прав, которая непосредственно защищает личную жизнь и свободу каждого человека.

Именно права человека, или личные права, характеризующие челове-

---

¹⁴⁶ Права человека / под ред. Е. А. Лукашевой. Москва, 2000. С. 20–25 ; Права человека : учебное пособие / под общей ред. А. Д. Гусева и Я. С. Яскевич. Минск, 2002. С. 11 ; Ковалев А. А. Международная защита прав человека : учебное пособие. Москва, 2013 и др.

ка и гражданина как биосоциальное существо, представляют наибольшую ценность для свободы, демократии и прогресса.

Большинство из личных прав носят абсолютный характер, т. е. являются не только неотъемлемыми, но и неотчуждаемыми, не подлежащими ограничению и отступлению (приостановлению) ни при каких обстоятельствах. Наряду с личными правами и свободами к основным правам и свободам относят также ряд политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод. Основные права и свободы представляют единый комплекс, из их совокупности нельзя исключить хотя бы одну составляющую в ущерб другим.

Все основные права и свободы взаимосвязаны, деление между ними условно, поскольку отдельные права по своему характеру могут быть отнесены к разным группам. Например, свобода слова в равной степени может быть отнесена как к личным, так и к политическим правам.

По степени важности (обязательности) выделяют основные (фундаментальные) и дополнительные (остальные, не основные) права. К фундаментальным относят те права, которые закреплены в международных актах – таких, как Всеобщая декларация прав человека (1948), Международные пакты о правах человека (1966), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), и в Конституции. Фундаментальными права называются потому, что они являются жизненно важными и наиболее значимыми как для отдельных индивидов, так и в целом для общества и государства. Эти права составляют ядро правового статуса личности, выражают идею демократического правового государства, провозглашенную ст. 1 Конституции Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации провозгласила практически весь комплекс прав и свобод человека, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека. На переднем плане в Основном Законе страны установлены *личные* или *естественные* права и свободы. Они призваны обеспечивать свободу и автономию индивида как члена гражданского общества, его юридическую защищенность от какого-либо незаконного внешнего вмешательства.

Получив закрепление в Конституции, наиболее важные права имеют высшую юридическую защиту, именуются *конституционными правами*. Основные права индивида – это и есть конституционные права, их еще именуют *элементарными* правами человека. Позитивно-правовая институализация в Основном законе страны означает государственно-правовое признание – заимствованные из постулатов и деклараций, они становятся правами в юридическом смысле. Статья 45 Конституции устанавливает, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется.

К числу основных личных прав отнесены: право на жизнь, свободу и неприкосновенность; право на охрану достоинства личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; право на тайну переписки, телефонных переговоров, поч-

товых, телеграфных и иных сообщений; право на неприкосновенность жилища; право на свободу определения национальной принадлежности; право на свободу передвижения.

Содержащийся в Конституции РФ перечень личных прав и свобод является полным, достаточным для защиты человека от внешнего вмешательства в его внутренний мир. Вместе с тем следует иметь в виду, что Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 5) утверждают открытость перечня прав и свобод человека и гражданина, возможность присоединения новых прав к уже провозглашенным (в том числе путем заключения международных договоров).

Основные права и свободы, закрепленные в Конституции, составляют содержание конституционно-правового статуса личности, ответственность за их нарушение либо отсутствие условий для их реализации должен нести не только тот или иной государственный орган, но и государство в целом.

Особенность конституционных положений заключается в том, что они во многом приближаются к общетеоретическим конструкциям, имеют надотраслевые черты и об их реальности в той или иной сфере правоотношений может свидетельствовать исполнимость и гарантированность. С целью исполнимости и гарантированности конституционные права и свободы, выступая в качестве предпосылки любого правоотношения в конкретной сфере, постоянного, неотъемлемого права каждого участника правоотношения, должны быть конкретизированы и получать явное (эксплицитное) выражение в отраслевом законодательстве. Явное выражение конституционных положений в отраслевом законодательстве обеспечивает единство и стабильность системы права.

Таким образом, права человека – неотъемлемые свойства и возможности, устанавливающие сферу свободы и самоопределения личности, её автономию, представляющие собой субъективные права, которыми обладает каждый человек; они выражают жизненно важные потребности и интересы личности; они – стабилизатор отношений в обществе на основе выработанных международным сообществом общепризнанных международных стандартов в области прав человека, показатель уровня взаимоотношений личности и государства, ответственности последнего за деятельность личности и её безопасность; в современных условиях они признаны и охраняются международным сообществом; все права неделимы, составляют единый комплекс, из их совокупности нельзя исключить хотя бы одну составляющую в ущерб другим.

1.4. Ограничение прав и свобод в соответствии с международно-правовыми актами и Конституцией Российской Федерации

Одним из свойств (признаков) основных прав и свобод человека и гражданина является специально определяемый в Конституции РФ особый порядок их ограничения.

Между тем, недостаточная определенность и многозначность термина «ограничение прав и свобод» требуют решения проблемы установления границ полномочий государственных органов и должностных лиц в случаях, связанных с их ограничением. Как верно заметил Н. С. Малютин, проблема, по сути, сводится к отсутствию доктринально разработанных критериев разграничения понятий «регулирование права» (или нормирование свободы) и «ограничение права»¹⁴⁷.

В юридической теории не ставится под сомнение, что правовое регулирование уже является своего рода ограничением в праве. Согласно естественно-правовой теории личность воспринимается как изначально свободная сущность, свобода которой затем ограничивается государством. Отсюда право представляет собой своеобразный ограничитель свободы личности – устанавливая определенные правила поведения, государство тем самым ограничивает иные проявления свободы человека. Даже если правило поведения сформулировано чрезвычайно абстрактно, и в этом случае имеется определенное сужение свободы действий. По мысли немецкого исследователя К. Штерна, потенция ограничения тех или иных прав в процессе их законодательного регулирования имманентно присутствует в самом этом процессе. Он пишет: «Все основные права, даже если они исходят из естественных прав человека, имеют предпосылкой своего существования, с одной стороны, наличие государства, которое их гарантирует и защищает, с другой – противостояние именно этого государства основным правам. Из этой дилеммы может быть только один выход: провести тонкое, дифференцированное разграничение между сферой защиты основных прав и их ограничениями»¹⁴⁸.

В энциклопедических и толковых словарях слово «ограничение» преимущественно трактуется как «стеснение какими-то условиями; лимитирование сферы деятельности, сужение возможностей и т. п.»¹⁴⁹; в самом широком смысле ограничить означает «поставить в какие-нибудь рамки, границы, определить какими-нибудь условиями»¹⁵⁰. Тем не менее, регулирование и ограничение – не тождественные понятия, необходимо проводить различие между случаями ограничения основных прав и установлением рамок их юридического содержания. Как заметил Б. С. Эбзеев, «имманентные пределы основных прав зафиксированы в Конституции и по своей социальной и юридической природе отличаются от ограничений основных

---

¹⁴⁷ Малютин Н. С. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 21.

¹⁴⁸ Штерн К. Защита основных прав и их ограничения // Государственное право Германии / перевод с немецкого. В 2 т. Т. 2. Москва, 1994. С. 185.

¹⁴⁹ Лопатин В. В. Малый толковый словарь русского языка. 2-е изд., стер. Москва, 1993. С. 351.

¹⁵⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1997. С. 444.

прав»¹⁵¹. В юридическом смысле регулирование означает, по сути, установление неких правил и границ поведения, формулирование и фиксация реального содержания прав и свобод с целью отражения их сущности, нормативное разграничение предметных областей прав и свобод, в то время как ограничение есть сужение содержательного поля данного права (свободы) в рамках существующих пределов¹⁵².

Близкими термину «ограничение» являются термины: «сдерживание», «притеснение», «ущемление», «умаление». Так, по мнению В. В. Лазарева, высокая степень ограничений «... означает умаление, а иногда и фактическую отмену»¹⁵³ прав. Использование приведённых терминов связывается с незаконным ограничением, нарушающим права и свободы. Как отмечают авторы одного из комментариев к Конституции Российской Федерации, «умаление может осуществляться путем: сужения пределов прав и свобод, как они зафиксированы в Конституции, если для этого нет установленных в самой Конституции оснований; уменьшения материального содержания прав и свобод, объема социальных и иных благ, причитающихся их обладателю; минимизации гарантий прав и свобод, в том числе в результате государственного предпочтения одной группы прав в ущерб другой группе прав, тогда как все права человека и гражданина в силу Конституции должны находиться под равной правовой защитой; создания таких процедур реализации прав и свобод, которые могут свести на нет сами права или свободы человека и гражданина, и т. п.»¹⁵⁴. В связи с этим необходимо заметить, что в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ используется термин «ограничение», не имеющий негативного подтекста.

В законодательстве и правоведении отсутствует единая трактовка понятия «ограничение прав и свобод». Под ограничением прав понимается «сокращение сферы свободы»¹⁵⁵, «уменьшение объема возможностей, свободы, а значит, и прав личности»¹⁵⁶, законодательное сужение границ прав и свобод, а так же ограничение всевозможных условий и возможностей каким-либо образом покушаться на установленные обществом блага¹⁵⁷. Не-

¹⁵¹ См.: Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву : материалы круглого стола // Государство и право. 1998. № 7. С. 24.

¹⁵² Малютин Н. С. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 25.

¹⁵³ Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 42.

¹⁵⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. Москва, 2009. С. 492.

¹⁵⁵ См.: Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 45.

¹⁵⁶ См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. Москва, 2003. С. 91.

¹⁵⁷ См.: Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2014. № 2. С. 11 ; Тарасов А. С. К вопросу о конституционности ограничения прав и свобод чело-

смотря на расхождения позиций в определениях рассматриваемого понятия, авторы едины в том, что ограничение позволяет говорить об изменении содержания прав субъекта в сторону уменьшения, но которое, при этом, не должно затрагивать саму сущность права.

По смыслу положений ч. 1 ст. 17 и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ одним из общих условий ограничения всех прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации является соответствие этих ограничений положениям общепризнанных международных актов о правах человека.

Некоторые учёные справедливо подчёркивают, что принимая законы, государство не вправе по своему усмотрению ограничивать круг правомочий либо дополнительные изъятия из тех или иных прав, не предусмотренных международными соглашениями¹⁵⁸. «Точно так же, как существуют международные стандарты всеобщих прав, – пишет А. В. Малько, – должны существовать и стандарты их ограничений...»¹⁵⁹.

Общие условия ограничения прав и свобод человека содержатся во Всеобщей декларации. Так, в ст. 29 Декларации устанавливается: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Таким образом, согласно Декларации ограничение прав и свобод является оправданным для достижения следующих целей: а) признания и уважения прав и свобод других лиц; б) удовлетворения справедливых требований морали; в) обеспечения общественного порядка, под которым понимается обеспечение безопасности общества, личности (жизни, здоровья, защита собственности). Кроме того, ограничение прав и свобод согласно Декларации возможно исключительно на основании закона.

Возможность ограничения отдельных прав и свобод предусматривается в ст. 6, 8, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г., в ст. 8 Пакта об экономических, социальных и культурных правах, в ст. 2, 5, 8, 9, 10, 11 Европейской Конвенции. При этом в отношении некоторых прав и свобод человека и гражданина основные международные акты формулируют основания (случаи) их ограничения исчерпывающим образом (право на жизнь, право на физическую свободу). В отношении других устанавливаются частные цели ограничений прав и свобод индивида, а установление конкретных ограничений этих прав и свобод осуществляется государством.

века и гражданина // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2013. № 2 (78). С. 133.

¹⁵⁸ См.: Эбзеев Б. С. Конституция. Демократия. Права человека. Москва-Черкесск, 1992. С. 167.

¹⁵⁹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве... С. 104.

Одновременно в международных актах о правах человека устанавливается запрет ограничения прав, которое может привести к умалению или отрицанию наравне с другими всех прав человека. Так, Конвенция о правах инвалидов, определяя понятие дискриминации по признаку инвалидности (ст. 2), говорит о невозможности ограничения, которое может привести к умалению или отрицанию наравне с другими всех прав человека¹⁶⁰.

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации в ст. 1. устанавливает: «... Выражение «расовая дискриминация» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни ...».

Комитеты ООН в продолжение формулировок международных актов называют возможные варианты такого умаления: умаление признания, использования или осуществления всеми лицами, на равных началах, всех прав и свобод. В частности, Комитет ООН по правам человека в пунктах 7 и 12 Замечаний общего порядка от 10 ноября 1989 г. № 18 о недискриминации выразил следующее мнение: «... Комитет считает, что выражение «дискриминация», как оно используется в Пакте, следует понимать как означающее любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления всеми лицами, на равных началах, всех прав и свобод».

Следует отметить, что международно-правовые акты в области прав и свобод человека содержат определенный, в основном повторяющийся, вместе с тем, постоянно расширяющийся набор гарантий ограничений прав и свобод человека (международно-правовых стандартов)¹⁶¹. Особое значение для установления пределов ограничений прав и свобод имеют Сиракузские принципы – документ, специально созданный для толкования ограничений и отступлений, предусмотренных Международным пактом о гражданских и политических правах. В мае 2005 г. в Никосии (республика Кипр) в ходе Конференции европейских конституционных судов на тему «Критерии ограничения прав человека в практике конституционных судов» было отмечено, что основы установления ограничения прав и свобод чело-

¹⁶⁰ Конвенция о правах инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2013. № 6. Ст. 468.

¹⁶¹ См.: Бурьянов С. А. Правовые основы, сущностное содержание и гарантии свободы совести // Государство и право. 2001. № 2. С. 22.

века следует искать в отношении между отдельным интересом человека (индивида) и неоспоримым интересом общества¹⁶².

Конституция Российской Федерации, провозглашая, что в России не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55), предусматривает возможность ограничения прав и свобод (ч. 3 ст. 55, ч. 1 ст. 56), общие условия ограничения прав и свобод (ч. 3 ст. 55, ч. 1 и ч. 3 ст. 17, ч. 4 ст. 15, ч. 2 ст. 19), случаи и способы ограничения отдельных прав и свобод (ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25, ч. 2 и ч. 4 ст. 29, ч. 3 ст. 32 и др.), допустимость ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения (ч. 1 ст. 56).

Приведенные конституционные положения закрепляют конституционные обязанности государства соблюдать права и свободы человека и гражданина, прежде всего, от произвола органов публичной власти и являются логическим продолжением положений ч. 3 ст. 17 Конституции РФ о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц. Тем самым утверждается одно из основных правил либеральной демократии, в соответствии с которым свобода личности имеет установленные законодательством пределы. Государство, не вмешиваясь без объективной потребности в отношения, складывающиеся в гражданском обществе, обязано в целях охраны и защиты публичных интересов не допускать злоупотребления гражданами правами и свободами¹⁶³.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ целями ограничения прав и свобод человека и гражданина являются: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, защита прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Согласно правовых позиций Конституционного Суда РФ, законодатель «не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания, ... ограничения конституционных прав... должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс кон-

---

¹⁶² См.: Селивон Н. Критерии ограничения прав человека в практике конституционного правосудия // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля молодой демократии. 2005. Вып. 3 (29). С. 7–39.

¹⁶³ См.: Писарев А. Н. Актуальные проблемы соразмерности устанавливаемых в законодательстве Российской Федерации ограничений основных прав и свобод человека и гражданина конституционно значимым целям // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегодной Международной научной конференции / под общей ред. Д. А. Пашенцева. 2016. С. 448–452.

ституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т. е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения»¹⁶⁴.

В результате исследований проблемы ограничения прав и свобод выделены следующие принципы определения их пределов: принцип соразмерности ограничений их целям, принцип пропорциональности, принцип необходимости, принцип целесообразности¹⁶⁵.

Принцип соразмерности ограничений их целям означает, что общая свобода действий человека может быть ограничена настолько, насколько это необходимо для достижения преследуемой цели. Однако не исключается возникновение ситуации, при которой ограничение, необходимое для достижения той или иной цели, может быть антиконституционным, т. е. тяжесть воздействия на права и свобод настолько велика в сравнении с общественными интересами и целью, что ограничение становится несоразмерным. Если же достижение цели возможно различными путями, то необходимо выбрать наименее радикальное по отношению к субъектам правоприменения (субъектам реализации ограничения). Кроме того, при ограничении не должна быть нарушена сама сущность ограничиваемого права. Итогом реализации принципа соразмерности должна стать гармония, заключающаяся в разумном равновесии используемых ограничений и достигаемых целей.

---

¹⁶⁴ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бутмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2003. № 44. Ст. 4358.

¹⁶⁵ См.: Дедов Д. И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства. Москва, 2002 г. С. 36–41 ; Шаклеин Н. И. Ограничение прав и свобод человека в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы : диссертация ... канд. юрид. наук. Москва, 2006 г. С. 49–56 ; Экштайн К. Основы права и свободы. По российской Конституции и Европейской Конвенции : учебное пособие для вузов. Москва, 2004. С. 48–52.

Принцип пропорциональности означает, что при осуществлении тех или иных действий или при принятии решений, затрагивающих права и свободы, требуется установление наличия причинной связи между решениями и действиями органов власти и целями, ради которых эти действия предпринимаются. Другими словами, принцип пропорциональности определяет основание пределов ограничений, которые не должны выходить за рамки соответствующих целей.

Принцип необходимости означает, что если для достижения данной цели ограничения есть несколько возможных средств, то из них следует выбрать такое, от которого можно ожидать наименьшего воздействия на защищенные Конституцией блага.

Принцип целесообразности заключается в том, что права и свободы могут ограничиваться только до тех пределов, которые согласуются с целями ограничений. Вне этих целей ограничение неправомерно.

Наряду с указанными принципами ограничения прав и свобод отдельными авторами называются также: демократизм (не с целью ущемления прав и расширения прав других субъектов, а с целью защиты интересов личности, общества и государства); законность (устанавливаются только законом, а не подзаконными актами); минимальная достаточность (в той мере, в какой это необходимо); единство (в соответствии с едиными для всех требованиями, без предпочтения отдельным субъектам); дифференцированность (степень и характер ограничений определяется их правовым статусом, а также особыми политическими или криминогенными особенностями в момент реализации (военное положение, чрезвычайное положение и т. д.)¹⁶⁶; принципы достоинства личности, абсолютизации прав и свобод граждан, равенства и отсутствия дискриминации¹⁶⁷.

Как справедливо заметил Н. И. Шаклеин, все перечисленные принципы ограничения прав и свобод логичны и их соблюдение является необходимым критерием допустимости введения конкретных ограничений в тех или иных ситуациях¹⁶⁸.

В заключение необходимо подчеркнуть, что одним из свойств (признаков) основных прав и свобод человека и гражданина является специально определяемый в Конституции РФ особый порядок их ограничения. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в соответствии с принципами соразмерности ограничений их целям, пропорциональности, необходимости, целесообразности.

---

¹⁶⁶ См.: Морозова Л. Я. Указ. соч. С. 57.

¹⁶⁷ См.: Котляр Л. Я. Права человека. Минск, 2002. С. 87–90.

¹⁶⁸ Шаклеин Н. И. Указ. соч. С. 55.

ГЛАВА 2. ПРАВО НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА

2.1. Принципы и нормы о правах человека и их система

В юридической науке некоторые авторы, отрицая значение международных принципов о правах человека как обязательных для отечественной правовой системы, свою позицию обосновывают тем, что это всего лишь догмы, теоретические положения, а «позитивное право настолько динамично, что попытки возвести в абсолют любые теоретические положения на сколько-нибудь продолжительный исторический период – бесперспективны»¹⁶⁹. В связи с этим возникает потребность обращения к самому понятию «принципы права».

В правоведении при определении понятия принципа права зачастую в соответствии с лингвистическим подходом применяются слова: «основа», «начало», «идея», «положение». О. А. Кузнецова, рассмотрев различные подходы к определению рассматриваемого понятия, считает наиболее точным использовать слово «положение», уточняя, что одновременно должны даваться характеристики, показывающие, что это не просто положение, а основное, основополагающее, исходное, общее, руководящее, отправное, главенствующее положение. Главным, по мнению О. А. Кузнецовой, должно быть указание на то, что это «основополагающие положения», поскольку они «полагают» основы права, а также его использование¹⁷⁰. Соглашаясь с суждением автора по поводу определения принципа, хотелось бы продолжить языковой анализ термина принцип в лексико-семантическом аспекте.

Слово «принцип» происходит от латинского *principium* – начало, основа, которое, в свою очередь, производно от слова *princeps* – первый, главный, то есть не просто главный, а первый, первооснова и в словарях русского языка для обозначения принципа среди других компонентов смысла «начало» (первопричина) ставится на первое место. Это показывает, что определяющим компонентом значения данного слова является основоположение как в отношении сущностной значимости, так и исторической (логической) – рассматриваемый феномен не просто первый, но одновременно главный и в силу своей значимости сформулированный в языке в виде термина или положения. Именно поэтому для его обозначения понадобилось заимствование иностранного слова – «принцип», поскольку оно объединяет два смысла: и истоки явления (первооснову) и сущностную значимость (главенство) и в силу своих имманентно присущих качеств является системообразующим феноменом. В этом едином комплексном поня-

¹⁶⁹ Проценко В. П. Уголовный процесс: методология заблуждения // Современное право. 2011. № 32. С. 94.

¹⁷⁰ Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. Москва, 2006. С. 15.

тии латинского происхождения реализуются те смыслы, которые в русском языке выражаются отдельными лексемами: «начало» и «основа». Таким образом, в лексико-семантическом аспекте принцип – *начало и основа некой системы, сформулированное в виде термина либо положения*.

Являясь комплексным понятием, «принцип» имеет значение категории – как понятие предельной общности по объёму заключённого в нем знания, выражающее наиболее существенные отношения действительности, метаязыковым образованием, к которым относят дефиниции классов понятий, первичным в рамках научной системы и не производным от иных понятий¹⁷¹. В философии под принципом понимается центральное понятие, основа системы, представляющее обобщение и распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован; основополагающее теоретическое знание, не являющееся ни доказуемым, ни требующим доказательств¹⁷². Коль скоро принцип есть «исходное начало», «руководящая идея», «основа», «требование», то, по справедливому замечанию С. А. Мосина, он характеризуется не столько абстрактной всеобщностью, сколько такой всеобщностью, которая напрямую связана с сущностью, основой явлений и процессов и является весьма устойчивой, постоянной¹⁷³. Признание принципа по отношению к любым явлениям основой или базисом означает также, что он обладает общезначимостью, т. е. распространяется на все явления или процессы, в основе которых лежит, в нашем случае – «на все нормы права и институты права, иные правовые явления и учреждения»¹⁷⁴. При этом он ограничен определенной областью явления, к которому относится, из чего следует, что использование термина «принцип» допустимо не только применительно к отрасли права, но и отдельным институтам, иным правовым явлениям, международному праву.

По вопросу о форме выражения принципов М. Л. Якуб выделил три точки зрения, имевшиеся в правовой литературе в момент проведения им исследования¹⁷⁵, которые прослеживаются в той или иной степени и в современной доктрине. Согласно первой, принципы – основные, наиболее общие положения, руководящие идеи, независимо от того, получили они или нет законодательное закрепление в той или иной форме. Согласно второй – к принципам относятся только те наиболее общие положения, которые закреплены в законе в качестве основополагающих начал, т. е. руково-

¹⁷¹ См.: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. Москва, 1976. С. 25.

¹⁷² См.: Краткая философская энциклопедия. Москва, 1994. С. 363.

¹⁷³ См.: Мосин С. А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации. Москва, 2009. С. 16.

¹⁷⁴ Сахапов Р. Р. Основные подходы к пониманию принципов права в российской правовой науке (советский и современный периоды) // История государства и права. 2014. № 15. С. 10–15.

¹⁷⁵ Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. Москва, 1981. С. 25.

дящих нормативных требований. В соответствии с третьей – принцип, даже если он не имеет непосредственной законодательной формулировки, должен иметь нормативную базу, т. е. выводиться путём теоретического анализа из положений действующего законодательства.

Приверженцы идеи формулирования принципов наукой считают доктринальный способ их конструирования более строгим, естественным и последовательным. Так, по мнению В. Т. Томина, попытки законодателя сформулировать принципы могут привести к хаосу в праве¹⁷⁶. Мысль о необходимости закрепления принципов в нормах права прослеживается в суждениях сторонников концепции естественно-правовой природы общих принципов права. В соответствии с этой концепцией правом является не только то, что установлено или санкционировано государственными органами, но и то, что с объективной необходимостью вытекает из жизнедеятельности общества; право существует не только в форме официально институализированной нормативности, но и во многих иных видах, в том числе в ненормативных формах¹⁷⁷. Отсюда принципы разделяются на два класса: первый образуют «правовые принципы» как основополагающие правовые идеи, не нашедшие закрепления в нормативно-правовом акте, т. е. не имеющие нормативного характера, и второй класс – «принципы права», которые «выражены в праве», «воплощены в праве»¹⁷⁸.

Как представляется, идеи права, не закрепленные внутригосударственным законодательством или международно-правовыми актами, лишены юридического характера и относятся лишь к области правосознания¹⁷⁹. До закрепления в праве идеи и научные положения, какими полезными они бы ни являлись, не становятся принципами и даже отдельными, частными правилами уже действующих принципов. И только выраженность в праве придает принципу свойство нормативности (обязательности), значение руководящего начала.

Нормативность означает способность организовать поведение, деятельность субъектов правовых отношений, что придает принципам регулятивную значимость¹⁸⁰.

Принципы права отражают и выражают основные ценности, на которые ориентируется право, они представляют собой своего рода отправные пункты, показывающие вектор правового регулирования. Принципы являются более фундаментальными и обобщенными правилами поведения, не-

---

¹⁷⁶ Томин В. Т. К вопросу о понятии принципа советского уголовного процесса // Труды Высшей школы МООП РСФСР. Москва, 1965. С. 192–201.

¹⁷⁷ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). Москва, 2001. С. 142.

¹⁷⁸ См.: Скурко Е.В. Принципы права : монография. Москва, 2008. С. 38–39, 40, 43.

¹⁷⁹ См.: Зажицкий В. И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 1. С. 92 ; Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. Санкт-Петербург, 2004. С. 266–267 и др.

¹⁸⁰ См.: Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. Москва, 1971. С. 14 и др.

жели юридические нормы; в сравнении с нормами обладают более значительной устойчивостью и стабильностью, фиксируясь преимущественно в конституциях либо важнейших законах. Они служат своеобразными ориентирами для правотворческой (оказывают огромное влияние на весь процесс подготовки и издания нормативных актов), правоприменительной деятельности. От степени их соблюдения в прямой зависимости находится уровень слаженности, стабильности и эффективности правовой системы¹⁸¹.

По вопросу о выражении принципов мы разделяем позицию, согласно которой принцип не всегда выражается в законе в обобщенном виде и формулируется в специальной норме¹⁸², то есть имеет явное (эксплицитное) выражение. Он может выражаться в частных нормах, регулирующих конкретные правоотношения, и быть скрытым в лексическом смысле – выражаться имплицитно. Как писал в этой связи С. Н. Братусь, «основные принципы какой-либо отрасли права мы должны обнаружить в самих нормах, составляющих в совокупности данную отрасль, но если они там прямо не сформулированы, то они должны быть обнаружены из общего смысла самих норм»¹⁸³.

Что касается принципов международного права о правах человека, то все они имеют явное (эксплицитное) выражение в соответствующих международно-правовых актах.

Являясь определенным основополагающим положением, включающим сложные по своей структуре и внутренней взаимосвязи элементы, принцип может выражать весьма высокий уровень мыслительной абстракции, семантически быть многозначным¹⁸⁴, давать многогранную оболочку критериев его определения¹⁸⁵, что обуславливает необходимость его четкой доктринальной интерпретации.

С признанием свойства нормативности принципа связан вопрос о его тождестве с нормой права. Некоторыми правоведами высказываются суждения о том, что в понятийном отношении принципы – это те же правовые нормы¹⁸⁶. Так, Г. В. Мальцев отмечает, что «правовой принцип – это вид нормы особого типа, для которого формальная институционализация, фиксация в писаном нормативном акте не всегда обязательна»; что семантическая и функциональная особенность принципов заключается в том, что это нормы универсальной обобщенности, широкого диапазона действия¹⁸⁷. По

---

¹⁸¹ Мазутов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. Москва, 2004. С. 76.

¹⁸² См.: Ведяхин В. М., Ведяхина К. В. Понятие и классификация принципов права // Право и политика. 2002. № 4. С. 21.

¹⁸³ Братусь С. Н. Предмет и система гражданского права. Москва, 1963. С. 137.

¹⁸⁴ См.: Чернобель Г. Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. С. 86.

¹⁸⁵ Кузнецова О. А. Системное толкование принципов гражданского права // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 101 (07). С. 18.

¹⁸⁶ Воронов А. Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. Москва, 2009. С. 12.

¹⁸⁷ См.: Мальцев Г. В. Социальные основания права. Москва, 2007. С. 661–685.

мысли А. Ф. Воронова, «принцип не только «закреплён в нормах», он сам есть норма права», в противном случае он не может выступать в качестве обязательного, руководящего положения»¹⁸⁸.

Между тем, обладая способностью регулировать общественные отношения – нормативностью, принцип не эквивалентен норме. Как справедливо заметил В. П. Грибанов, отождествление правового принципа с нормой права практически равнозначно отрицанию правовых принципов вообще. В отличие от правовой нормы принцип состоит из отдельных правовых положений – юридических императивов, суммарно выражающих главную идею¹⁸⁹. Следует признать, что формулировка правового принципа не переходит в содержание нормы, а как бы растворяется во множестве норм¹⁹⁰, если норма – конкретное предписание, конкретное правило определённого поведения, действия, конкретная мера чего-либо, то принцип – наиболее общее правило. Тот или иной принцип может выражать весьма высокий уровень определенной мыслительной абстракции, семантически быть многозначным. Норма, как правило, конкретна, однозначна¹⁹¹; принципы сами по себе не могут быть реализованы в практической деятельности, поскольку «слишком абстрактны по содержанию»¹⁹². Таким образом, принципы в отличие от норм права являются наиболее фундаментальными и обобщенными правилами поведения. Они освобождены от конкретики, более устойчивы и стабильны, нежели юридические нормы; их коренное отличие от норм права заключается в особенностях методологического порядка, в механизме действия, а также юридической силе¹⁹³.

Относительно принципов, закрепленных в Конституции РФ, Конституционный Суд РФ указал, что они «обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав и свобод, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права»¹⁹⁴.

---

¹⁸⁸ Воронов А. Ф. Указ. соч. С. 12.

¹⁸⁹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав Москва, 2001. С. 216.

¹⁹⁰ Кожевников С. Н., Кузнецов А. П. Общеправовые и отраслевые принципы // Юрист. 2000. № 4. С. 64.

¹⁹¹ Чернобель Г. Т. Указ. соч. С. 86.

¹⁹² Кузнецова О. А. Системное толкование принципов гражданского права ... С. 14.

¹⁹³ См.: Ершова Е. А. Правовая природа принципов процессуального права // Российское правосудие. 2014. № 9. С. 28.

¹⁹⁴ См.: По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы : постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 2–3. С. 56.

При характеристике общепризнанных прав и свобод наряду с терминами «принципы» и «нормы» в юридической лексике широкое распространение получил термин «стандарт», используемый, в том числе, в международно-правовых актах (в частности, принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Минимальные стандартные правила обращения с заключенными¹⁹⁵), что требует определения данного понятия.

Слово «стандарт» происходит от англ. *standart* – норма, образец, в русском языке имеет следующие значения: образец, которому должно соответствовать, удовлетворять что-н. по своим признакам, свойствам, качествам, а также документ, содержащий в себе соответствующие сведения (офиц.)... Нечто шаблонное, трафаретное, не заключающее в себе ничего оригинального, творческого и др.¹⁹⁶. Определяющим компонентом значения данного слова является образец – то, чему следует соответствовать, то, на что необходимо равняться, то, что является эталоном для предметов, явлений, проверяемых на соответствие с ним.

Стандарт является синонимичным слову «норма», то есть эти слова совпадают в основном значении, но вместе с тем, имеют различия в некоторых компонентах смысла. Если норма понимается как правило – социальное явление, относящееся и к праву и к морали, которое выявляется объективно, а затем субъективно (в сознании) формулируется, то стандарт – уже сформулированное правило, включающее выражение этого правила и условия его выражения.

Стандарт, будучи близким в основном значении слову «норма», но не тождественным ему, существенно отличается от «принципа», имеющего, как уже отмечалось выше, значение категории – классифицирующего понятия предельной общности по объему заключенного в нем знания, метаязыкового образования, к которым относят дефиниции классов понятий; первичного в рамках научной системы и не производного от иных понятий.

В юридической литературе международные стандарты зачастую отождествляются с принципами и нормами в области прав человека, рассматриваются как нормативные минимумы, которые определяют уровень государственной регламентации прав человека¹⁹⁷, содержатся в международных

---

¹⁹⁵ Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. Москва, 1990. С. 290–311.

¹⁹⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка ... С. 763.

¹⁹⁷ См.: Вагизов Р. Г. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека: нормативно-правовая основа международной системы защиты прав человека // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 35 ; Голубок С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. 2007. № 1. С. 112–124 ; Карташкин В. А., Лукашева Е. А. Международно-правовые стандарты права человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45 ; Лебедев В. М. Проблемы реализации международных стандартов в сфере защиты прав человека в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 19–23 ; Приходько Т. В. Источники стандартов прав и свобод РФ и ФРГ: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 6.

договорах универсального и регионального характера, а также в решениях международных межправительственных организаций, которые приобрели силу международного обычая¹⁹⁸, их признание и соблюдение является обязательным для современных демократических государств¹⁹⁹. Так Р. А. Мюллерсон, определяя международно-правовые стандарты, пишет, что это «... нормы современного международного права, предусматривающие такие общедемократические требования и обязанности государств по признанию, соблюдению и защите прав человека, которые должны с учётом особенностей своего общественного строя, национального развития воплотить и конкретизировать в своих системах»²⁰⁰.

Международно-правовые стандарты определяются также как элементы обычного права или «реального права», стереотипы мышления судьи в стандартных ситуациях принятия процессуального решения²⁰¹. О наличии стандарта, полагает В. В. Рудич, свидетельствует то, насколько норма усвоена в практике правоприменения и стала реальным средством масштабирования поведения судей и участников процедур²⁰².

Появление самостоятельного термина «международные стандарты» обусловлено процессами глобализации и универсализации международного права в области прав и свобод человека, активного и последовательного согласования национального права с международным и европейским. Термин «международные стандарты» призван подчеркнуть особую роль закрепленных международным правом положений о правах человека как эталона, образца для подражания²⁰³, типизации правил поведения в законодательном регулировании и правоприменительной практике, не предусматри-

---

С. 660–666 ; Рудич В. В. Международные стандарты разумности процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 8–9 ; Смирнов В. Н. Применение международных стандартов ограничения права на свободу в уголовном судопроизводстве России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 11. С. 67–72.

¹⁹⁸ См.: Корольков П. А. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека и их реализация в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 112.

¹⁹⁹ См.: Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. Москва, 2011 ; Стремоухов А. В. Международные стандарты прав человека: определение и классификация // Международное публичное и частное право. 2014. № 5 (80). С. 3–4 и др.

²⁰⁰ Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. Москва, 1991. С. 13 ; Корольков П. А. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека и их реализация в российском уголовном процессе... С. 113.

²⁰¹ Рудич В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 96.

²⁰² Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. Москва, 2012. С. 31–32.

²⁰³ Лебедев В. А. Роль международно-правовых стандартов в формировании отечественной концепции прав и свобод человека и гражданина в России // Проблемы права. 2015. № 2. С. 10.

вающих альтернативы в действиях государства; «международно-правовой стандарт отражает единство содержащихся в нём требований для всех участников соответствующего международного обязательства и имеет целью быть для них типовым ориентиром, обеспечить их равные права и единообразное поведение в рамках данного стандарта»²⁰⁴.

Наряду с положениями международно-правовых актов – соответствующих договоров и конвенций, данным термином охватываются также правила, выработанные международными организациями, в частности практикой ЕСПЧ. В допустимых пределах государство вправе отклониться от стандарта, но лишь с целью превышения или большей его конкретизации²⁰⁵. Можно согласиться с предложением рассматривать международные стандарты прав и свобод человека и гражданина как «определенные эталонные, единые требования к пониманию государствами основных индивидуальных и коллективных прав и свобод личности, их перечню, формулированию, содержанию и принципам реализации»²⁰⁶.

Поскольку принцип понимается как *основа системы*, при исследовании принципов права возникает потребность в обращении к понятию системы. Слово «systema», заимствованное из греческого и переводимое как «целое», «соединенное», «составленное из частей» в русском языке наряду с другими имеет следующие значения: «1. Определенный порядок в расположении и связи действий... 2. Нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей»²⁰⁷; в философском словаре определяется как «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство; объединение некоторого разнообразия в единое и чётко расчлененное целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места»²⁰⁸. Под системой чаще всего в наиболее общем виде понимается ограниченное множество взаимосвязанных элементов, образующих определенную целостность, некоторое единство.

Общепризнанным является то обстоятельство, что элементы системы, взаимодействуя друг с другом, определяют её новые, интегративные свойства, сами же элементы подобными свойствами не обладают и именно на-

---

²⁰⁴ Тиунов О. И. Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов // Международное публичное и частное право. 2003. № 2 (11). С. 15.

²⁰⁵ Тиунов О. И. Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов ... С. 18.

²⁰⁶ Подмарёв А. А. Ограничение прав и свобод личности: Конституция РФ 1993 г. и основные международные акты о правах человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017 № 1 (73). С. 79.

²⁰⁷ Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 719.

²⁰⁸ См.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. Москва, 1983. С. 427.

личие интегративных качеств отличает систему от простой совокупности объектов, явлений и процессов. Выдвинутая в свое время Аристотелем идея «целое больше суммы его частей» является основным постулатом теории. При системном подходе к изучению явления акцент делается не столько на описании самих элементов системы, сколько на анализе их связей (как по горизонтали, так и вертикали), поиске функций каждого элемента во всей системе²⁰⁹. С категорией *система* связывается категория «структура», которая происходит от латинского *structura* – «расположение», «порядок». В философии «структура» означает строение, внутреннюю форму организации системы, выступающую как единство устойчивых взаимосвязей между её элементами, особое свойство, создающее во времени и пространстве стабильность, совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, то есть сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях²¹⁰. Термин «структура» призван выражать такие связи объекта, которые позволяют ему оставаться устойчивым, относительно неизменным независимо от различных преобразований системы в тех или иных её инвариантных аспектах. Именно за счет структуры у сложноорганизованных объектов появляются эмерджентные (системные) свойства, отсутствующие у отдельных элементов системы. По мнению А. И. Аверьянова, характеризующая специфичность структуры, ей следует придавать свойства отражать и выражать устойчивость, стабильность, «в то время как система, очевидно, должна отражать подвижность, динамичность»²¹¹. Структура в теории систем по отношению к системе имеет вспомогательный характер, способствует раскрытию понятия системы; «понятие структуры может иметь различное содержание в зависимости от типа системы и характера исследовательских задач», соответственно, выбор структуры зависит от требования, «согласно которому структура должна быть вычленена»; один и тот же объект может рассматриваться с разных сторон и в зависимости от углов зрения в нём может рассматриваться соответственно несколько структур или уровней, структурных рядов общей структуры²¹².

В качестве свойства системы (объекта как целостного явления) выступает определенная форма организованности, что не присуще отдельным элементам объекта. Организованность проявляется в иерархичности строения целостного объекта, иными словами, в наличии у него нескольких уровней организации, состоящих в отношении подчиненности; между однородными элементами иерархия может проявляться в процессе их функ-

---

²⁰⁹ Захаров А. Л., Захарова К. С. Система принципов права: понятие, структура, взаимодействие // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 11. С. 118.

²¹⁰ См.: Разумовский О. С. Структура. URL:http://www.chronos.msu.ru/old/TERMS/razumovsky_struktura.htm (дата обращения: 10.10.2019 г.)

²¹¹ См.: Аверьянов А. И. Системное познание мира. Методологические проблемы. Москва, 1985. С. 51.

²¹² Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. Москва, 1978. С. 127.

ционирования. Кроме того, к одним из свойств системы относится развитие, самоорганизация под влиянием внешних и внутренних факторов.

Возникший на основе системного учения системный подход, представляющий собой «комплексное изучение объекта как единого целого с позиций системного анализа»²¹³, выполняя теоретическую и методологическую функцию познания и преобразования сложных социальных систем, стал важным направлением науки в изучении системных свойств социальных процессов и явлений, включая право²¹⁴.

В соответствии с системным подходом право можно представить как «обусловленное типом социальных связей и особенностями правовой семьи внутреннее строение, структура права, образуемая связью его норм, институтов, отраслей и других компонентов, обеспечивающее целостное урегулирование общественных отношений»²¹⁵, систему же права – «в виде пирамиды, состоящей из структурных норм, группирующихся в отдельные институты права, образующие отрасли права, объединяющиеся в более крупные автономные образования, составляющие в своем единстве правовую систему государства»²¹⁶.

В процессе исследований правовой действительности с опорой на системный подход к пониманию права разграничиваются понятия «система права» и «правовая система» общества. Системность права и правосистемность – характеристики разных уровней интеграции правовой действительности, но тесно взаимосвязанные между собой. Правовая система, интегрирующая правовую культуру, юридическую практику, правовое сознание и другие элементы, является внешней средой для системы права и во многом задает её развитие и функционирование²¹⁷.

Для обозначения внешней среды системы права в понятийно-категориальном аппарате юридической науки используется понятие «правовая среда»²¹⁸. Здесь необходимо заметить, что одно из определений сис-

---

²¹³ Фролов Ю. А. Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов на Дону, 2006. С. 49.

²¹⁴ См.: См. об этом: Азаров В. А. Идеальна ли система принципов современного уголовного процесса России? // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. С. А. Елисеева, М. К. Свиридова, Р. Л. Ахмедшина. Томск, 2003. С. 100–101 ; Он же: Неотвратимость уголовной ответственности и процессуальные средства её обеспечения // Международные юридические чтения : материалы научно-практической конференции. Омск, 2004. С. 143–147 ; Барабаш А. С. О способе закрепления содержания принципа уголовного процесса, сфере его применения и его адресатах // Российский юридический журнал. 2018. № 3 (120). С. 72–84 ; Безруков А. С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 11–18.

²¹⁵ См.: Борисов Г. А. Теория государства и права : учебник. Белгород, 2007. С. 164.

²¹⁶ Явич Л. С. Общая теория права. Ленинград, 1967. С. 126.

²¹⁷ Тихомиров Ю. А. Правовая сфера общества и правовая система // Журнал российского права. 1998. № 4–5. С. 7–14 и др.

²¹⁸ См., напр.: Хорунжий С. Н. Доктринальные аспекты правовой среды : монография. Воронеж, 2014 и др.

темы как совокупности элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и со средой, подчеркивает, что система не может рассматриваться без учета влияния среды²¹⁹. Внешняя среда – это всё то, что находится снаружи, т. е. вне системы, включая необходимые условия для её существования и развития, т. е. термин «правовая среда» показывает непосредственную связь явлений внешней среды с правом. Очевидно, что введение в научный оборот понятия правовой среды и разработка соответствующей проблематики формируют «определенный методологический подход к изучению права, государства, государственно-правовых явлений, который, наряду с другими, может быть эффективно использован как в научном исследовании, так и в процессе принятия важнейших государственных решений»²²⁰. Исследование права именно как системы через уяснение природы связей между его элементами и внешней средой, когда не только среда влияет на систему, но и система на среду, на наш взгляд, предпочтительнее для определения «эффективного правового регулирования, так как необходимо понимать, в каком элементе правовой действительности возникают проблемы, какими методами необходимо их решать»²²¹.

Д. И. Луковская и М. А. Капустина, проанализировав имеющиеся в отечественном правоведении представления о правовой системе – как в широком значении, включающем все правовые явления, так и в узком, включающем лишь основные правовые явления, и сопоставив термин «правовая система» с термином «правовая действительность», который «в отличие от правовой системы, обнаруживает стремление заострить внимание на многообразных явлениях и факторах жизненного мира права, в том числе и негативных (правонарушения), а также случайных и вообще неупорядоченных процессах» пришли, на наш взгляд, к правильному выводу о том, что «правовая система охватывает всю правовую сферу общественной жизни»²²². Согласно этой позиции, явления правовой патологии, иные неупорядоченные процессы, а также случайные факторы «включены в систему, если не нарушают её данной конкретно-исторической целостности. Более того, неупорядоченные элементы системы делают её более гибкой, позволяя приспособляться к изменяющимся социальным условиям»²²³.

А. А. Головина, указав на трудности логического расчленения правовой системы на две составляющие: «право» и вторую составляющую – все

---

²¹⁹ Рогозов Ю. И. Методологические проблемы системного анализа // Труды ИСА РАН. 2013. Том 63. С. 92–110.

²²⁰ Черногор Н. Н. Проблема правовой среды в современной юридической науке // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 3. С. 40.

²²¹ Воронин М. В. Системность права и правовая система // Третий пермский конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф. / ответственный редактор О. А. Кузнецова. Пермь, 2012. С. 419.

²²² Луковская Д. И. Капустина М. А. Системный подход в теории права // Наука теории и истории государства и права в поиске новых методологических решений : коллективная монография / отв. ред. А. А. Дорская. Санкт-Петербург, 2012. С. 17.

²²³ Там же. С. 18.

явления, «бесконечно широкий круг объектов без четкой понятийной границы», предложила вместо понятия «правовая система» внедрить в правовой тезаурус термин «метаправо», под которым следует понимать находящийся вне права компонент правовой системы, включающий совокупность различных явлений правовой действительности, связанных с правом и не существующих вне такой взаимосвязи²²⁴. Предлагаемый автором термин «метаправо» связан с формирующимся в результате развития системных исследований понятием «метасистема»²²⁵, под которым «чаще всего подразумевается масштабная система, более широкая, чем традиционные системы, в которую каждая исследуемая система входит как составная часть»²²⁶. Метасистема отличается от структурированной системы существенными особенностями. Во-первых, количество элементов структурированной системы определяется исходя из критериев полноты и достаточности, тогда как в метасистеме количество элементов должно отвечать совсем другим критериям и оптимизируется в соответствии с ними; во-вторых, элементы структурированной системы обязательно взаимосвязаны, в то время как элементы метасистемы в большей степени самодостаточны и связаны друг с другом только процедурой замены; в-третьих, во время функционирования структурированной системы все элементы в той или иной степени вовлечены в этот процесс. В метасистеме функционируют только выбранные элементы, а остальные некоторое время «простаивают»²²⁷. В методологии метасистемного подхода существуют преимущества по сравнению с прежними, в частности, – моделирование механизма реализации системы, тем самым предсказывание результата работы системы до её реализации²²⁸. В этой связи использование в юриспруденции метасистемного подхода позволяет нам по новому взглянуть на правовую действительность и рассматривать право как систему, включающую различные, весьма неоднородные подсистемы, взаимодействующие особым образом, составляющие не простое многообразие, а новую системную конструкцию, обеспечивающую сочетание определенной самостоятельности множества центров принятия решений и их скоординированное участие в решении главной задачи – достижение верховенства права в социальной жизни. По поводу же предложения о реализации в научном обороте термина «метаправо», то оно, на наш взгляд, небесспорно. Как верно отмечает сам автор А. А. Головина, в русском языке приставка «мета», образованная от греч. *μετά* «между, среди; после», прибавлялась к словам для обозначения противоположности (метафизический в противоположность физическому), отличия одного явления

²²⁴ Головина А. А. Право и метаправо как компоненты правовой системы // Актуальные вопросы юриспруденции : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции № 2. Екатеринбург, 2015. С. 14–16.

²²⁵ Рогозов Ю. И. Указ. соч. С. 109.

²²⁶ Манохина Н. В. Метасистема как объект институционального анализа // Вестник Международного института экономики и права. 2014. № 1. С. 7.

²²⁷ Там же. С. 7.

²²⁸ См.: Рогозов Ю. И. Указ соч. С. 109.

– более низшей ступени, от другого, однородного по составу, т. е. в итоге термин «метаправо» призван обозначать явления, не являющиеся правом²²⁹. Как представляется, более удачным будет использование сложившегося термина «правовая система» либо «метасистема права», поскольку этими терминами делается акцент на системности права.

На наш взгляд, метасистемный подход позволяет дать более полное представление о принципах и нормах международного права в сфере прав человека и сложившихся на их основе стандартов.

Таким образом, принципы и нормы международного права в области прав человека – определенные эталонные, единые требования к пониманию государствами основных индивидуальных и коллективных прав и свобод личности, их перечню, формулированию, содержанию и принципам реализации – международно-правовые стандарты в области прав человека. Они обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание прав и свобод личности, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на отечественную правовую систему. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права.

Принципы международного права представляют собой целостную систему, элементы которой не существуют изолированно друг от друга, а находятся в постоянном развитии и видоизменении. Положительный эффект в российской правовой системе может быть достигнут при применении основных принципов международного права в связке, как равнозначных правовых категорий, обладающих одинаковой юридической силой.

2.2. Сущность принципа права на свободу и личную неприкосновенность

В системе принципов о правах и свободах человека право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленное в ст. 22 Конституции Российской Федерации, относится к числу основополагающих прав человека, получивших всеобщее международно-правовое признание. В документах Комиссии по правам человека говорится, что свобода и личная неприкосновенность являются основой для защиты всех других прав и свобод, если не защищено право на свободу и личную неприкосновенность, то не защищены и все другие права. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях рассматривает данное право как общепризнанный принцип международного права и в силу ч. 4 ст. 15 Конституции как неотъемлемую часть национальной правовой системы. Относительно данного права Конституционный Суд РФ отмечает, что оно «воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства человека, определяет недопустимость произвольного вмешательства в

---

²²⁹ Манохина Н. В. Указ. соч. С. 7.

сферу автономии личности и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека»²³⁰.

Многоаспектность термина «свобода и личная неприкосновенность», включающего самостоятельные термины о правах личности, которые находятся в неразрывной связи, но не совпадают друг с другом, требует его определения.

Поскольку выше исследовался термин «свобода» относительно его соотношения с термином «права», то возникает необходимость в определении понятия неприкосновенности относительно принципа «право на свободу и личную неприкосновенность».

Термин «неприкосновенность», происходящий от слова «неприкосновенный» – «1. Сохраняемый в целостности, защищенный от всякого посягательства со стороны кого-н. 2. Не подлежащий расходованию ...»²³¹, понимается как физическое состояние – «не трогайте, не касайтесь». В свою очередь свобода отражает, в первую очередь, внутреннее или ментальное состояние – «воля, свобода духа». Свобода – более сложное понятие в сравнении с неприкосновенностью, при этом, будучи многокомпонентным, оно охватывает и неприкосновенность.

В законодательстве и праве «неприкосновенность» сочетается со словом «личность», образуя термины «личная неприкосновенность» и «неприкосновенность личности». По мнению О. Е. Кутафина, между ними никаких различий нет, эти понятия могут использоваться как идентичные²³². Однако среди учёных существует и другая точка зрения по данному вопросу – о различиях в подходах к осмыслению данных понятий: естественно-правового и позитивистского²³³. Сторонники естественно-правового подхода, рассматривая эти понятия как не совпадающие по смыслу, отмечают, что в модели «личная неприкосновенность» заложена идея признания прав и свобод высшей ценностью, представление о правах и свободах человека, вытекающих из самой жизни и воплощаемых в юридических нормах. Понятие же «неприкосновенность личности» есть результат творчества, волевой деятельности законодателя²³⁴.

²³⁰ См., напр.: п. 2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

²³¹ Уголовно-процессуальное право : учебник / под ред. П. А. Лупинской ... С. 9.

²³² Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. Москва, 2004. С. 121.

²³³ См.: Корнуков В. М., Куликов В. А., Манова Н. С. Принцип личной неприкосновенности и его реализация в российском досудебном производстве. Саратов, 2001. С. 15–19; Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 69; Опалева А. А. Развитие института личной неприкосновенности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 2. С. 8.

²³⁴ См.: Куликов В. А. Личная неприкосновенность как право человека и принцип российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 26–27; Опалева А. А. Развитие института личной неприкосновенности ... С. 8 и др.

При характеристике неприкосновенности как правовой категории отмечается, что неприкосновенность включает невмешательство и защищенность. Невмешательство трактуется, как обязанность государства обеспечить состояние определенной автономии человека от государства, общества и других людей посредством установления необходимых запретов, а также закрепления определенного статуса субъекта или определенного режима социальной деятельности человека²³⁵.

В отечественной юридической литературе дореволюционного периода неприкосновенность личности понималась как «законные рамки для полномочий органов власти по пресечению нарушений законов в правовом государстве»²³⁶; «право требовать, чтобы государственная власть не касалась личности граждан, пока они не совершают чего-нибудь противозаконного»²³⁷. П. И. Люблинский определял неприкосновенность личности как «право, опирающееся на сознание возможности поступать и действовать в соответствии со своими убеждениями в пределах, определенных законом, не опасаясь при этом насильственного противодействия со стороны власти или частных лиц»²³⁸, т. е. неприкосновенность личности рассматривалась как необходимый элемент свободы личности.

В настоящее время в правоведении при исследовании категории «неприкосновенность личности» как и «личной свободы» используется широкий и узкий подходы; личная неприкосновенность трактуется как невмешательство в личные права и свободы личности и их защищенность – обеспечение (гарантирование) государством²³⁹.

Широкий подход был использован, в частности, авторами Юридического энциклопедического словаря 1984 г., где неприкосновенность личности определяется как «право каждого гражданина на государственную охрану и защиту от противоправных посягательств кого бы то ни было на его личную безопасность»; в содержание этого права включались «неприкосновенность физическая (жизнь, здоровье), нравственная (честь и достоинство) и духовная. Здесь же авторами данного словаря указывались гарантии неприкосновенности личности, к которым относились: правоохранительная деятельность государства, участие в её осуществлении самих граждан, законодательное закрепление исчерпывающих оснований к формам лишения свободы²⁴⁰.

---

²³⁵ Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. Москва, 2001. С. 28–34.

²³⁶ См.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Москва, 1916. С. 561.

²³⁷ См.: Вышеславцев Б. П. Гарантии прав гражданина. Москва, 1917. С. 7.

²³⁸ См.: Люблинский П. И. Неприкосновенность личности. Петроград : Муравей, 1917. С. 6–7.

²³⁹ См.: Амосова Т. В., Лавдаренко Л. И., Рябова Л. Г. Сущность категории «право на свободу и личную неприкосновенность» в сфере уголовного судопроизводства // Право и политика. 2013. № 12. С. 1753–1759.

²⁴⁰ Юридический энциклопедический словарь. Москва, 1984. С. 195.

В юридической науке существует и более широкая трактовка неприкосновенности, когда возможность обеспечения неприкосновенности любого права понимается как само право²⁴¹, а к понятию «право», как уже отмечалось, сводилось понятие «свобода». Так, по мнению М. В. Баглая, личная неприкосновенность человека распространяется на его жизнь, здоровье, честь, достоинство. «Никто, – писал он, – не вправе силой или угрозами принудить человека к каким-то действиям, подвергать его истязанию, обыску или наносить вред здоровью. Человек вправе сам распоряжаться своей судьбой, выбирать свой жизненный путь (вступать в брак, участвовать в голосовании, поступать на работу и т. д.)»²⁴².

И. Л. Петрухин считал, что это право – право на неприкосновенность – заключается в гарантированной государством личной безопасности и свободе человека, состоящей в недопущении, пресечении и наказуемости посягательств на: 1) жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность и половую свободу (физическая неприкосновенность); 2) честь, достоинство, нравственную свободу (нравственная неприкосновенность); 3) нормальное течение психических процессов (психическая неприкосновенность); 4) индивидуальную свободу человека, выражающуюся в предоставленной ему возможности располагать собой, своим свободным временем, по своему усмотрению определять место пребывания, не находиться под наблюдением или охраной (личная безопасность)²⁴³. Аналогичной позиции придерживается А. В. Писарев, относящий к данному праву физическую (телесную) неприкосновенность, которая представляет собой запрет какого-либо физического контакта с телом человека против его воли, а также психическую неприкосновенность, т. е. отсутствие контакта, подавляющего сознание, мысли, волю человека и оказывающего принудительное воздействие на его психику. В его понимании право на личную неприкосновенность – это субъективное право лиц, в отношении которых закон допускает применение мер процессуального принуждения, на обеспечение их психической и физической неприкосновенности от противоправных посягательств должностных лиц и государственных органов²⁴⁴.

В отечественной доктрине имеет место и узкий подход к личной неприкосновенности, в соответствии с которым она сводится к невозможности незаконного лишения свободы.

Так, в узком значении термин «личная неприкосновенность» используется в Гражданском кодексе РФ, где в ст. 150 он упоминается как отдельное нематериальное благо среди других: «жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя ... личная и се-

²⁴¹ См.: Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. Москва, 2004. С. 13.

²⁴² Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. Москва, 1999. С. 197.

²⁴³ См.: Конституция Российской Федерации : комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. Москва, 1994. С. 144.

²⁴⁴ Писарев А. В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность. Омск, 2006. С. 10–12, 18.

мейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом».

Узко определяется личная неприкосновенность и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Этот термин в Кодексе используется в качестве названия принципа уголовного судопроизводства – «Неприкосновенность личности»²⁴⁵, закрепленном в статье 10. Исходя из установленных в статье положений, можно заключить, что этот принцип сводится к гарантиям от незаконного задержания, заключения под стражу, принудительного помещения в медицинский или психиатрический стационар.

В российском законодательстве, по справедливому замечанию А. А. Опалевой, категория «личная неприкосновенность» связывается исключительно с уголовно-процессуальными гарантиями²⁴⁶.

Исследованием установлено, что в целом и узкое и широкое толкования терминов «личная неприкосновенность», «неприкосновенность личности» сходны с толкованиями термина «личная свобода», различие между ними обнаруживается лишь на семантическом уровне.

Потребность в недопущении смешения этих понятий, на наш взгляд, обусловила появление в юридической лексике – теории и законодательстве – терминов, обозначающих отдельные аспекты комплексного института личной неприкосновенности: неприкосновенности частной жизни, неприкосновенности жилища, свободы и личной неприкосновенности и др.

Термин «свобода и личная неприкосновенность», образованный от слияния двух терминов, означает свободу от произвольного её лишения в какой бы то ни было форме. Будучи самостоятельными, термины «свобода» и «личная неприкосновенность» не просто находятся рядом, а образуют единую концепцию – «свобода и личная неприкосновенность». В этой многообъемной категории «свобода» и «личная неприкосновенность» связаны между собой, дополняют и определяют друг друга. Каждый из этих терминов, используемый отдельно, может трактоваться как узко, так и широко. Соединяясь, они образуют категорию, которая приобретает самостоятельное и вполне определенное значение²⁴⁷.

На соотношение понятий «свобода» и «личная неприкосновенность» как двух взаимосвязанных сторон единого права человека указывается и в международных документах²⁴⁸. Так, Д. Л. Мордок, комментируя ст. 5 Ев-

²⁴⁵ УПК РФ в отличие от Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ говорит не о личной неприкосновенности», а вслед за предыдущим УПК РСФСР – о «неприкосновенности личности».

²⁴⁶ Опалева А. А. Указ. соч. С. 11.

²⁴⁷ См.: Амосова Т. В., Лавдаренко Л. И., Рябова Л. Г. Указ. соч. С. 1755.

²⁴⁸ См., например: Всеобщая декларация прав человека : принята 10 декабря 1948 г. Генеральной ассамблеей ООН // Российская газета. 1995. 5 апр. ; Европейская конвенция о защите прав и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. Москва, 1998 ; Ми-

ропейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, указывает на то, что «право на свободу и неприкосновенность личности должно восприниматься в целом. Соответственно слово «неприкосновенность» в сочетании со словом «свобода» должно восприниматься как защита от всякого произвольного процессуального или материально-правового посягательства на личную свободу со стороны государственных органов»²⁴⁹.

В международно-правовых актах, в ст. 22 Конституции Российской Федерации категория «свобода и личная неприкосновенность» используется в случаях, когда идёт речь о задержании, заключении под стражу, аресте – таких формах ограничения индивидуальной (физической) свободы, при которых ограничивается ряд фундаментальных (основных) прав личности. Анализируя практику применения Европейской конвенции, Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак отмечают: «Зачастую термины «liberty» или «freedom» («свобода») приводятся в связи с понятиями, которые намного шире по сравнению с теми, которые охватываются применениями положений Конвенции. В ст. 5, которая является главной среди этих положений, речь идёт о физической свободе. Статья предусматривает, главным образом, свободу от произвольного ареста и задержания»²⁵⁰. При этом авторы ссылаются на решение Европейской комиссии по правам человека 1978 г. по делу Эрроусмит против Соединенного Королевства²⁵¹, которым эта комиссия уравнила права на свободу и неприкосновенность.

В отечественном праве существует аналогичный подход: термин «личная неприкосновенность» при использовании его в категории «свобода и личная неприкосновенность» рассматривается как равнообъёмный понятие «физическая свобода», а, образованная от слияния двух категорий, «свобода и личная неприкосновенность» означает свободу от произвольного ареста и задержания.

Термин «свобода» во взаимосвязи с другим термином – «передвижение» образует категорию с совершенно иным смыслом. Словосочетанием «свобода передвижения» устанавливается объективная сторона данного понятия, где слово «передвижение» выступает самостоятельным элементом и занимает свое место, указывая на какую область общественных отноше-

---

нимальные стандартные правила обращения с заключенными : одобрены ЭКОСОС ООН 31 июля 1957 г. // Советская юстиция. 1992. № 2/3 ; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1996 г. // ВВС СССР. 1976. № 17 ; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме : принят 9 декабря 1988 г. Резолюцией 43/173 на сессии Генеральной ассамблеи ООН). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml (дата обращения: 10.10.2019).

²⁴⁹ Цит. по: Капинус Н. И. Процессуальные гарантии личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография. Москва, 2007. С. 150.

²⁵⁰ См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. Москва, 1998. С. 160.

²⁵¹ URL: <http://www.hrcr.org/safrica/religion> (дата обращения: 10.10.2019).

ний распространяется свобода²⁵². По мнению И. А. Алешковой и И. А. Конюховой, свобода передвижения – «это субъективная возможность передвигаться (перемещаться) в нужном направлении без определённых ограничений, используя по возможности для осуществления задуманного наиболее эффективные пути и средства»²⁵³. Право на свободу передвижения авторы видят «в качестве меры поведения отдельно взятого субъекта, где свобода передвижения понимается как отсутствие принуждения к перемещению и свободе выбора»²⁵⁴.

В некоторых публикациях личная неприкосновенность отождествляется с безопасностью личности, наряду с термином «право на свободу и личную неприкосновенность» появился термин «право на свободу и безопасность»²⁵⁵. Вопреки официальному переводу текста ст. 5 Европейской конвенции «the right to security» авторы переводят как «право на свободу и безопасность личности»²⁵⁶. Последнее, безусловно, стало калькой для появившейся в отечественных публикациях соответствующей категории.

В английском языке понятию «безопасность» соответствует термин *security*. *Security* – это состояние, исключаящее в первую очередь опасность – *danger*, либо страх и сильное волнение, и, кроме того, вероятность остаться без средств к существованию и очевидно на обыденном уровне связано с эмоциями и чувственными образами²⁵⁷. Причем *danger* толкуется как угроза причинения вреда физическому, психическому здоровью человека, его имуществу, благополучию, особенно намеренно. То есть *the right to security* в англоязычной картине мира означает право на свободу от чьего-либо намеренного посягательства.

Термин «безопасность», как и «личная неприкосновенность», имеет сложный, широкий и дифференцированный смысл. Понятие «безопасность» так же, как и «личная неприкосновенность» включает защищенность, но совершенно в другом смысле: защиту от угрозы. «Безопасность», как и «свобода» – более объемное понятие, чем «личная неприкосновенность», причем, включающее последнее и не может заменить термин «личная неприкосновенность» в категории «свобода и личная неприкосновенность».

---

²⁵² См.: Алешкова И. А., Конюхова И. А. Право на свободу передвижения и законодательство Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики // Государство и право. 2006. № 1. С. 27–28.

²⁵³ Там же. С. 28.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ См., напр.: Пантелеев Б. От права сильного – к сильному праву // ЭЖ-Юрист. 2013. № 1. С. 8; Шамилова Г. З. Защита права на свободу и безопасность по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9. С. 111–113 и др.

²⁵⁶ URL: <http://www.hrightrights.ru/text/b8/Chapter7.htm> (дата обращения: 10.10.2019).

²⁵⁷ The quality or state being secure as: a) freedom from danger; b) freedom from fear and anxiety; c) freedom from prospect to be laid off. The state of being free from danger or threat. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/security> (дата обращения: 10.10.2019).

В результате исследования установлено: термин «свобода и личная неприкосновенность» по содержанию уже взятых отдельно терминов «свобода» и «личная неприкосновенность»; «свобода и личная неприкосновенность» означает право на свободу личности от незаконных и необоснованных арестов и других действий, влекущих лишение (утрату) физической свободы²⁵⁸.

Впервые идея свободы и личной неприкосновенности как фундаментального права личности прозвучала в Великой Хартии Вольностей 1215 г., в статье 39 следующим образом: «Ни один свободный человек не будет арестован, или заточен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен; сверх того мы не выступим против него, не найдем на него войско, разве только по законному приговору равных ему и по закону страны»²⁵⁹. Затем данное право получило закрепление в британском Акте о лучшем обеспечении свободы поданного и о предупреждении заточений за морями 1676 г. (Хабеас Корпус Акт), во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., в американском Билле о правах 1791 г., в последующем – во всех международно-правовых актах, касающихся прав и свобод личности, а также на конституционном уровне – практически во всех странах континентальной Европы и США.

В соответствии со ст. 9 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. «никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию».

Международный Пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и *Конвенция о защите прав и основных свобод* 1950 г. по сравнению с Всеобщей декларацией более детально регламентируют право на свободу и личную неприкосновенность, указывая и на некоторые процессуальные гарантии.

Так статья 9 Пакта провозглашает:

«1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или задержанию под стражей. Никто не может быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

2. Каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную

---

²⁵⁸ См.: Лавдаренко Л. И., Амосова Т. В. К вопросу о формировании категории «безопасность личности» в сфере уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2015. № 16. С. 17.

²⁵⁹ Цит. по: Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Санкт-Петербург, 1995. С. 314.

власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки в суд, явки на судебное разбирательство, в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно».

Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям выделила случаи, которые могут быть квалифицированы как произвольное лишение свободы:

«а) когда явно невозможно сослаться на какие-либо правовые основания для лишения свободы (например, когда какое-либо лицо продолжает содержаться под стражей сверх назначенного по приговору срока наказания или вопреки распространяющемуся на него закону об амнистии, либо когда какое-либо лицо, задержанное как военнопленный, продолжает содержаться под стражей после фактического прекращения боевых действий);

б) когда лишение свободы обусловлено осуществлением прав и свобод, гарантированных статьями 7, 13, 14, 18, 19, 20 и 21 Всеобщей декларации прав человека, и в той мере, в которой это касается государств-участников, статьями 12, 18, 19, 21, 22, 25, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах;

с) когда полное или частичное несоблюдение международных норм, касающихся права на справедливое судебное разбирательство и закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и соответствующих международно-правовых документах, принятых соответствующими государствами, является настолько серьезным, что это придает лишению свободы произвольный характер;

д) когда просители убежища, иммигранты или беженцы подвергаются длительному административному задержанию без предоставления им возможности пересмотра дела в административном или судебном порядке или получения доступа к средствам правовой защиты;

е) когда лишение свободы является нарушением международного права в силу дискриминации по признаку рождения, гражданства, этнического или социального происхождения, языка, религии, экономического положения, политических или иных убеждений, пола, сексуальной ориентации, инвалидности или иного статуса, целью или результатом которой может стать отрицание равенства с точки зрения прав человека»²⁶⁰.

---

²⁶⁰ П. 10 доклада Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям от 6 июля 2015 г. «Основные принципы и Руководящие положения ООН в отношении средств правовой

В ст. 5 Конвенции устанавливается: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание лица под стражей после его осуждения компетентным судом;

б) законный арест или задержание лица за невыполнение законного решения суда или с целью обеспечения любого обязательства, предписанного законом;

с) законный арест или задержание лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

д) задержание несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное задержание, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

е) законное задержание лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

ф) законный арест или задержание лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

... Каждому арестованному незамедлительно сообщается на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

... Каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию в соответствии с положениями подпункта в (с) пункта 1 настоящей статьи, незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение из суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки в суд.

... Каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.

... Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

Толкование ст. 1 Конвенции, устанавливающей, что «Высокие Договаривающиеся стороны обеспечивают *каждому*, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе 1 настоящей Конвенции», позволяет сделать вывод – права человека, в т. ч. право на свобо-

---

защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд». URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/security> (дата обращения: 10.10.2019).

ду и неприкосновенность, носят *универсальный* характер (термин «каждый» позволяет сделать такой вывод), т. е. Конвенция защищает не только права граждан, но и права иностранцев, лиц без гражданства и юридически недееспособных лиц, например, детей и инвалидов²⁶¹.

В комментарии к ст. 5 Конвенции устанавливается, что такое основное право, как право на физическую свободу, тем не менее, не является абсолютным. «При любой правовой системе возникают ситуации, когда свобода лица при необходимости должна уступать неким иным жизненным интересам общества. Эти ситуации возникают преимущественно в системе уголовного правосудия (но не только). Осуществление государственными органами полномочий по аресту и задержанию допустимы, только если они облечены в надлежащую процедуру»²⁶².

Таким образом, концепция свободы и личной неприкосновенности относится к общепризнанным принципам и нормам международного и права.

По вопросу развития принципа личной неприкосновенности в отечественном праве А. А. Опалева отмечает, что в нашей стране впервые попытка его закрепления была предпринята в Проекте основного закона Российской Империи 1905 г. в главе «Об основных правах граждан», где предлагалось установить право на свободу от произвольного задержания, взятия под стражу или иного лишения свободы, кроме как в случаях, предусмотренных законом, и с соблюдением предусмотренных им правил²⁶³. Однако в то время по известным причинам идея о закреплении на конституционном уровне основных прав и свобод в нашей стране не была реализована. В начале советского периода государственно-правового строительства, несмотря на отсутствие в Конституции РСФСР 1918 г. положений о личной неприкосновенности, уже в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. предусматривались гарантии неприкосновенности личности и права на защиту в суде (ст. ст. 9, 18). На конституционном уровне личная неприкосновенность была провозглашена в 1936 г. в ст. 111 Конституции СССР; в последующем – в Конституции СССР 1977 г. в статье 54, устанавливающей, что никто не мог быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора²⁶⁴.

Действующая Конституция Российской Федерации, закрепляя в ст. 22 принцип свободы и личной неприкосновенности, устанавливает: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» (ч. 1); «Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по су-

²⁶¹ См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. Москва, 1998. С. 32.

²⁶² Дженнис Марк, Кэй Ричард, Бредли Энтони. Европейское право в области прав человека. Москва, 1997. С. 348.

²⁶³ См.: Опалева А. А. Развитие института личной неприкосновенности в России ... С. 10.

²⁶⁴ См.: Там же. С. 12–13.

дебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию более 48 часов» (ч. 2). Положения Конституции РФ в отношении рассматриваемого принципа воспроизводят юридическую конструкцию п. 1 ст. 5 Европейской Конвенции, используя термин «личная неприкосновенность», заменив прежний (Конституции СССР 1977 г.) – «неприкосновенность личности», что, по справедливой оценке правоведов, является не простой модификацией правового института, а отражает естественно-правовой подход к пониманию прав и свобод и характеризует новый уровень государственно-личных отношений как отношений двух равнообязанных субъектов²⁶⁵.

Российское законодательство воспроизводит формулировку п. 1 ст. 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 22 устанавливает: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность», в ч. 2 закреплено, что «арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию более 48 часов».

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ «конституционное право на свободу и личную неприкосновенность означает, что человек не может быть лишен свободы и заключен под стражу по произволу власти»²⁶⁶, что право на свободу и личную неприкосновенность является одним из неотъемлемых основополагающих прав человека. Оно воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека²⁶⁷. Конституционный Суд РФ отмечает, что «провозглашенное в статье 22 (часть 1) Конституцией Российской Федерации право на свободу включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением таких принудительных мер, как задержание, арест, заключение под стражу или лишение свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований, санкции суда или компетентных должностных лиц, а также сверх установленных либо контролируемых сроков. Вместе с тем, будучи неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, право на свободу в силу статьи 22 (часть 2)

²⁶⁵ Опалева А. А. Указ. соч. С. 10 ; Куликов В. А. Указ. соч. С. 8 и др.

²⁶⁶ По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1764.

²⁶⁷ См., например: По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2011. № 51. Ст. 7552.

Конституции Российской Федерации может быть правомерно ограничено при аресте, заключении под стражу и содержании под стражей ...»²⁶⁸.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, определяя свободу и личную неприкосновенность в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства, в ст. 10 «Неприкосновенность личности» устанавливает:

«1. Никто не может быть задержан по подозрению в совершении и преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

2. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны незамедлительно освободить всякого незаконно задержанного, или лишеного свободы, или незаконно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного настоящим Кодексом.

3. Лицо, в отношении и которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью».

Редакция ст. 10 УПК РФ позволяет заключить, что:

1) законодатель в названии принципа использовал традиционный для советского периода развития системы права термин «неприкосновенность личности»;

2) несмотря на используемый в названии термин, который может трактоваться широко, содержание принципа сводится к гарантиям от незаконного лишения свободы;

3) в понятие «лишение свободы» включены не только арест и задержание, но и помещение лица в медицинский или психиатрический стационар;

4) конкретизировано понятие законного лишения свободы, которое включает в себя два компонента: во-первых, наличие указанных в законе оснований применения мер, связанных с лишением свободы и, во-вторых, соблюдение установленного законом и (или) решением суда сроков лишения свободы. То есть незаконно лишенным свободы признается и подлежит немедленному освобождению не только лицо, которое необоснованно лишено свободы, но и лицо, в отношении которого истек срок лишения свободы.

---

²⁶⁸ По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Шелухина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1999 г. № 14-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УПК РФ в определение рассматриваемого принципа включает положением о том, что «лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью» (ч. 3 ст. 10 УПК РФ). А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский замечают, что это обусловлено задачей достижения международных стандартов для содержащихся под стражей лиц, в отношении которых не вынесен обвинительный приговор. В соответствии с международно-правовыми стандартами содержание под стражей не может иметь характер кары, наказания, дополнительных лишений, в которых нет непосредственной необходимости с точки зрения целей задержания или устранения помех для хода расследования, или поддержания безопасности и порядка в месте задержания (принцип 36 Свода принципов защиты всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме)²⁶⁹.

ЕСПЧ в своих решениях напоминает, что ст. 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения жертвы. Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что государство обязано обеспечить, чтобы лицо содержалось в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, чтобы способ и метод исполнения данной меры пресечения не подвергали его страданиям и трудностям, превышающим неизбежный уровень, присущий содержанию под стражей.

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых на 1-ом Конгрессе ООН по предупреждению преступлений и обращению с преступниками²⁷⁰, в частности, указано, что все помещения, которыми пользуются заключенные, особенно все спальные помещения, должны отвечать всем санитарным требованиям, причем должно внимание следует обращать на климатические условия, особенно на кубатуру этих помещений, на минимальную их площадь, на освещение, на вентиляцию. В помещениях, где живут и работают заключенные, окна должны иметь достаточные размеры для того, чтобы они могли читать и работать при дневном свете, окна быть сконструированы так, чтобы обеспечивать доступ свежего воздуха, независимо от того, существует или нет искусственная система вентиляции; при использовании искусственного освещения оно

---

²⁶⁹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург, 2012. С. 80.

²⁷⁰ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными : приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г. : одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-ом пленарном заседании 31 июля 1957 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

должно быть таким, чтобы заключенные могли читать и работать без опасности для зрения.

Каждый заключенный должен иметь возможность удовлетворять свои естественные потребности, когда ему это нужно, в условиях чистоты и пристойности. Должны быть обеспечены условия для того, чтобы каждый заключенный мог купаться или принимать душ хотя бы раз в неделю.

Согласно Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, на государстве лежит обязанность в следственных изоляторах снабжать заключенных водой и туалетными принадлежностями, необходимыми для поддержания чистоты и здоровья. Заключенный должен быть обеспечен отдельной койкой, снабжен спальными принадлежностями и др.

Тюремное управление должно обеспечивать каждого заключенного питательной и хорошего качества пищей, питьевой водой.

Все заключенные, не занятые работой на свежем воздухе, имеют ежедневное право, по крайней мере, на час, подходящих физических упражнений на дворе, если это позволяет погода.

Кроме того, в соответствии с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными для лиц, лишенных свободы, очень важно поддерживать достаточно хороший контакт с внешним миром. Прежде всего лицу, находящемуся под стражей, необходимо предоставить возможность сохранять отношения со своими семьями и близкими родственниками. Руководящим принципом должно стать содействие контакту с внешним миром. Любые ограничения на такой контакт должны быть обоснованы исключительно измеримыми интересами безопасности или соображениями нехватки материальных ресурсов.

ЕСПЧ при оценке переполненности камер исходит из того, сколько метров приходится на каждого заключенного, и в достаточной ли мере он обеспечен «личным пространством». На необеспечение заключенных «достаточным личным пространством» и соответственно – нарушение ст. 3 Конвенции – Европейский Суд неоднократно указывал в своих решениях по делам против Российской Федерации²⁷¹. А. И. Ковлер – судья Европейского Суда по правам человека, избранный от Российской Федерации, заметил, что из поступающих из нашей страны в Европейский Суд однотипных («клоновых») жалоб, выявляющих так называемые системные («структурные») проблемы, 12 % посвящены условиям содержания в СИЗО, а также в КАЗ и ИВС, и прежде всего – их переполненности и качеству медицинской помощи²⁷².

---

²⁷¹ См.: Постановления ЕСПЧ по делам: «Лабзов против Российской Федерации», жалоба № 62208/00 ; «Майзит против Российской Федерации», жалоба № 63378/00 ; «Новоселов против Российской Федерации», жалоба № 66460/01 ; «Власов против Российской Федерации», жалоба № 78146/01 ; «Бабушкин против Российской Федерации», жалоба № 67253/01 ; «Худоеров против Российской Федерации». Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁷² См.: Ковлер А. И. Итоги Европейского суда по правам человека в 2011 году // Российский судья. 2012. № 4. С. 6.

В Российской Федерации предпринимаются меры, направленные на улучшение условий содержания под стражей. На законодательном уровне помимо упомянутого положения ч. 3 ст. 10 УПК РФ следует отметить ст. 174 федерального закона РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г., которая устанавливает: «В случае возникновения опасности для жизни и здоровья задержанного или арестованного сотрудники мест содержания под стражей обязаны принять меры к обеспечению их личной безопасности». Наличие опасности для жизни и здоровья может быть выявлено в результате медицинского обследования, право на которое должно быть у каждого, содержащегося под стражей (принципы 24–26 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме).

Основная проблема – переполненность камер ИВС и СИЗО решается путём обеспечения одного арестованного площадью не менее 4 кв. метров. В тех случаях, когда имеет место переполненность в камерах, представляется правильным предложение А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского о необходимости устранения допущенного нарушения, а если это в ближайшее время объективно невозможно (например, ввиду недостатка площадей в следственном изоляторе), то решать вопрос об освобождении арестованного²⁷³.

В целом при характеристике принципа свободы и личной неприкосновенности под ним следует понимать:

« – право-действие: непосредственно право на неприкосновенность личности, включающее в себя гарантии того, что никто не вправе насильственно ограничить свободу человека распоряжаться в рамках закона своими действиями, пользоваться свободой передвижения. Никто не может быть подвергнут задержанию и заключению под стражу иначе как на основании судебного решения. Основания задержания и заключения под стражу регламентированы уголовно-процессуальным и другим законодательством, предусматривающим развернутую систему гарантий от необоснованного задержания и заключения под стражу и от нарушения прав человека при задержании и заключении под стражу;

– право-требование: право на неприкосновенность личности со стороны неопределенного круга лиц»²⁷⁴.

Принцип свободы и личной неприкосновенности означает не только право не быть задержанным по подозрению в совершении преступления или заключенным под стражу при отсутствии на то законных оснований и не быть подвергнутым задержанию до судебного решения на срок более 48 часов, но и право быть немедленно освобожденным при незаконном за-

²⁷³ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова ... С. 81.

²⁷⁴ См.: Лукошкина С. В. Неприкосновенность личности // Принципы современного российского уголовного судопроизводства : монография / науч. ред. И. В. Смолькова ; отв. ред. Р. В. Мазюк ... С. 157.

держании, заключении под стражу, помещении в медицинский или психиатрический стационар, а также право лица, в отношении которого применяется мера принуждения в виде ограничения свободы и личной неприкосновенности, на содержание в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью.

В международно-правовых актах право на свободу рассматривается, главным образом, как свобода от произвольного ареста и задержания²⁷⁵.

В российской правовой системе реализация принципа свободы и личной неприкосновенности отражает современные подходы к определению взаимоотношений личности и государства, и в большей своей части соответствует общепризнанным нормам и принципам международного права.

Таким образом, право на свободу и личную неприкосновенность является одним из неотъемлемых, основополагающих прав человека. Оно воплощает наиболее значимое социальное благо, которое исходя из признания государством достоинства личности предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека.

2.3. Формы ограничения свободы и личной неприкосновенности

В международно-правовых актах для обозначения лишения свободы применительно к праву на свободу используется самая разнообразная терминология. В них может идти речь об «аресте» (*arrest/home arrest*), «взятии под стражу» (*taking into custody*), «задержании» (*apprehension*), «заключении» (*detention*), «помещении в тюрьму» (*imprisonment*), «изоляции» (*isolation*) и др. Такое разнообразие терминов, фиксирующих в своей семантике разные аспекты понятия «лишение свободы», свидетельствует об исключительной значимости права на свободу. Это право является основополагающим и само по себе, и по той причине, что лишение свободы служило исторически и продолжает оставаться, по сей день, главным средством ущемления других гуманитарных прав и свобод²⁷⁶.

В английском языке термин «задержание» передается существительными *arrest*, *detention* и *apprehension*.

Арест – (от лат. *arrestum* «решение суда») акт, в результате которого прекращается обычная жизнедеятельность лица на основании решения уполномоченного органа или санкции. ... Посредством ареста инициируется лишение свободы лица²⁷⁷.

²⁷⁵ См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Указ. соч. С. 160.

²⁷⁶ См.: Амосова Т. В., Лавдаренко Л. И., Рябова Л. Г. Указ соч. С. 1756–1757.

²⁷⁷ Амосова Т. В., Лавдаренко Л. И., Рябова Л. Г. Указ соч. С. 1756–1757.

Задержание – (от лат. *apprehendere* «захватывать») собственно задержание лица, подозреваемого в совершении преступления²⁷⁸.

Термин «взятие под стражу» включает существительное *custody*, образованное от лат. *custodia* «охрана, стража» и означает помещение лица, совершившего правонарушение, в место (в прямом смысле слова) лишения свободы по решению полиции после признания его виновным или в ожидании суда²⁷⁹.

Detention (от лат. *detinere* держать) – имеет место, когда полицейский ограничивает свободу передвижения, связанную с намерением удалиться от некоего места: приближается к лицу и задаёт вопросы, останавливает подозреваемого в совершении противоправного деяния, и когда подозреваемого лишают свободы на некоторое время²⁸⁰.

Imprisonment – тюремное заключение – содержание в местах лишения свободы в течение длительного периода времени в качестве наказания за совершённое преступление.

Isolation – (от фр. *isoler* «обособлять», «отделять») отделение от других людей или группы лиц, т. е. лишение свободы как мера защиты прав других людей²⁸¹.

ЕСПЧ в решениях, постановлениях, которые публикуются на английском языке, обобщая свою практику, в отношении лишения свободы использует термины: *arrest* в значении «акт задержания», *custody / police custody* – состояние лишения свободы в результате ареста полицией, *detention* – долговременное лишение свободы досудебное или после вынесения приговора, *isolation* – лишение свободы как характер содержания в заключении, например, строгая или относительная изоляция²⁸².

В русском языке «задерживать» происходит от слова «держать» – «взять или ухватить, не выпускать, сжимать в руках, не давать двигаться, не выпускать, препятствовать, не давать делать что-либо»²⁸³. Обращает на себя внимание то, что со словом «держать» возникло выражение «держи вора, держи». Таким образом, глагол «задержать» («задерживать») можно понимать как оперативное действие по захвату лица, совершившего преступление.

---

²⁷⁸ *Apprehension – the seizure and arrest of a person who is a suspected of having committed a crime.* URL: <http://www.encyclopedia.com> (дата обращения: 19.09.2019).

²⁷⁹ *Taking into custody – detention of a person who has committed any illegal act by police in prison after conviction of a crime or while awaiting trial.* Цит. по: URL: <http://www.encyclopedia.com> (дата обращения: 19.09.2019).

²⁸⁰ *Detention – act of keeping back or detaining, deprivation or restraint of liberty.* Цит. по: URL: <http://quizlet.com/dictionary/detention/> (дата обращения: 19.09.2019).

²⁸¹ A state of isolation between persons and groups Цит. по: URL: <http://www.definitions.net/definition/isolation> (дата обращения: 19.09.2019).

²⁸² См.: Амосова Т. В., Лавдаренко Л. И., Рябова Л. Г. Указ. соч. С. 1756.

²⁸³ Даль В. Указ. соч. Т. I. С. 431.

В словосочетании «заключение под стражу» слово «заключать» («заключить») означает, прежде всего, «окружать или ограждать вокруг, запира́ть, брать под стражу»²⁸⁴.

Морфологическая структура рассматриваемых слов включает приставку «за», образующую глаголы, в том числе со значениями захвата, охвата действием и собственно предела действия, а также существительные и прилагательные со значением нахождения по ту сторону или позади чего-нибудь (заграница, загород и др.). Если слово «держать» означает неоконченное, незавершённое действие, предполагающее применение физическое воздействие, то термин «задержание», включающий приставку «за», означает окончательное действие, не обязательно с применением силы.

Таким образом, в русском языке с точки зрения семантических свойств «задержание» и «заключение под стражу» означают состояние нахождения за какой-то границей, пределом против желания того, кто за этой границей находится. Применение силы (физического воздействия) в семантике этих существительных отсутствует.

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 г. содержит понятие задержанного лица как любого лица, лишённого личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения²⁸⁵, из чего можно определить задержание как состояние лица, лишённого личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения. В Своде принципов защиты даётся разъяснение термина «арест», который идентичен задержанию: «слово «арест» означает акт задержания лица по подозрению в совершении какого-либо правонарушения или по решению какого-либо органа»²⁸⁶.

Комиссия ООН по правам человека в своей резолюции 1997/50 высказалась за использование термина «лишение свободы» — *deprivation of liberty*. Эта терминология была избрана в связи с тем, что на созданную Комиссией Рабочую группу возлагалась задача определения произвольного лишения свободы во всех его формах, и её мандат распространялся как на лишение свободы до, во время и после суда (срок тюремного заключения, назначенный по обвинительному приговору), так и на лишение свободы без какого-либо судебного разбирательства (административное задержание *administrative custody*). Группа причислила также к формам задержания (лишения свободы) меры домашнего ареста и трудового воспитания, когда они сопровождаются серьёзными ограничениями свободы передвижения²⁸⁷.

²⁸⁴ Даль В. Указ. соч. С. 587.

²⁸⁵ П. в, d раздела «Употребление терминов» Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме // Международные акты. Москва, 2000. С. 209.

²⁸⁶ Там же. С. 210.

²⁸⁷ Commission on Human Rights. Report on the Fifty-third Session (10 March-18 April 1997). URL: <http://www.un.org/terrorism/pdfs/2/G9712841.pdf> (дата обращения: 24.09.2019).

Таким образом, отнесение той или иной меры к лишению свободы зависит от серьезности ограничений физической свободы (свободы передвижения).

Европейская Комиссия по правам человека при отнесении тех или иных мер к лишению свободы также исходит из того, насколько серьезными были ограничения индивидуальной свободы. По мнению Комиссии, ст. 5 не предоставляет защиты от менее серьезных форм ограничения индивидуальной свободы, как, например, в случае наблюдения за условно-осужденными гражданами, при введении комендантского часа или других формах контроля.

Европейский Суд рассматривает каждую ситуацию с точки зрения «количественного» критерия, принимая в расчет тип, длительность, эффект и способ реализации той или иной ограничительной меры. В то же время по своей сущности лишение свободы и ее ограничение, на взгляд Европейского суда, не имеют принципиальной разницы. Их разграничение, таким образом, зависит от степени ограничительного воздействия на свободу заявителя²⁸⁸.

В практике ЕСПЧ установлено, что вопрос о том, было ли данное лицо лишено свободы в нарушение положений ст. 5, решается в каждом отдельном случае с учётом всех обстоятельств данного дела. Показательным в этом отношении является дело Гуциарди против Италии. Заявителю после освобождения было предписано не покидать указанного в распоряжении острова, причём возможность контактов с другими людьми для него оказалась крайне ограниченной, т. к. территория острова составляла 2,5 км². Заявитель должен был ежедневно отмечаться в местном отделении полиции, покидать остров и принимать посетителей можно было только по специальному разрешению. Несмотря на то, что положение заявителя не соответствовало классическому пониманию лишения свободы, Суд постановил, что, учитывая все факторы, в данном случае лишение свободы имело место. И Суд, и Комиссия пришли к выводу о том, что это дело затрагивает право заявителя на свободу и личную неприкосновенность²⁸⁹.

При решении вопроса о том, имело ли место лишение свободы ЕСПЧ учитывает и субъективный фактор. Так, в деле «Шторк против Германии» (2005 г.) установлено, что заявитель в период лечения в клинике для душевнобольных находилась в запертой палате, была под постоянным присмотром медперсонала, не имела возможности покинуть эту клинику и при попытке побега была возвращена в неё полицией. Однако в связи с тем, что в день первого прибытия в клинику она, признанная дееспособной, подписала согласие на лечение, чем выразила свою волю, ЕСПЧ отказал в удов-

²⁸⁸ Nolan and K. v. Russia, N 2512/04, 12.02.2009, § 93 ; Amuur v. France, № 19776/92, 25.06.1996, П. 42. URL: <http://www.un.org/terrorism/pdfs/2/G9712841.pdf> (дата обращения: 24.09.2019).

²⁸⁹ См.: Алексеева Л. Б., Жуйков В. М., Лукашук И. И. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации : практическое пособие. Москва, 1996. С. 138.

летворении жалобы в части признания факта лишения свободы²⁹⁰. Другим примером в части оценки субъективного фактора является дело «Штукатуров против Российской Федерации» (2008 г.). По этому делу ЕСПЧ отметил, что заявитель не имел юридической дееспособности самостоятельно решать соответствующие вопросы, но это ни в коей мере не означало, что заявитель фактически не осознавал свою ситуацию. Во-первых, собственное поведение заявителя в момент помещения в госпиталь свидетельствует об обратном. Так, он несколько раз требовал его выпустить из госпиталя, связывался с администрацией госпиталя и юристом с целью его освобождения, даже пытался сбежать. Во-вторых, мотивировка национальных судов в отношении психического состояния заявителя была неопределенной. Даже если заявитель юридически был неспособен выразить свою позицию, при сложившихся обстоятельствах ЕСПЧ не разделил точку зрения властей Российской Федерации о том, что заявитель согласился на продолжающееся лишение свободы в госпитале. ЕСПЧ пришел к выводу, что заявитель был лишен свободы властями по смыслу п. 1 ст. 5 Конвенции²⁹¹.

В соответствии с ч. ст. 22 Конституции Российской Федерации без судебного решения допускается кратковременное лишение свободы – на срок не более 48 час. – задержание. УПК РФ регламентирует уголовно-процессуальное задержание. Вместе с тем, наряду с УПК РФ возможность без судебного решения ограничения свободы и личной неприкосновенности предусматривается рядом федеральных законов Российской Федерации.

Так, возможно задержание подозреваемых в совершении преступления сотрудниками полиции на основании статьи 14 «Задержание» Федерального закона «О полиции»; военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии на основании пункта 1 статьи 10 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ; в административном порядке возможно кратковременное задержание лица сроком до 3 час. по делу об административном правонарушении на основании ст. 27.3–27.6 КоАП РФ, ст. 331 Таможенного кодекса РФ; возможно задержание лица в зоне проведения контртеррористической операции при отсутствии у него документов, удостоверяющих личность (ст. 213 Закона РФ «О борьбе с терроризмом» от 25.07.1998 г.); задержание граждан, нарушивших правила комендантского часа на территории действия чрезвычайного положения (ст. 31, Федерального Конституционного закона РФ «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 г.); задержание осужденного на срок до 30 суток (п. 18 ст. 397 УПК РФ и ст. 46, 48, 58 УИК РФ).

В соответствии с п. 11 ст. 5 УПК РФ под задержанием понимается мера процессуального принуждения, применяемая к подозреваемому орга-

---

²⁹⁰ Решение по делу «Шторк против Германии» № 6163/00 от 16 июня 2005 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5748803/> (дата обращения: 10.10.2019).

²⁹¹ Решение по делу «Штукатуров против Российской Федерации» № 44009/05 от 27 марта 2008 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ном дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. В данном определении указывается, что задержание есть мера процессуального принуждения и определяется его продолжительность, других же существенных признаков не дается.

Для определения того, было ли лишение свободы ЕСПЧ анализирует следующие показатели: «нахождение под замком» – имелся ли «замок» или было ли иным образом ограничено пространство; имелось ли принуждение; возможность беспрепятственно покинуть ограниченное пространство (пусть даже и большое); наличие мер по контролю за личной жизнью; длительность заключения – не подпадает в понятие лишения свободы, как правило, непродолжительное ограничение свободы (которое, например, продолжалось пару часов), если длительность его не превышала времени, которое было строго необходимо для выполнения юридических формальностей²⁹².

Однако даже непродолжительное ограничение свободы согласно позиции ЕСПЧ может привести к ситуации лишения свободы в контексте ст. 5 Конвенции, если по отношению к лицу имело место физическое принуждение. Так, например, в деле «Фока против Турции»²⁹³ ЕСПЧ установил, что, хотя ограничение свободы носило непродолжительный характер (ровно столько, сколько требовалось для выполнения юридических формальностей), для доставления задержанной женщины в участок использовалась физическая сила, так как заявительница не захотела самостоятельно сесть в полицейскую машину. Ввиду наличия в данном деле элемента принуждения, который повлиял на свободу передвижения заявителя, ЕСПЧ признал это лишением свободы.

В случае, когда лицо было доставлено в полицию без применения физической силы, но под угрозой её применения, ЕСПЧ также готов признать наличие лишения свободы в контексте ст. 5 Конвенции. В частности, в деле «Шимоволос против Российской Федерации»²⁹⁴ заявитель вызывался сотрудником полиции в отделение без применения к нему какого-либо физического принуждения, но под угрозой его применения. В отделении полиции заявитель провел около часа, что является непродолжительным сроком. Тем не менее ЕСПЧ признал, что такое ограничение являлось лишением свободы в силу наличия угрозы применения насилия.

---

²⁹² См.: Агальцова М. В., Афанасьев Д. В., Баглаева Е. Е. Автономное толкование Европейским Судом по правам человека понятий «лишение свободы», «законность задержания» и «обоснованность подозрения» // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights). Москва, 2017. Вып. 3: Имплементация Конвенции по правам человека в национальное право. 672. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁹³ Решение по делу «Фока против Турции» № 28940/95 от 24 июня 2008 г. URL: www.definitions.net/definition/isolation (дата обращения: 19.09.2019).

²⁹⁴ Решение по делу «Шимоволос против Российской Федерации» № 30194/09 от 21 июня 2011 г. URL: <http://www.definitions.net/definition/isolation> (дата обращения: 19.09.2019).

Кроме того, согласно позиции ЕСПЧ не будет приниматься во внимание непродолжительность ограничения свободы как обстоятельство, исключающее квалификацию ограничительного воздействия в качестве лишения свободы в случае, если оно привело к серьезным последствиям. В частности, в деле «Ранцев против Кипра и Российской Федерации»²⁹⁵ ограничение свободы носило непродолжительный характер (два часа), однако при попытке освободиться из места, отведенного для проживания работодателем, владельцем кабаре, девушка спрыгнула с балкона, что привело к ее смерти. Столь тяжкие последствия, наступившие для жертвы, стали для Европейского суда ключевым фактором при установлении факта лишения свободы.

Согласно официальному толкованию ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, которое дает Конституционный Суд РФ в постановлении от 27.07.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» лицо считается задержанным, «если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность»²⁹⁶. В целом, такое толкование Конституционным Судом РФ лишения свободы в виде задержания совпадает с правовыми позициями ЕСПЧ. Вместе с тем, положение «действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность» ввиду неопределённости требует уточнения, в т. ч. с учётом решений ЕСПЧ.

ЕСПЧ широко трактует лишение свободы в виде задержания. Согласно его позиции, если лицо, хотя и имело статус свидетеля, но было доставлено без каких-либо объяснений в ОВД вскоре после возбуждения уголовного дела, подверглось ряду процессуальных мер, в частности, процедуре опознания, оно де-факто рассматривалось сотрудниками полиции в качестве подозреваемого и его пребывание в отделении полиции в течение 8 часов представляло собой лишение свободы»²⁹⁷. В решении «Попов против России» ЕСПЧ, напомнив, что «различие между лишением свободы и

---

²⁹⁵ Rantsev v. Cyprus and Russia, № 25965/04, 07 января 2010 г. URL: <https://www.definitions.net/definition/isolation> (дата обращения: 19.09.2019).

²⁹⁶ По делу о проверке конституционности положений статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июля 2000 г. № 11-П // Российская газета. 2000. № 128 (4 июля).

²⁹⁷ «Бирулев и Шишкин против России»: постановление Европейского Суда от 14 июня 2016 г. по жалобам № 35919/05 и № 3346/06. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ограничением свободы заключается лишь в их степени или интенсивности, а не природы или сущности», отметил: «Защита от произвольного задержания, закрепленная в пункте 1 статье 5 Конвенции, применяется к лишению свободы любой продолжительности, сколь бы кратковременным оно ни было», что в ситуации, при которой сотрудники милиции воспрепятствовали лицу его попытке выйти из кабинета во время допроса и велели ему оставаться внутри и ждать возвращения следователя и, кроме того, не представили какого-либо документа, содержащего подробный отчет о произошедшем в отделении милиции во время нахождения в нем заявителя, «... имелся элемент принуждения, который, несмотря на кратковременный срок задержания, свидетельствовал о лишении свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции ...»²⁹⁸.

Одной из существенных проблем правоприменительной практики отсутствие ясности по вопросу определения времени фактического лишения свободы при так называемом «полицейском» задержании²⁹⁹. Доставка согласно п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» – мера государственного принуждения, применяемая полицией, которая заключается в принудительном препровождении гражданина в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение. В отличие от ранее действовавшего Закона РФ «О милиции», устанавливавшего полномочия сотрудников милиции по задержанию, закон «О полиции» содержит лишь общие положения о задержании, которые могут рассматриваться как в рамках административного законодательства, так и уголовно-процессуального. Как справедливо замечает С. И. Вершинина, перед сотрудниками российской полиции возникает дилемма: ориентироваться на нормы уголовно-процессуального законодательства либо на нормы Кодекса об административных правонарушениях. Других способов правового оформления применяемого полицией задержания в российском законодательстве нет. Вместе с тем в отраслевых законах задержание связано с привлечением нарушителя к юридической ответственности. И если для целей административного и уголовного судопроизводства такое регулирование оптимально, то для решения задач, сопряженных с обеспечением правопорядка, противодействием преступности и поддержанием безопасности в обществе, зависимость задержания от юридической ответственности нарушителя существенно ограничивает способность полиции адекватно реагировать на каждое противоправное деяние. При таком подходе сотрудники полиции вынуждены выполнять несвойственные им функции по квалификации противоправного деяния и по установлению деликтоспособности нарушителя, то есть самостоятельно определить, по какому основанию осуществлять задержание и в соответст-

²⁹⁸ Попов против России : постановление Европейского Суда от 19 июля 2016 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁹⁹ См.: Авдеев В. Н., Каманицин А. С. Полицейское задержание: к вопросу о необходимости формирования понятия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3 (29). С. 36–39.

вии с этим применять норму уголовно-процессуального или административного законодательства (ст. ст. 27.3 – 27.6 КоАП РФ)³⁰⁰.

В связи с отсутствием в УПК РФ норм, регулирующих захват и доставку лица по подозрению в совершении преступления, на практике зачастую принимается решение об административном задержании.

Однако отсутствует ясность и в отношении определения срока административного задержания. В соответствии с п. 4 ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания начинается *с момента доставки лица* в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или в помещение органа местного самоуправления сельского поселения, а лица, находящегося в состоянии опьянения, – со времени его вытрезвления). Доставка гражданина должно фиксироваться в дежурной части ОВД, а сотрудники полиции, доставившие лицо, должны составить об этом рапорт на имя своего руководителя. То есть в соответствии КоАП РФ срок *доставления* в срок административного задержания не включается, что обуславливает проблему исчисления сроков административного задержания. В частности, при помещении лица в вытрезвитель срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента его вытрезвления. При этом общий срок времени вытрезвления лица, находящегося в состоянии опьянения, с момента его доставки не может превышать 48 часов. Между тем определить этот срок не представляется возможным, – отмечают С. А. Бараковских и А. С. Барабаш, – поскольку «... специальных учреждений, где бы могло находиться лицо, до момента вытрезвления фактически нет»³⁰¹. В результате лица, находящиеся в состоянии опьянения, совершившие правонарушение фактически не имеют правового статуса, т. к. после физического задержания и доставки в органы внутренних дел, они не могут быть помещены в помещение для административно задержанных, т. к. протокола об административном задержании нет, соответственно и оснований процессуального задержания и помещения в условия временной изоляции от общества – также отсутствуют³⁰².

Уголовно-процессуальный закон упоминает о доставлении. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол задержания должен быть составлен в срок не более 3 часов после доставления подозреваемого. Однако формулировка ч. 1 ст. 92 УПК РФ вызывает замечания – получается, что после доставления подозреваемого в орган дознания или следователю в срок не более 3 часов *должен быть* составлен протокол задержания, т. е. предполагается обязательное задержание доставленного. Между тем, при-

---

³⁰⁰ Вершинина С. И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 755–765.

³⁰¹ Бараковских С. А., Барабаш А.С. Современные нормотворческие тенденции в организации правового регулирования административного задержания // Личность, право, государство. 2018. № 4. С. 99–106.

³⁰² Там же. С. 100.

частность к совершению преступления доставленного лица может не найти подтверждения и оно должно быть отпущено. Возникает вопрос о правомерности доставления лица по подозрению в совершении преступления в том случае, когда доставление не переходит в процессуальное задержание.

Отсутствие правовой регламентации фактического лишения свободы, предшествующего процессуальному оформлению задержания, приводит к тому, что в практической деятельности допускаются случаи, когда доставление лиц по подозрению в совершении преступления в органы внутренних дел не оформляется протоколом доставления, «заподозренные» удерживаются в помещениях внутренних дел без соответствующего оформления, содержат их, как правило, вне изоляторов временного содержания, помещая в рабочие кабинеты, комнату дежурной части отдела внутренних дел³⁰³.

Таким образом, при задержании лица по подозрению в совершении преступления в случаях, когда уголовного дела ещё нет, нет юридической определенности по вопросу установления момента фактического лишения свободы. Именно поэтому при его осуществлении сотрудники полиции и других органов дознания, столкнувшись с необходимостью такого задержания, как и прежде, вынужденно идут по пути выдумки, искусственно приспособивая к своим целям самые различные административно-правовые и оперативно-розыскные возможности³⁰⁴. По-существу в таких случаях имеет место произвольное лишение свободы.

В юридической науке справедливо акцентируется внимание на том, что положение ч. 2 ст. 22 Конституции распространяет свое действие не только на уголовный процесс, но и на другие виды публичных отношений, в рамках которых допускается кратковременное ограничение свободы частных лиц и согласны с предложением рассматривать конституционный институт досудебного задержания как универсальное правовое образование, объединяющее регламентированные отраслевым законодательством виды досудебного задержания – административного, уголовно-процессуального и полицейского³⁰⁵. С целью решения проблемы правовой

---

³⁰³ См.: Синельщиков Ю. Незаконное содержание // Законность. 1999. № 2. С. 7–8.

³⁰⁴ См.: Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е издание, переработанное и дополненное. Москва, 2017.

³⁰⁵ Вершинина С. И. О проблемах правового регулирования задержания подозреваемого // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 28–32 ; Она же. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 755–765 ; Россинский С. Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex Russica. 2018. № 8 (141). С. 68–80 ; Он же. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 134–145 ; Россинский С. Б., Ващенко Б. М. О некоторых проблемах обеспечения правовых гарантий личности при задержании по подозрению в совершении преступления // Вестник Восточно-Сибирского института внутренних дел России. 2018. № 4 (87). С. 131–138.

неопределённости С. И. Вершинина предлагает закрепить в Законе о полиции основания, сроки и порядок полицейского задержания³⁰⁶, с чем следует согласиться.

ЕСПЧ в ряде своих решений по жалобам из России говорит о жертвах недокументированного задержания и подчеркивает, что лишение свободы без её фиксации является нарушением самой сути гарантий ст. 5 Конвенции и тот факт, что задержание не было надлежащим образом зафиксировано, признает грубейшим нарушением³⁰⁷.

Сущность задержания, заключения под стражу, помещения в медицинский (психиатрический) стационар состоит в ограничении внешней (физической) свободы лица, при котором оно принудительно выдворяется из привычной среды, изолируется от общества, помещается в замкнутое, ограниченное пространство с замкнутой системой общения и принудительно содержится в этом пространстве. Происходит не только ограничение свободы и личной неприкосновенности, но и связанное с этим резкое изменение образа жизни. «Образ жизни» – понятие, характеризующее особенности повседневной жизни людей; совокупность типичных способов жизнедеятельности определенных социальных общностей³⁰⁸.

Режим (фр. *régime* образ жизни) содержания в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах носит принудительный характер. При этом условия содержания заключённого под стражу – обвиняемого (подозреваемого), т. е. лица, ещё не признанного судом виновным, – не отличаются от условий содержания для осуждённого преступника, поскольку следственные изоляторы в своём большинстве – тюрьмы, построенные в XIX в. как карательные учреждения.

При задержании, заключении под стражу, помещении лица в медицинский (психиатрический) стационар лицо лишается свободы ведения личного (частного, индивидуального, отличающегося от других) образа жизни, права распоряжения собой, права на уединение, на общение по своему усмотрению с другими людьми, возможности владеть и пользоваться личным имуществом.

Репутация такого лица оказывается подорванной. Снижается прежний социальный статус личности, ему наносится серьёзная психическая травма³⁰⁹. О том, насколько серьёзной является степень ограничения основных прав личности в случае применения задержания, заключения под стражу свидетельствует использование для их обобщённого обозначения

---

³⁰⁶ Вершинина С. И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания ли, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 760.

³⁰⁷ См.: Постановления ЕСПЧ от 9 марта 2006 г. Жалоба № 59261/00 : от 18 января 2007 г. Жалоба № 59334/00. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁰⁸ См.: Философский словарь. Москва, 1986. С. 328.

³⁰⁹ См.: Маковик Р. С., Бессараб Н. Р. Изоляция личности в российском праве и законодательстве : учебник. Москва, 2007. С. 77–78.

понятия «лишение свободы», которое интерпретируется как «утрата свободы», «несвобода», «неволя» личности.

Следует отметить, что термин «лишение свободы» в правоведении трактуется неоднозначно. Так, И. Л. Петрухин применительно к задержанию, заключению под стражу, принудительной госпитализации в психиатрический стационар предложил использовать родовое понятие «стеснение свободы»³¹⁰. Следует заметить, что слово «стеснение» близко по значению «ограничению», которое толкуется как предел, рубеж; правило, ограничивающие какие-либо права; удержание в известных рамках, границах; сужение возможностей; лимитирование сферы деятельности; стеснение определенными условиями и т. д.³¹¹ Категория «ограничение свободы» может трактоваться широко, включать, в частности, меру пресечения в виде подписки о невыезде. Поэтому более точным относительно названных мер принуждения (задержание, заключение под стражу, помещение в медицинский или психиатрический стационар, домашний арест), полагаем, является именно «лишение свободы»³¹².

Термин «лишение свободы» используется в уголовном законе как конкретная мера уголовного наказания (ст. 53, 56 УК РФ); в уголовно-процессуальном законе – как заключение под стражу, задержание, принудительное помещение лица в медицинский или психиатрический стационар (ст. 10 УПК РФ)

Наряду с термином «лишение свободы» для обозначения рассматриваемого правоограничения используется также словосочетание «изоляция личности». Изолировать означает «отделить, уединить, отрешить от всего окружающего»³¹³, «лишить соприкосновения с чем-либо»³¹⁴. Известно, что изоляция личности – основная составляющая лишения свободы. Не случайно учреждения, куда помещаются задержанные и заключённые под стражу, именуется изоляторами – изолятором временного содержания и следственным изолятором. При этом понятие «лишение свободы» шире понятия «изоляция личности»: первое охватывает наряду с изоляцией принудительное выдворение лица из привычной микросреды, принудительное помещение его в специально приспособленное учреждение (ИВС, СИЗО, психиатрический стационар).

Лишение свободы, связанное с изоляцией, а также помещением лица в изолятор временного содержания или следственный изолятор в уголовно-

---

³¹⁰ Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. Москва, 1989. С. 15.

³¹¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва, 1989. С. 357; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 1995. Т. 2. С. 647–648.

³¹² См.: Амосова Т. В., Лавдаренко Л. И., Рябова Л. Г. Сущность категории «Право на свободу и личную неприкосновенность» в сфере уголовного судопроизводства ... С. 175.

³¹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1995. Т. 2. С. 32.

³¹⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва, 1992. С. 242.

процессуальном законодательстве ранее именовалось арестом³¹⁵. В действующем УПК РФ слово «арест» содержится в наименовании меры пресечения – «домашний арест».

Домашний арест ограничивает личные права в меньшей степени, нежели заключение под стражу: лицо принудительно не помещается в иную, существенно отличающуюся от привычной ему среду, не лишается права на уединение в занимаемом им и его семьёй помещении. Оно не несёт того «правового урона», тех лишений, которые связаны с нахождением в следственном изоляторе. Вместе с тем, домашний арест предполагает более жёсткое ограничение свободы, чем подписка о невыезде. Как и при заключении под стражу, лицо изолируется от общества. При домашнем аресте недопустимо покидать жилище – за исключением выхода на прогулку и других целей, установленных по решению суда – и осуществлять какие-либо контакты помимо контактов с проживающими в жилище лицами.

Статья 10 УПК РФ не включает в понятие «лишение свободы» меру пресечения в виде домашнего ареста. Некоторые авторы высказали возражение по поводу того, что домашний арест может применяться по решению суда. Так, В. М. Быков, ссылаясь на ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что по решению суда производится лишь арест, заключение под стражу и содержание под стражей, заключает: судебный контроль не должен распространяться на домашний арест³¹⁶. Если следовать логике ученого, то и принудительное помещение в медицинский или психиатрический стационар также должно осуществляться без судебного разрешения, так как оно не упоминается в ст. 22 Основного закона. Поскольку домашний арест заключается в изоляции от общества, он представляет собой лишение свободы. В этой связи к процедуре его применения должны предъявляться требования, соответствующие требованиям «законного лишения свободы», в том числе – получение судебного решения.

В настоящее время в уголовное судопроизводство России в результате изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ, введена новая мера пресечения в виде запрета определенных действий, что вызвало широкое обсуждение в процессуальной науке³¹⁷. Мы

---

³¹⁵ См.: Ст. 54 Конституция СССР. 1977 ; Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. 1958 ; УПК РСФСР. 1960 ; Закон о прокуратуре СССР.

³¹⁶ См.: Быков В. М. Новый закон о домашнем аресте подозреваемого или обвиняемого : научный комментарий // Право и политика. 2012. № 3. С. 482.

³¹⁷ См., напр.: Азаренок Н. Основания и порядок применения запрета определенных действий // Уголовное право. 2018. № 4. С. 109–112 ; Ларкина Е. В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения // Lex russica. 2019. № 4. С. 129–138 ; Николаева М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2. С. 117–123 ; Чернова С. С. Новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018.

же остановимся на вопросе о соотношении данной меры пресечения с домашним арестом в контексте ст. 5 Конвенции.

В рамках данной меры пресечения возможны запреты для подозреваемого (обвиняемого): выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них, общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Как справедливо заметил В. В. Николюк, запрет для подозреваемого и обвиняемого выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, по сути, сводится к изоляции от общества и в этом рассматриваемая мера пресечения сходна с домашним арестом³¹⁸. Такой запрет связан с ограничением физической свободы. Сходство с домашним арестом заключается ещё и в установлении контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) возложенных запретов, который осуществляется посредством применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, в частности, электронного браслета. Осуществление постоянного контроля, применение браслета, безусловно, связаны с ограничением личной неприкосновенности. По поводу применения браслета А. П. Титаренко отмечает, что у 80% опрошенных, к которым он применялся, возникает сильное желание от него избавиться³¹⁹. Законодатель с учётом серьезности правоограничений установил судебное разрешение на применение рассматриваемой меры пресечения. Как и при домашнем аресте, время запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ (запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает), засчитывается из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей. Вместе с тем, если при домашнем аресте подозреваемый (обвиняемый) изолируется от общества на весь период действия этой меры пресечения, то при применении рассматриваемого запрета – лишь в определённые периоды времени. Кроме того, такой вид

№ 3 (45). С. 103–110; Юсупов М. Ю. Изменения в системе мер пресечения // Администратор суда. 2018. № 2. С. 35–39 и др.

³¹⁸ См.: Николюк В. В. Новые правила зачета в срок наказания времени содержания лица под стражей, изоляции от общества при применении мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 4 (87). С. 112–121.

³¹⁹ Титаренко А. П. Дисциплинарная ответственность осужденных к ограничению свободы за причинение материального ущерба в период отбывания наказания // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369.

запрета может и не применяться. В целом, при применении меры пресечения в виде запрета определенных действий отсутствует та степень ограничения свободы и личной неприкосновенности, которая позволяет относить эту меру пресечения к лишению свободы.

Резюмируя изложенное, можно заключить, что ограничение свободы в контексте ст. 5 Европейской Конвенции есть лишение свободы в виде задержания, заключения под стражу, помещения в медицинский (психиатрический) стационар, представляющее собой ограничение внешней (физической) свободы лица, при котором оно принудительно выдворяется из привычной среды, изолируется от общества, помещается в замкнутое, ограниченное пространство с замкнутой системой общения и принудительно содержится в этом пространстве. Происходит не только ограничение свободы и личной неприкосновенности, но и связанное с этим резкое изменение образа жизни. Мера пресечения в виде домашнего ареста не несёт того «правового урона», тех лишений, которые связаны с нахождением в следственном изоляторе. Вместе с тем, как и при заключении под стражу, лицо изолируется от общества, находится в замкнутом, ограниченном пространстве и по своему усмотрению не может покинуть это пространство, находясь под постоянным контролем.

ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

3.1. Реализации в российском уголовном судопроизводстве принципа права на свободу и личную неприкосновенность при задержании

В Российской Федерации регламентация и практика применения задержания в целом согласуются с международно-правовыми стандартами, касающимися права на свободу и личную неприкосновенность. Вместе с тем требуется дальнейшее развитие российского законодательства в сторону усиления гарантий от произвольных задержаний, надлежащей процедуры с целью обеспечения прав лица, подвергаемого задержанию.

Применение задержания при производстве по уголовным делам, как всякий вид человеческой деятельности, включает такие субъективные компоненты, как цель и мотивы. Отражая определенные общественные потребности в сфере уголовного судопроизводства, цель и мотивы формируют, ставят на определенную логическую основу решения правоприменителя. В связи с тем, что задержание связано с ограничением свободы и личной неприкосновенности, в его применении недопустима «вольная воля» правоприменителя, способная породить произвол. Актуальность определения целей задержания обусловлена тем, что оно не предусматривает судебного решения или санкции прокурора, а также других гарантий охраны прав личности, необходимых для процедуры ограничения свободы и личной неприкосновенности.

Внезапность задержания, обстоятельства, связанные с водворением в изолятор временного содержания (тщательный личный обыск и т. д.), нахождение в камере ИВС в условиях строгой изоляции – все это угнетающе действует на психику задержанного. «Его дух бывает сломлен, и от него, быть может, с одинаковой вероятностью можно ожидать как истинного признания, так и самооговора, извращения подлинных обстоятельств дела» – писал И. Л. Петрухин³²⁰. Поскольку подавленное состояние задержанного облегчает работу по получению от него признательных показаний, то перед лицом, осуществляющим расследование, может возникнуть искушение применять задержание в каждом случае, формально соответствующем перечисленным в ч. 1 ст. 91 УПК РФ обстоятельствам. В этой связи следует сказать о Приказе Генерального прокурора РФ от 18 июня 1997 г. № 31 «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием», который предписывал не допускать использования задержания и ареста как средства получения от подозреваемого или обвиняемого признания вины в совершении преступления. Несмотря на то что данный Приказ утратил силу, сформулированный в нем запрет использования задержа-

³²⁰ Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. Москва, 1989. С. 10.

ния и ареста с целью воздействия на подозреваемых (обвиняемых) является незабываемым. Ранее о целях задержания говорилось в «Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления» от 13 июля 1976 г. (в настоящее время утратило силу). Так, в ст. 1 названного Положения устанавливалось, что задержание предпринимается в целях выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Такая формулировка целей задержания находила и находит поддержку в учебной и научной литературе³²¹.

Одним из немногих, кто с ней не согласился, был И. Л. Петрухин, поставивший под сомнение отнесение к целям задержания выяснение причастности задержанного к преступлению. По его мнению, достичь этого можно и без задержания³²².

Как представляется, постановка такой цели, как выяснение причастности задержанного к преступлению, возможна, если задержание рассматривать как познавательную деятельность, т. е. относить задержание к следственным действиям. Для отнесения задержания к следственным действиям ранее существовали правовые основания: в соответствии с УПК РСФСР 1960 г. задержание именовалось неотложным следственным действием (ст. 119).

Некоторые авторы, признавая, что задержание не содержит ни поисковых, ни познавательных, ни удостоверительных операций, вместе с тем полагают, что оно «содействует быстрому и полному раскрытию преступлений, поиску и закреплению доказательств по горячим следам совершенного преступления» и «косвенно» является неотложным следственным действием³²³.

В процессуальной литературе высказана точка зрения, согласно которой задержание подозреваемого носит интегративный характер, сочетая в себе элементы принуждения и получения доказательственной информации: с одной стороны, оно предоставляет возможность предотвратить или пресечь преступные действия, с другой стороны, позволяет получить важные сведения относительно обстоятельств преступления, личности подозреваемого, обнаружить вещественные доказательства, документы и иные сведения, имеющие значение для уголовного дела, т. е. является одновременно и мерой принуждения, и следственным действием, направленным на собирание доказательств³²⁴.

---

³²¹ См.: Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России : учебное пособие. Москва, 2004. С. 157 ; Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 48 ; Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. Москва, 1999. С. 6 ; Якупов Р. Х. Уголовный процесс : учебник для вузов. Москва, 1998. С. 36 др.

³²² Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 10.

³²³ См.: Мельников В. Ю. К вопросу о задержании заподозренного лица в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2012. № 1. С. 9–12.

³²⁴ См.: Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. Москва, 2009. С. 174 ; Вандышев В. В. Уголовный процесс : курс лекций. Санкт-Петербург, 2004.

С. Б. Россинский предлагает рассматривать задержание не только как меру уголовно-процессуального принуждения, а как тактическую операцию, т. е. как «... определенную совокупность следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных, организационно-технических и иных мероприятий, направленных на решение конкретной задачи расследования...», обусловленную сложившейся по делу следственной ситуацией³²⁵. По мнению учёного, «сочетая процессуальные действия с иными мероприятиями правоохранительных органов, тактическая операция имеет не сугубо процессуальный, а скорее межотраслевой характер»³²⁶.

Такой подход к сущности задержания небезоснователен – исторически задержание являлось полицейской мерой и лишь в исключительных случаях – процессуальной. Действительно, до момента задержания, в процессе задержания могут проводиться оперативно-розыскные, а также следственные и другие процессуальные действия, в результате которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Однако задержание необходимо рассматривать исключительно как меру уголовно-процессуального принуждения. Сведения, имеющие доказательственное значение, получаются не в результате задержания, а предшествующих задержанию или осуществляемых одновременно с ним следственных действий и других способов собирания доказательств³²⁷. Действующий УПК РФ задержание подозреваемого определяет как «меру процессуального принуждения» (п. 11 ст. 5 УПК РФ), нормы, регламентирующие задержание, закрепляет в одноименной главе раздела IV Кодекса «Меры процессуального принуждения», что согласуется с международно-правовыми стандартами, определяющими задержание как состояние любого лица, лишённого личной свободы³²⁸.

Будучи мерой принуждения, ограничивающей свободу и личную неприкосновенность, задержание не может быть использовано как средство для получения доказательств. В противном случае в целях раскрытия преступлений его применение будет признаваться оправданным в каждом случае, формально соответствующем перечисленным в ч. 1 ст. 91 УПК РФ обстоятельствам.

С. 240 ; Якупов Р. Х. Уголовный процесс : учебник для вузов / науч. ред. В. Н. Галузо. Москва, 2004. С. 300–302.

³²⁵ Россинский С. Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается ... С. 134–145.

³²⁶ Россинский С. Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается ... С. 134–145 ; Он же. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex Russica. 2018. № 8 (141). С. 68–80.

³²⁷ См.: Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. Москва, 1980. С. 50 ; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник для вузов. Санкт-Петербург, 2008. С. 234.

³²⁸ См.: п. п. «в», «д» раздела «Употребление терминов» Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме // Международные акты. Москва, 2000. С. 209.

Таким образом, задержание не должно иметь цели выяснения причастности задержанного к преступлению. Напротив, для его применения уже должны быть сведения, обосновывающие причастность лица к совершению преступления. Задержание имеет общее с другими мерами уголовно-процессуального принуждения назначение. В соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК РФ иные меры процессуального принуждения применяются «в целях обеспечения установленного настоящим Кодексом порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора». Несмотря на то что в приведенной статье речь идет об иных мерах процессуального принуждения, не вызывает сомнений, что все меры принуждения, включая задержание, имеют общую цель – их применение направлено на обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства в интересах успешного решения его задач³²⁹.

Рассматривая вопрос о целях именно задержания, необходимо исходить из его сущности и правовой природы. В соответствии с действующим УПК РФ задержание делится на 2 разновидности: неотложное процессуальное действие и действие, применяемое для обеспечения доставления подозреваемого (обвиняемого) в суд для рассмотрения ходатайства органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Вывод об этом следует из анализа нормы, регулирующей задержание: указанные в п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ обстоятельства являются основаниями к задержанию подозреваемого в неотложной ситуации, а обстоятельство, указанное в ч. 2 этой статьи, – о направлении в суд ходатайства в отношении лица о заключении его под стражу – является самостоятельным основанием к задержанию в другой ситуации, как правило, не являющейся неотложной³³⁰.

Если говорить о второй разновидности задержания, то его цель очевидна – разрешение вопроса о применении к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу. Применительно к задержанию как неотложному процессуальному действию представляется правильной точка зрения, высказанная И. Л. Петрухиным, в соответствии с которой цели задержания и цели мер пресечения в основном совпадают. И этими целями являются: пресечение преступной деятельности, предупреждение сокрытия подозреваемого (обвиняемого) от следствия и суда, воспрепятствование фальсификации подозреваемым (обвиняемым) доказательств и другим его попыткам помешать достоверному установлению обстоятельств уголовного дела³³¹.

В связи с тем, что определение целей задержания является одной из гарантий обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность ли-

³²⁹ См.: Лавдаренко Л. И. Определение целей и мотивов уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2015. № 12. С. 11–15.

³³⁰ См.: См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практическое пособие / под ред. В. П. Верина. Москва, 2007. С. 89.

³³¹ См.: Петрухин И. Л. Глава 12. Задержание подозреваемого // Уголовно-процессуальный кодекс РФ / под ред. И. Л. Петрухина. Москва, 2002. С. 153.

ца, подозреваемого в совершении преступления, целесообразным было бы нормативное их установление, например как в уголовно-процессуальном законе Украины, предусматривающем, что задержание состоит в кратковременном лишении свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, в целях пресечения его преступной деятельности, предотвращения побега, сокрытия или уничтожения им доказательств.

С целями задержания связаны мотивы принятия такого решения.

Требование отражать мотивы задержания в соответствующем протоколе содержит УПК РФ (ч. 2 ст. 92). Такое предписание содержал и прежний УПК РСФСР 1960 г. в ч. 3 ст. 122. Между тем в ранее имевшем обязательную силу бланке протокола задержания (приложение 28 к ст. 476 УПК РФ) соответствующая графа отсутствовала, в связи с чем при составлении протоколов задержаний лицами, осуществляющими расследование, мотивы не указывались. Не указываются они и в настоящее время, что нельзя признать правильным. Задержанием ограничивается свобода и личная неприкосновенность, и указание мотивов применения такой меры принуждения позволяет формировать о ней правильное представление у правоприменителя. Мотив внутренне связан с целеполаганием, и если формулировка цели по разным причинам в протоколе задержания не нужна, то формулировка мотивов позволяет правоприменителю внутренне более точно определять цели. Указание мотивов важно и для задержанного. Он не объект задержания, а осознающий субъект, который должен иметь ясное представление о причинах, побудивших предпринять в отношении него столь жесткую меру процессуального принуждения.

Сложность и терминологическая неясность данного понятия обуславливают проблемы его определения в юридических науках. Следует заметить, что если в уголовно-правовой доктрине мотив является одной из основных и глубоко исследованных проблем³³², то в процессуальной теории ему не уделялось такого внимания. По названной причине – из-за сложности и неясности самого термина «мотив» – по вопросу о мотиве задержания среди процессуалистов не сложилось единого мнения. Одни авторы считают, что мотивами задержания являются обстоятельства, имеющие значение для оснований к задержанию³³³, другие – конкретные факты, обстоятельства, которые обуславливают необходимость задержания данного лица, свидетельствуют о правомерности его задержания³³⁴, большинство же – субъективный момент правоприменителя (субъективное или внутрен-

---

³³² См., например: Капинус О. С. Убийства: мотивы и цели. Москва, 2004 ; Музюкин А. П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение : монография. Москва, 2012 и др.

³³³ См.: Кудин Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985. С. 116–117.

³³⁴ См.: Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969. С. 98–99 ; Коркунов В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 89.

нее побуждение, обоснованные сомнения)³³⁵, способный объяснить, почему данное лицо не может остаться на свободе и его необходимо кратковременно лишить свободы.

Последняя позиция по определению мотива задержания наиболее соответствует сложившемуся в психологии и других науках, в частности в доктрине уголовного права, представлению о мотиве как субъективной категории. И. М. Гуткин, определяя мотив задержания как внутреннее (субъективное) побуждение, заметил, что возникает оно на объективной основе. «Оно вытекает из таких материалов дела, которые порождают у органов расследования опасения, что лицо, подозреваемое в преступлении, может уклониться от следствия или дознания, помешать установлению истины или продолжить преступную деятельность. В результате возникает стремление, желание помешать заподозренному, не дать ему возможности совершить указанного действия. Это и есть мотив к задержанию»³³⁶.

Исходя из трактовки мотивов задержания, можно согласиться со следующим их определением: «по общему правилу мотивами признаются обоснованные сомнения, что подозреваемый может совершить другое преступление, воспрепятствовать предварительному расследованию, уничтожить следы преступления и иные имеющиеся фактические данные»³³⁷. По сути сходным является следующее определение мотивов задержания – это «основанные на объективных обстоятельствах дела, служащих основаниями для задержания, субъективные побуждения соответствующего должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, не допустить, чтобы лицо, подозреваемое в преступлении: а) уклонилось от дознания или следствия; б) помешало установлению истины по делу; в) продолжало преступную деятельность»³³⁸.

Как видно, термин «мотивы задержания» ввиду его сложности определяется на теоретическом уровне неоднозначно. Между тем, учитывая, что мотив задержания является неотъемлемым элементом его законности, он должен указываться в протоколе задержания и при этом быть понятным не только лицу, осуществляющему задержание, но и тому лицу, в отношении которого оно применяется. Полагаем, что употребление в протоколе задержания словосочетаний «обоснованные сомнения» либо «субъективные побуждения» будет не совсем понятным для задерживаемого лица. В этой связи можно обратиться еще к одному определению мотивов задержа-

³³⁵ См.: Безлепкии Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. Москва, 2009. С. 170 ; Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. Москва, 1980. С. 37 ; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей ред. В. М. Лебедева, науч. ред. В. П. Божьев. Москва, 2010. С. 342; и др.

³³⁶ Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания ... С. 37.

³³⁷ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей ред. В. М. Лебедева, науч. ред. В. П. Божьев. Москва, 2010. С. 342.

³³⁸ Безлепкии Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. Москва, 2009. С. 170.

ния: «конкретные, основанные на материалах уголовного дела доводы должностного лица о необходимости задержания подозреваемого»³³⁹. Понимание мотивов как доводов соответствует одному из значений этого слова в русском языке – довод в пользу чего-нибудь³⁴⁰.

Исходя из понимания мотивов как доводов, т. е. объяснений причин принятия того или иного решения или осуществления действия, рассматриваемую проблему можно решать следующим образом: в протоколе задержания в графе «мотивы» следует указывать: «Мотивами задержания являются основания полагать, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может воспрепятствовать производству по делу» – и далее: «скрыться, продолжать преступную деятельность, угрожать свидетелю, иным участникам процесса, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

Очевидно, что полная изоляция подозреваемого (обвиняемого) при его задержании или заключении под стражу предотвращает его попытку скрыться от органов предварительного расследования и суда, создает реальные препятствия подозреваемому (обвиняемому) сфальсифицировать или уничтожить следы преступления, подготовить ложное алиби, воздействовать на потерпевшего и свидетелей, согласовать с соучастниками линию поведения с целью избежать уголовной ответственности, и другими способами помешать производству по уголовному делу. Другие же меры уголовно-процессуального принуждения не всегда обеспечивают решение превентивных задач. Тем не менее, применение задержания и заключения под стражу должно осуществляться лишь тогда, когда другие меры принуждения в силу разных причин неэффективны для выполнения задач уголовного судопроизводства.

Обязательным требованием надлежащей процедуры задержания является его обоснованность, то есть задержание может производиться лишь при наличии установленных законом оснований. Об обоснованности подозрения как одном из обязательных условий лишения свободы говорится в решениях Европейского Суда по правам человека. По делу «Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» от 30 августа 1990 г. Европейский Суд пояснил, что наличие обоснованного подозрения предполагает существование фактов или информации, которые способны убедить объективного наблюдателя в том, что лицо могло совершить правонарушение. В решении по делу «В. М. Лабзов против Российской Федерации» от 28 февраля 2002 г. Европейский Суд дает толкование понятия «степень подозрения», в соответствии с которым не предполагается, что должны быть получены такие же доказательства, как во время ареста и в период пребывания арестованного под стражей. Факты, вызывающие подозрение не должны обладать такой же степенью убедительности, как те, которые не-

³³⁹ Ксендзов Ю. Ю. Задержание и заключение под стражу подозреваемого : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2010. С. 20.

³⁴⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка ... С. 367

обходимы для предъявления обвинения, – следующего этапа в процессе расследования по уголовному делу. Основания задержания подозреваемого изложены в ст. 91 УПК РФ. Они сходны с основаниями заключения под стражу, однако не являются едиными – если для принятия решения о необходимости задержания допустимы ссылки как на доказательства, так и на фактические данные, еще не облаченные в форму процессуальных доказательств, то для применения меры пресечения необходимы ссылки только на доказательства. Совокупность данных о причастности лица в совершении преступления при задержании должна быть такой, которая позволяла бы предположить, а не утверждать о причастности (подозрении) лица к совершению преступления.

В силу того, что лишению свободы и личной неприкосновенности подвергается лицо, которое лишь подозревается в совершении преступления, и такое правоограничение осуществляется без судебного решения, законодательством установлен достаточной короткий срок задержания – 48 час. Однако до настоящего времени не решена проблема правовой определенности по вопросу «фактического» задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

УПК РФ содержит понятия «фактическое задержание», «момент фактического задержания» (пп. 11, 15 ст. 5, п. 3 ст. 49, ч. 1.1 ст. 92), являющиеся ключевыми при исчислении сроков задержания на предмет соответствия предусмотренного Конституцией РФ 48-ми часового срока. В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ «момент фактического задержания – момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления», т. е. речь идет о процессуальном задержании, осуществляемом следователем (дознавателем) после возбуждения уголовного дела. При таком определении задержания не учитывается предшествовавшее процессуальному задержанию время лишения свободы при административном задержании, фактический захват и доставление лица в орган расследования. В таких случаях моментом задержания может считаться момент принятия решения о задержании после доставления лица в орган дознания или составления протокола задержания³⁴¹. Отсутствие регламентации фактического лишения свободы не обеспечивает гарантирования права задержанного лица на получение информации о причинах задержания и других правах, предусмотренных международно-правовыми стандартами. Так, согласно принципу 13 Свода принципов 1988 г. «любому лицу в начале задержания... или вскоре после этого органом, ответственным... за задержание доводятся до сведения и разъясняются его права и как оно может осуществить эти права». В соответствии с ч. 2 ст. 5 Европейской конвенции «каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение». В юри-

---

³⁴¹ См. : Комментарий к УПК РФ / под ред. В. П. Верина, В. В. Мозякова. Москва, 2004. С. 40.

дической науке справедливо говорится о необходимости установления обязанности должностных лиц разьяснять причины и основание задержания лица по подозрению в совершении преступления, его права непосредственно в момент фактического задержания, а не при составлении протокола задержания, как это предусмотрено ст. 92 УПК РФ³⁴². Мы согласны с предложением, что данная проблема может быть решена путем введения процедуры так называемого правила Миранды: лицу, подвергаемому захвату и доставлению, а также иным действиям, существенно ограничивающим физическую свободу, незамедлительно на месте задержания разьяснить, в совершении какого преступления он подозревается, а также основные права и обязанности, в том числе – право иметь защитника, в том числе за счет государства независимо от того, будет ли это лицо задержано в порядке ст. ст. 91–92 УПК РФ или освобождено. Затем в возможно короткий срок задержанного необходимо доставить в соответствующий орган. После чего доставивший задержанного сотрудник должен составить протокол доставления, в котором уже в письменной форме должна быть сделана отметка о разьяснении доставленному сущности подозрения и его процессуальных прав³⁴³.

Одной из гарантий от произвольных задержаний в соответствии с международно-правовыми стандартами является судебная проверка каждого факта лишения свободы. Так, согласно положениям международно-правовых актов: п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, принципами 11 и 32 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, по каждому факту задержания и заключения под стражу производится судебная проверка законности ареста или задержания в срочном порядке. Между тем, в соответствии с УПК РФ законность задержания по подозрению в совершении преступления в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ проверяется в суде только в случае рассмотрения постановления следователя (дознателя) о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения, требующей судебного решения, либо при обжаловании в суд подозреваемым факта его задержания. Как представляется, с учётом того, что каждому задержанному обеспечива-

---

³⁴² См.: Россинский С. Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // *Lex russica*. 2018. № 8. С. 68–80 ; Он же. Защитник с момента фактического задержания (в контексте конституционно-межотраслевого подхода) // *Российская юстиция*. 2018. № 12. С. 60–63 ; Ряполова Я. П. Процессуальный режим задержания, проводимого на стадии возбуждении уголовного дела // *Уголовное судопроизводство*. 2011. № 1. С. 22 ; Яковлева С. А. Задержание подозреваемого в механизме реализации принципа неприкосновенности человека и права на свободу передвижения // *Российский следователь*. 2018. № 3. С. 52.

³⁴³ См.: Гирько С. И., Березина Е. С. Правовой институт задержания подозреваемого: история, современное состояние, перспективы развития : монография. Москва, 2010. С. 95 ; Овчинников Ю. Г. К вопросу обеспечения конституционного права подозреваемого на участие защитника в момент задержания // *Адвокатская практика*. 2014. № 1. С. 50.

ется квалифицированная юридическая помощь со стороны защитника-адвоката, в том числе, бесплатно и это позволяет задержанному составить жалобу и обратиться с ней в суд, а также того, что в подавляющем большинстве задержаний в последующем ставится вопрос об избрании меры пресечения, требующей судебного решения, можно заключить – право на судебную проверку законности лишения свободы при задержании обеспечивается в достаточной мере.

Задержание как неотложная мера осуществляется в условиях информационной неопределенности. Поэтому опровержение подозрения в дальнейшем – это один из нормальных исходов задержания, не означающий его незаконности. В тоже время задержание подозреваемого будет незаконным, если имеется совокупность доказательств, достаточная для вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В этом случае должен ставиться вопрос не о задержании, а об избрании меры пресечения.

Резюмируя изложенное, необходимо подчеркнуть, что задержание есть мера уголовно-процессуального принуждения, которая представляет собой кратковременное – до 48 час. лишение свободы без судебного решения. Срок задержания должен исчисляться с момента фактического лишения свободы. Задержание должно осуществляться в соответствии с требованием надлежащей процедуры, быть обоснованным.

3.2. Реализации в российском уголовном судопроизводстве принципа права на свободу и личную неприкосновенность при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

Заключение под стражу – самая строгая мера пресечения. В соответствии с п. 42 ст. 5 УПК РФ содержание под стражей – это пребывание обвиняемого (подозреваемого) в следственном изоляторе или ином месте, определенном ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.95 г., т. е. заключение под стражу предусматривает физическую изоляцию лица от общества с содержанием в особом помещении вне места (дома) обычного проживания гражданина.

Правовые основы заключения под стражу установлены: Международным пактом о гражданских и политических правах, Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и иными нормами международного права и международными договорами России, ч. 2 ст. 22 главы 2 Конституции Российской Федерации; ст. 10, 97-101, 108-110, 225, 228, 423 УПК РФ, федеральным законом «О содержании по стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»³⁴⁴.

В соответствии с международно-правовыми стандартами применение заключения под стражу с учётом важности права на свободу и личную не-

---

³⁴⁴ О содержании по стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ : редакция от 28 декабря 2016 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2964.

прикосновенность может быть оправдано публичными интересами, если оно отвечает требованиям справедливости, является пропорциональной, соразмерной и необходимой мерой.

В силу фундаментального характера права на свободу, которая является естественным состоянием для человека, ЕСПЧ исходит из так называемой презумпции свободы. До вступления приговора в законную силу обвиняемый считается невиновным, поэтому необходимы очень веские основания для ограничения его свободы³⁴⁵. «Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом», – гласит ст. 9 Пакта о гражданских и политических правах. Согласно п. 6.1 Токийских правил «предварительное заключение под стражу используется в судопроизводстве по уголовным делам как крайняя мера при условии должного учета интересов расследования предполагаемого правонарушителя и защиты общества и жертвы». Согласно позиции ЕСПЧ заключение под стражу является исключением из права на свободу, и случаи лишения свободы должны носить исчерпывающий характер³⁴⁶.

В ч. 1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу определяется как исключительная мера пресечения, используемая только «при невозможности применения иной более мягкой меры пресечения». Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях напоминает, что заключение под стражу и домашний арест применяются исключительно по судебному решению и только в том случае, когда применение более мягкой меры пресечения невозможно³⁴⁷.

При заключении под стражу должен соблюдаться принцип правовой определенности, под которым понимается, прежде всего законность лишения свободы (в соответствии с процедурой, предписанной законом). Данный принцип означает обязанность государства действовать согласно своему материальному и процессуальному праву. Кроме того содержание лица под стражей должно быть совместимым и с п. 1 ст. 5 Конвенции, которая не допускает произвольного лишения свободы³⁴⁸. Законность подразумевает «качество» закона – его доступность и точность для того, чтобы избе-

---

³⁴⁵ См., например: Быков (Bykov) против России № 4378/02, П. 61 : постановление ЕСПЧ от 10 марта 2009 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁴⁶ См.: п. 79 постановления Европейского Суда по правам человека от 2 марта 2006 г. по делу «Нахманович против Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁴⁷ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 : редакция от 24 мая 2016 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁴⁸ П. 74 постановления Европейского Суда по правам человека от 25 октября 2005 г. «Федотов против Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

жать появления риска произвольного лишения свободы³⁴⁹; чтобы условия лишения свободы были четко определены, чтобы само право было предсказуемым в плане применения, чтобы позволить лицу в необходимых случаях и с учетом обстоятельств дела, с помощью юридических советов предвидеть последствия своего поведения (п. 50 Постановления от 21 июня 2007 г. «Мельникова против Российской Федерации»).

Необходимым условием заключения под стражу является *наличие обоснованного подозрения* в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление.

Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» также отметил, что «наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста» (п. 14)³⁵⁰. Этой позиции Верховный Суд придерживался и в своих последующих решениях. Так, в п. 2 Постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 указывается: «Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению»³⁵¹. Верховный Суд РФ отмечает: «Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т. п.)»³⁵². Обращает на себя внимание то, что здесь говорится о данных, подтверждающих подозрение и выступающих в качестве оснований для задержания. При этом Европейский Суд говорит о том, что требования к данным о причастности лица в совершении преступления при избрании и применении в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу должны быть более весомыми: во-первых, данные должны представлять собой доказательства, и, во-вторых, эти доказательства должны обладать большей убедительностью в *степени подозрения*, чем при задержании, быть достаточными для предъявления обвинения³⁵³.

---

³⁴⁹ П. 49 Постановления Европейского Суда по правам человека от 8 февраля 2005 г. «Бордовский против Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

³⁵⁰ БВС Российской Федерации. 2003. № 12.

³⁵¹ См: Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵² Там же.

³⁵³ См.: Постановления Европейского Суда по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» от 28 октября 1994 г. ; по делу «Лабзов против Российской Федерации» от

Верховный Суд РФ разъясняет, что при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении. Случаи, когда в постановлении не содержалось указания на то, что суд проверил обоснованность подозрения лица в совершении преступления апелляционной инстанцией, оцениваются как нарушение требований обоснованности судебного решения³⁵⁴.

Вместе с тем, согласно разъяснениям ЕСПЧ при избрании меры пресечения суд не вправе делать преждевременных заявлений о виновности обвиняемого, а также допускать высказывания и совершать действия, дающие основания полагать, что суд уже имеет определенное мнение по вопросу о виновности лица. ЕСПЧ отмечает, что судебное решение не может содержать выводы или формулировки, которые дают основания полагать, что суд считает виновным лицо, которое не было признано виновным в порядке, установленном законом. В таких случаях встает вопрос о нарушении права на справедливое судебное разбирательство. Так, ЕСПЧ признал нарушением презумпции невиновности ситуацию, когда в постановлении об избрании меры пресечения была допущена формулировка «совершил уголовные преступления», которые являются предметом этого судебного преследования (вместо указания на то, что «имеется разумное подозрение» в совершении таких преступлений)³⁵⁵.

Верховный Суд РФ в своих решениях также отмечает, что судье во время рассмотрения ходатайства о заключении под стражу запрещается входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении³⁵⁶ и разъясняет: «Принцип презумпции невиновности, предусмотренный положениями части 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации, статьи 14 УПК РФ, пункта 2 статьи 6 Конвенции, является одним из аспектов справедливого судебного разбирательства по уголовному делу.

---

28 февраля 2002 г. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵⁴ См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵⁵ См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Матяшевич (Matijasevic) против Сербии» от 19 сентября 2006 г. Жалоба № 23037/04. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵⁶ См.: п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 25 марта 2004 г. № 1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» ; п. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога от 19 декабря 2013 г. № 41 : редакция от 24 мая 2016 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поэтому в судебном акте не должны использоваться формулировки, из содержания которых следовало бы, что то или иное лицо совершило преступление, тогда как в отношении указанного лица отсутствует вступивший в законную силу обвинительный приговор или постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию»³⁵⁷. Несмотря на это, на практике в отдельных постановлениях встречаются подобные формулировки, в частности: «органами предварительного следствия установлено, что лицо *совершило преступление*»; «жестокость, с которой подозреваемый или обвиняемый *совершил преступление*»; «судимости, при наличии которых он совершил новое преступление»³⁵⁸.

Заключение под стражу в соответствии с ч. 1 ст. 97 УПК РФ может быть избрано в отношении *обвиняемого* и «в исключительных случаях» закон допускает кратковременное (10 либо 45 суток, если лицо подозревается в одном из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 209, 210, 277, 278, 279, 281, 360 и 361 УК РФ), при этом законодатель не дает определения «исключительного случая». Это не соответствует положению Конвенции о защите прав человека и основных свобод о незамедлительном сообщении каждому арестованному «на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение». Несмотря на требование об «исключительности случаев» заключения под стражу подозреваемого, в правоприменительной практике оно применяется часто³⁵⁹. Следует согласиться с мнением некоторых авторов о том, что такое частое применение самой строгой меры пресечения к лицам, в отношении которых у органов предварительного расследования отсутствуют достаточные доказательства, дающие основание предъявить им обвинение в совершении преступления, вряд ли можно признать обоснованным³⁶⁰. В Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств-участников СНГ содержится положение, согласно которому арест может применяться только в отношении обвиняемого (ч. 2 ст. 167).

Одной из проблем правоприменительной практики является не приведение необходимых оснований для применения рассматриваемой меры пресечения в ходатайствах, возбуждаемых органами расследования, а также не приведение судами в соответствующих решениях анализа доказа-

---

³⁵⁷ См.: п. 15 постановления пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵⁸ См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵⁹ См.: Цоколова О. И. Заключение под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении и преступлений. Москва, 2002. С. 32.

³⁶⁰ См.: Буланова Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений : научно-методическое пособие / под ред. М.Е. Токаревой. Москва, 2005. С. 33.

тельств, относящихся к каждому отдельному основанию. ЕСПЧ в своих решениях напоминает, что «... риск бегства должен оцениваться с учетом ряда других значимых факторов, особенно относящихся к личности конкретного лица, его морали, места жительства, занятия, имущества, семейных связей и любых видов связей со страной, в которой он преследуется»³⁶¹.

Чаще всего в качестве аргумента в подтверждение того, что обвиняемый (подозреваемый) скрывается от органов расследования и суда приводится отсутствие у него постоянного места жительства и работы. Между тем, в постановлении ЕСПЧ от 30 июля 2009 года по делу «Сергей Медведев против РФ» была сформулирована следующая правовая позиция: «Для Европейского суда не обязательно прояснять ситуацию заявителя с местом проживания и работы. Даже если допустить, что заявитель не имел постоянного места проживания и был безработным, одно лишь отсутствие постоянного места жительства и работы не являются основанием для опасений, что заявитель скрывается или совершит повторное правонарушение»³⁶². Верховный Суд РФ также разъясняет, что отсутствие у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, постоянного места жительства на территории Российской Федерации при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, не может являться единственным основанием, достаточным для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу. Отсутствие у лица регистрации на территории Российской Федерации может являться лишь одним из доказательств отсутствия у него постоянного места жительства, но само по себе не является предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ обстоятельством, дающим основание для избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Отсутствие у подозреваемого или обвиняемого документов, удостоверяющих его личность, само по себе не свидетельствует о наличии обстоятельства, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 108 УПК РФ³⁶³.

В соответствии с международно-правовыми стандартами при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должно учитываться мнение потерпевшего. Участие потерпевшего в судебной процедуре является необходимым условием обеспечения баланса интересов и обеспечения права лица на судебную защиту своих интересов. В Декларации основных

---

³⁶¹ Постановление ЕСПЧ от 24 января 2012 по делу «Самойлов против РФ» // Бюллетень Европейского Суда по Правам Человека. 2012. № 11. С. 75 ; постановление ЕСПЧ от 24 июля 2012 г. по делу «Гришин против РФ» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 8. С. 105.

³⁶² Постановление Европейского Суда по Правам Человека от 24 июля 2012 г. по делу «Гришин против РФ» // Бюллетень Европейского Суда по Правам Человека. 2013. № 8.

³⁶³ П. 4 постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» : редакция от 24 мая 2016 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью закрепляется обязанность государств содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв преступлений путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия. В Рекомендации № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» отмечается, что важно повысить доверие потерпевшего к уголовному правосудию и поощрять его сотрудничество с органами уголовной юстиции во всех стадиях уголовного процесса. Последние обязаны в наибольшей степени учитывать запросы потерпевшего от преступления³⁶⁴. Позиция ЕСПЧ относительно участия потерпевшего в судебной процедуре основывается на том, что «...принцип равноправия и состязательности сторон... требует «справедливого баланса между сторонами», причем каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность представить свою позицию по делу в условиях, которые не ставят его в существенно менее выгодное положение по сравнению со своим оппонентом...»³⁶⁵. Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ, участие в уголовном преследовании является для потерпевшего средством защиты его собственных прав и интересов³⁶⁶.

В соответствии с частью 6 статьи 108 УПК РФ явившимся в судебное заседание потерпевшему, его представителю или законному представителю суд должен разъяснить их права и обязанности и заслушать их мнение по рассматриваемому вопросу. Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 (редакция от 24 мая 2016 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»³⁶⁷ установленный

³⁶⁴ О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса: рекомендация № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы : принята 28 июня 1985 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. Москва, 1998. С. 114–116.

³⁶⁵ Постановление ЕСПЧ по делу «Бацанина против России» от 26 мая 2009 г. Европейский Суд. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁶⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. № 446-О по жалобам граждан Л. Д. Вальдмана, С. М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁶⁷ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 : редакция от 24 мая 2016 г. // Российская газета. 2013. 27 декабря.

частью 4 статьи 108 УПК РФ порядок рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не исключает участие в судебном заседании потерпевшего, его представителя, законного представителя, которые вправе довести до сведения суда свою позицию относительно избрания, продления, изменения, отмены меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также обжаловать судебное решение. В соответствии с п. 5 Постановления в судебном заседании подлежит выяснению то, что обвиняемый (подозреваемый) действительно представляет опасность для потерпевшего: об этом могут свидетельствовать наличие угроз потерпевшему со стороны обвиняемого (подозреваемого), его родственников, предложение потерпевшему выгод материального или нематериального характера с целью фальсификации доказательств по делу и пр. Обязанность извещать участников процесса, в том числе потерпевшего согласно ст. 237 УПК возложена на суд. Согласно ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ потерпевший, его представитель, законный представитель вправе обжаловать судебное решение о мере пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого независимо от того, принимали ли указанные лица участие в судебном заседании.

В правоприменительной практике в целом обеспечивается право потерпевшего на участие в судебном заседании при решении вопроса о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу и возможность донести до суда свою позицию. Как правило, потерпевшие заявляют о наличии угроз со стороны обвиняемого (подозреваемого) и их мнение учитывается. Однако, приводя в качестве основания наличие угроз потерпевшему, в решениях не всегда указывается, в чём именно выразились эти угрозы.

Одной из серьезных проблем правоприменительной практики является нарушения разумных сроков применения заключения под стражу.

Согласно правовым позициям ЕСПЧ «вопрос о том, является ли период содержания под стражей разумным, не может быть рассмотрен абстрактно. Обоснованность содержания обвиняемого под стражей должна быть оценена в каждом конкретном деле на основании его особенностей³⁶⁸. Определяя в каждом конкретном случае наличие нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции или п. 3 ст. 14 Пакта, ЕСПЧ рассматривает конкретные обстоятельства каждого дела. ЕСПЧ исходит из того, что обязательства по международным договорам принимают на себя государства и только задержки, происшедшие по вине государства, могут обосновывать вывод о несоблюдении требований относительно «разумного срока».

ЕСПЧ при оценке разумности срока учитывались четыре основных фактора: 1) сложность дела, 2) поведение заявителей, 3) наличие исключительных обстоятельств, 4) поведение властей.

При определении сложности дела во внимание принимались:

---

³⁶⁸ Решение ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. по делу Смирновых против Российской Федерации. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

– наличие публичного (общественного) интереса, который с учетом презумпции невиновности, оправдывал бы исключения из общей нормы уважения свободы личности, учитывался в решениях, принимаемых по просьбам об освобождении: «Непрерывное содержание под стражей может быть оправдано, только если в деле есть конкретные указания на то, что требование защиты публичного интереса, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает требование уважения личной свободы»;

– наличие серьезных оснований подозревать арестованного в совершении правонарушения³⁶⁹;

– число расследовавшихся эпизодов, количество обвиняемых, потерпевших и свидетелей и некоторые другие обстоятельства.

К факторам, влияющим на сроки производства по делу, ЕСПЧ относит поведение самих заявителей (заинтересованных лиц, сторон), в частности:

– опасность сокрытия обвиняемого. Если содержание под стражей продолжается только из-за опасения, что обвиняемый скроется от правосудия, его, тем не менее, следует освободить из-под стражи, если он предоставляет соответствующие гарантии, что не скроется от суда, например, внесет залог³⁷⁰;

– возможность давления обвиняемого на свидетелей³⁷¹;

– действия по «затягиванию» процесса: подача многочисленных жалоб, заявлений, апелляций; просьбы о продлении сроков подачи письменных возражений, систематическое заявление отводов судьям. При этом ЕСПЧ отмечает, что ст. 6 не требует от заявителей активного сотрудничества с судебными властями. «Нельзя также упрекать их в том, что они полностью использовали средства защиты, предоставляемые внутренним законодательством. Тем не менее их поведение представляет собой объективный факт, который не может быть отнесен на счет государства-ответчика, и это следует принимать во внимание, определяя, превышало ли судебное разбирательство разумный срок в смысле п. 1 ст. 6 Конвенции»³⁷²;

– совершение обвиняемым новых правонарушений и другие.

Следующим фактором, обосновывающим длительность сроков производства по делу, могут быть, по мнению ЕСПЧ, какие-либо исключительные обстоятельства. Они индивидуальны для каждого случая. Напри-

---

³⁶⁹ Решение по делу Тота от 12 декабря 1991 г. Серия А. Т. 224. С. 20–21. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Решение по делу Томази (Tomasi) против Франции от 27 августа 1992 г. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461435.htm (дата обращения: 09.09.2019); Решение по делу W. против Швейцарии от 26 января 1993 г. URL: http://www.garant.nl/euro/DOC_2461449.htm (дата обращения: 10.09.2019).

³⁷⁰ Решение по делу Лете лье (Letellier) против Франции от 26 июня 1991 г. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461412.htm (дата обращения: 10.09.2019).

³⁷¹ Решение по делу Экле (Eckle) против ФРГ от 15 июля 1982 г. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461443.htm (дата обращения: 10.09.2019).

³⁷² Решение по делу Томази (Tomasi) против Франции от 27 августа 1992 г. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461435.htm (дата обращения: 10.09.2019).

мер, по делу Томази ЕСПЧ указал, что срок предварительного заключения оправдан опасностью того, что освобождение заключенного действительно способно нарушить публичный порядок и этот порядок находится под реальной угрозой³⁷³.

Вместе с тем не могут признаваться исключительными обстоятельствами, оправдывающими предварительное заключение: отсутствие опыта и средств у органов власти для борьбы с определенным родом правонарушений; нехватка бюджетных ассигнований; недостатки внутреннего законодательства.

Сложность дела, действия сторон и исключительные обстоятельства, с которыми в ряде случаев сталкиваются суды, принимаются ЕСПЧ во внимание только при условии, что государство приняло необходимые и эффективные меры для исправления положения дел. Поэтому решающим фактором при оценке разумности срока производства является поведение судебных властей в данном деле. ЕСПЧ следующим образом обосновывает свою позицию: наличие веских оснований подозревать арестованного в совершении преступления является необходимым условием правомерности содержания под стражей, но через некоторое время этого уже недостаточно; тогда суд должен установить, оправдывают ли остальные мотивы (поведение заявителей, исключительные обстоятельства) судебных органов лишение свободы. Если эти мотивы оказываются «соответствующими» и «достаточными», то суд учитывает, кроме того, проявили ли национальные компетентные органы «должную тщательность», «особую старательность» в ходе процедуры³⁷⁴.

Таким образом, применение меры пресечения в виде заключения под стражу как самой строгой мерой уголовно-процессуального принуждения должно носить исключительный характер.

Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу должно допускаться только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, а также после проверки оснований, подвергающих высокую степень того, что обвиняемый может скрыться, совершить новое преступление, угрожать участникам процесса, препятствовать производству по делу.

При применении заключения под стражу должны соблюдаться требования «разумного срока».

---

³⁷³ Решение по делу Томази (Tomasi) против Франции от 27 августа 1992 г. URL: http://www.garant.ni/euro/DOC_2461435.htm (дата обращения: 10.09.2019).

³⁷⁴ См.: Решение по делу Мацнеттера от 10 ноября 1969 г. Серия А. Т. 10. С. 34. П. 12, решение по делу Б. против Австрии от 28 марта 1990 г. Серия А. Т. 175. С. 16. П. 42 (дата обращения: 10.09.2019) ; Решение по делу Летелье (Letellier) против Франции от 26 июня 1991 г. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461412.htm (дата обращения: 10.09.2019).

3.3. Реализации в российском уголовном судопроизводстве принципа права на свободу и личную неприкосновенность при задержании и заключении под стражу несовершеннолетнего

В XX веке международным сообществом признается необходимость принципиально иного, чем к взрослым, отношения к детям, приоритет положения и интересов детей, их значимость для благополучия и выживания всего человечества. В международно-правовых актах в области прав человека говорится о том, что дети достойны лучших условий существования, заботы и всесторонней защиты со стороны любого государства. Идея бережного отношения к детям, особой защиты, заботы и специальной охраны ввиду их физической и умственной незрелости получила развитие в специальных документах, посвященных правам и интересам детей – Декларации прав ребенка, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1959 г.³⁷⁵, Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. (именуемой «Мировой конституцией прав ребенка»)³⁷⁶, Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 г.³⁷⁷ и других международно-правовых актах. В Декларации прав ребенка, где впервые был использован термин «интересы ребенка», утверждается необходимость их наилучшего обеспечения. В Принципе 2 Декларации говорится: «Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем в условиях свободы и достоинства. При издании с этой целью законов главным соображением должно стать наилучшее обеспечение прав ребенка».

Конвенция о правах ребенка в п. 1 ст. 3 провозглашает: «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению прав ребенка».

В международно-правовых актах, устанавливающих стандарты отправления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних, нашла воплощение идея бережного и снисходительного по отношению к неразвитой в социальном и правовом отношении личности несовершеннолетнего правонарушителя, его особой защиты, заботы, правовой и социальной

³⁷⁵ Декларация прав ребенка : провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. Москва, 1990. С. 385–388.

³⁷⁶ Конвенция ООН о правах ребенка : Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

³⁷⁷ Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990 г.) // Социальные аспекты прав человека в документах мирового сообщества. Москва, 1996 г.

поддержки, содействия, направленного на его реинтеграцию в общество. Так, Минимальные стандартные правила отправления правосудия в отношении несовершеннолетних – «Пекинские правила»³⁷⁸ – в качестве главной цели определяют создание дружественного по отношению к несовершеннолетнему правосудия, содействующего его благополучию.

В связи с эмоциональной, духовной и интеллектуальной незрелостью несовершеннолетних, обуславливающей неспособность самостоятельно и в полной мере защищать свои права и законные интересы, относительно сферы уголовного правосудия международно-правовыми стандартами предусмотрены гарантии, обеспечивающие режим повышенной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. В юридической литературе по поводу установления режима повышенной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних отмечается, что в международном праве эта идея является основной, выступающей в качестве принципа отправления правосудия в отношении несовершеннолетних³⁷⁹.

Россия, ратифицировав ряд документов в области охраны прав и свобод несовершеннолетних и признав их юридическую силу, взяла обязательство привести свое национальное законодательство в соответствие с нормами, закрепленными в этих документах. В связи с этим возникает вопрос о соответствии международным стандартам норм, а также правоприменительной практики по применению к несовершеннолетним мер принуждения, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность, в российском уголовном судопроизводстве.

Согласно Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, приняты 29 ноября 1985 г.), содержание под стражей несовершеннолетних до суда должно применяться лишь в качестве "крайней меры и в течение кратчайшего периода времени" (п. 13.1); предлагается во всех возможных случаях заменять содержание под стражей другими альтернативными мерами (п. 13.2). При сравнении этих Правил с общими (относящимися к взрослым) правилами ограничения свободы и личной неприкосновенности (ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.) по отношению к несовершеннолетним очевиден особый, более гуманный подход. Так, в соответствии с общими правилами «содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом», тогда как в отношении несовершеннолетних лишение свободы допускается, во-первых, «в качестве крайней меры» и, во-вторых, оно возможно «в течение кратчайшего периода времени».

---

³⁷⁸ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. 1991. № 12–14.

³⁷⁹ См.: Дикарев И. С. Принцип повышенной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 37–39.

Особый подход к порядку производства по делам несовершеннолетних, в том числе к регулированию мер принуждения, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность, известен отечественному уголовно-процессуальному законодательству. Он обнаруживается в УПК РСФСР 1960 г. в гл. 32, закрепляющей особенности уголовного процесса по делам несовершеннолетних. Эти особенности заключались в том, что задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего могли применяться в исключительных случаях и при этом должна была учитываться тяжесть совершенного несовершеннолетним преступления (ст. 393 УПК РФ). Однако определения исключительности случая в законе не давалось. В юридической науке и судебно-следственной практике под этим термином стала пониматься совокупность обстоятельств, относящихся к тяжести содеянного и личности несовершеннолетнего. В одном из комментариев к УПК РСФСР 1960 г. применение заключения под стражу в соответствии с данным положением предлагалось рассматривать как возможное тогда, «когда по совокупности обстоятельств, характеризующих содеянное, условия жизни и воспитания, среду, особенности личности несовершеннолетнего, его отношение к содеянному и последующее поведение, арест представляет единственно возможную в данных условиях меру»³⁸⁰.

Несмотря на оценочный характер термина «исключительный случай», его введение в норму, регламентирующую задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего, безусловно, ориентировало правоприменительную практику на особый подход в их применении и являлось шагом вперед на пути обеспечения повышенной юридической охраны этого участника процесса.

Стремление обеспечить более высокий по сравнению с взрослыми уровень охраны интересов несовершеннолетнего было продемонстрировано законодателем и при разработке действующего УПК РФ, в частности в отношении заключения под стражу, реализовать идею во всех возможных случаях заменять содержание под стражей другими, альтернативными мерами, направленными на воспитание несовершеннолетних и не связанными с изъятием из семей. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 423 УПК РФ при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность применения такой меры, как отдача его под присмотр.

Тем не менее, многие общепризнанные принципы и нормы международного права в отношении производства по делам о преступлениях несовершеннолетних не нашли отражения в УПК РФ, за что Кодекс подвергся справедливой критике со стороны известного ученого С. П. Щербы и других процессуалистов³⁸¹.

³⁸⁰ Комментарий к УПК РСФСР. Москва, 1995. С. 506.

³⁸¹ См.: Щерба С. П. Реализация в УПК РФ международных стандартных правил отправления правосудия по делам несовершеннолетних // Права человека в России и правозащитная деятельность государства (к 40-летию НИИ Генеральной прокуратуры Российской Федерации). Санкт-Петербург, 2003. С. 125–129 ; Тетюев С. В. О формах пред-

Особую обеспокоенность вызывает то, что в УПК РФ не получил развития международно-правовой принцип применения к несовершеннолетнему лишения свободы в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени. Законодатель отказался от включения в уголовно-процессуальный закон требования прежнего Кодекса об исключительности применения к несовершеннолетнему задержания и заключения под стражу. В соответствии с ч. 1 ст. 423 УПК РФ данные меры принуждения в отношении несовершеннолетнего производятся в порядке, предусмотренном ст. 91, 97, 99, 100 и 108 Кодекса, т. е. по общим с взрослым обвиняемым (подозреваемым) правилам. Исключительность предусмотрена лишь относительно заключения под стражу несовершеннолетнего, когда он подозревается или обвиняется в совершении преступления средней тяжести (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). Вероятно, по мысли законодателя, определение круга преступлений (тяжких и особо тяжких) и установление положения об исключительности случая относительно обвинения (подозрения) в совершении преступления средней тяжести позволят оградить несовершеннолетних от широкого применения к ним заключения под стражу. В таком подходе есть своя логика: как свидетельствует статистика, несовершеннолетние в подавляющем большинстве случаев привлекаются к уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести и редко – за совершение тяжких и особо тяжких. Тем не менее проблема применения к несовершеннолетнему лишения свободы в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени осталась нерешенной. Нет полной ясности по установлению исключительности заключения под стражу несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. Данное предписание содержится в ст. 108 УПК РФ, регулирующей общий порядок применения заключения под стражу и уже содержащей выражение «исключительные случаи». Причем, если относительно заключения под стражу в общем порядке перечислены обстоятельства, обуславливающие исключительность случая, то в отношении заключения под стражу несовершеннолетнего они не названы. Оценочный характер категория «исключительный случай» приводит к различному его толкованию в юридической науке³⁸² и правоприменительной практике. Такая регламентация заключения под стражу несовершеннолетнего не согласуется с озвученным в решениях Европейского суда по правам человека

варительного расследования преступлений несовершеннолетних в свете норм УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства, предмете доказывания и сроках дознания // Следователь. 2006. № 4. С. 10–12 и др.

³⁸² Ережипалиев Д. И. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при избрании и применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 65–70 ; Макаренко И. А. О применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2007. № 2. С. 86 ; Тетюев С. Заключение под стражу несовершеннолетнего // Уголовное право. 2012. № 1. С. 100–104 ; Трунов И. Л., Трунова Л. К. Меры пресечения в уголовном процессе. Санкт-Петербург, 2003. С. 238.

требованием законности к процедуре лишения свободы.

Обращает на себя внимание и то, что по общим правилам применение заключения под стражу допускается к субъекту, находящемуся в статусе подозреваемого. Подозрение с формально-юридической стороны означает, что еще недостаточно доказательств для вынесения постановления о привлечении определенного лица в качестве обвиняемого, то есть недостаточно доказательств, позволяющих утверждать, какое именно деяние, предусмотренное уголовным законом (тяжкое, особо тяжкое и т. д.), совершено и что данное деяние совершено именно этим лицом. Международно-правовому стандарту процедуры заключения под стражу соответствует незамедлительное выдвижение обвинения, основанное на совокупности доказательств, подтверждающих причастность лица в совершении конкретного преступления (пп. «а» п. 3 ст. 6 Римской конвенции). Как представляется, возможность заключения под стражу несовершеннолетнего, имеющего статус подозреваемого, не соответствует принципу обеспечения повышенной юридической охраны этого участника процесса³⁸³.

Если обратиться к правилам задержания несовершеннолетнего, то в отношении условий, оснований и процедуры они вообще не содержат каких-либо особенностей по сравнению с правилами задержания взрослого. Такая регламентация вызывает недоумение, учитывая, что задержание производится без судебного решения, в неотложной ситуации³⁸⁴, осуществляется в отношении лица, которое лишь подозревается в совершении преступления. И еще одно обстоятельство, на котором нельзя не остановиться: в соответствии с общими правилами задержание может применяться при подозрении лица в совершении любого преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 91 УПК РФ), а в уголовном законе, как известно, таких преступлений большинство. Следует заметить, что своего рода гарантией от неоправданно широкого применения задержания несовершеннолетних является сложившийся в правоприменительной практике подход, в соответствии с которым задержание оценивается как правомерное, если в последующем применялась мера пресечения в виде заключения под стражу, и, соответственно, неправомерное, если она не применялась. Такой подход находит объяснение в процессуальной науке. Так, ряд авторов считают, что задержание занимает подчиненное место к заключению под стражу и выступает в качестве его начального этапа³⁸⁵. Между тем точка зрения на задержание как первоначальный этап заключения под стражу имеет свою негативную сторону, заключающуюся в том, что при применении задержания в последующем всегда должен ставиться вопрос о заключении лица под стражу. То есть обусловленность задержа-

---

³⁸³ Лавдаренко Л. И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего // Российский следователь. 2015. № 6. С. 23–27.

³⁸⁴ Здесь мы не касаемся второго вида задержания – действия, применяемого для обеспечения явки в суд скрывшегося подозреваемого, обвиняемого при рассмотрении вопроса о заключении его под стражу

³⁸⁵ См.: Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. Москва, 1999. С. 74.

ния последующим заключением под стражу, с одной стороны, выступает сдерживающим фактором широкого применения задержания, но, с другой стороны, таит опасность принятия необоснованного решения о заключении под стражу в связи с необходимостью подтверждения правомерности состоявшегося задержания.

Таким образом, в УПК РФ не только не получила развития идея о применении к несовершеннолетнему лишения свободы в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени, но и сделан шаг назад от достигнутого в отечественном процессуальном законодательстве по пути реализации данной идеи. Это напрямую отразилось на правоприменительной практике: по данным Уполномоченного по правам человека, число арестованных несовершеннолетних в первые два года действия УПК РФ возросло более чем в два раза³⁸⁶.

До настоящего времени заключение под стражу к несовершеннолетним продолжает оставаться широко применяемой мерой пресечения. Такая ситуация с применением самой жесткой меры пресечения к несовершеннолетним не может не вызывать тревогу в обществе, среди представителей власти. По рассматриваемой проблеме Верховный Суд РФ в своих решениях высказал позицию³⁸⁷, в соответствии с которой заключение под стражу может применяться к несовершеннолетнему лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени; заключение под стражу несовершеннолетнего, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, может быть избрано в исключительных случаях как единственно возможное в конкретных условиях с учетом обстоятельств совершенного преступления и данных о личности.

В правовой литературе высказаны предложения по определению исключительности случая применительно к заключению под стражу несовершеннолетнего, когда он обвиняется (подозревается) в совершении преступления средней тяжести. Как представляется, этого недостаточно для решения проблемы соответствия международным стандартным правилам ограничения свободы и личной неприкосновенности несовершеннолетних. Возвращение в уголовно-процессуальный закон положения об исключительности задержания и заключения под стражу несовершеннолетнего также не разрешит данную проблему. Как показала судебная практика, и ранее, и в настоящее время в связи с отсутствием определения исключительности случая допускается различное, в том числе и широкое толкование перечня исключительных случаев, при наличии которых несо-

---

³⁸⁶ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году // Российская газета. 2004. 29 авг.

³⁸⁷ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Российская газета. 2011. 11 февраля ; О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Российская газета. 2013. № 294. 27 дек.

вершеннолетних заключают под стражу. Если обратиться к русскому языку, то в этимологическом аспекте термин «исключительный» означает, с одной стороны, «исключенный, изъятый из общего ряда», а с другой стороны - «превосходный». Представляется, что использование в юридических текстах слова с широким, отчасти эмоциональным и где-то противоречивым значением требует особого внимания. Надо заметить, что принуждение, применяемое к лицам, причастным к совершенным преступлениям - событиям, находящимся за пределами общественной нормы, по сути, является «ненормой», так же, например, как деятельность врача по лечению. В этом ряду «ненормы» меры принуждения, ограничивающие свободу и личную неприкосновенность, выделяются особо. В процессуальной теории при характеристике заключения под стражу, независимо от того, к кому она применяется – к взрослому или несовершеннолетнему, эта мера пресечения именуется исключительной или крайней мерой³⁸⁸. Вместе с тем не предлагается включить в текст закона соответствующее определение данной меры пресечения. Если допустить нормативное определение заключения под стражу как исключительной меры пресечения к взрослому, то в отношении несовершеннолетнего логичен был бы вообще запрет на её применение.

Очевидно, что в перспективе именно в этом направлении – путем замены мер принуждения, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность, на более гуманные – должно развиваться законодательство. В настоящее же время вариантом решения рассматриваемой проблемы мог бы стать следующий: нормой, регламентирующей задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего, предусмотреть, что применение этих мер принуждения допускается лишь в случае подозрения или обвинения его в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, когда по совокупности обстоятельств, характеризующих содеянное, особенности личности несовершеннолетнего, его отношение к содеянному и последующее поведение, задержание или заключение под стражу представляется единственно возможной в данных условиях мерой. Кроме того, необходимо исключить применение заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего, находящегося в статусе подозреваемого.

Таким образом, задержание и заключение под стражу к несовершеннолетним должно применяться с учетом международно-правовых стандартов, предусматривающих установление гарантий повышенной защиты их прав и законных интересов. Данные меры уголовно-процессуального принуждения должны носить исключительный характер, заключение под стражу применяться в течение кратчайшего периода времени.

---

³⁸⁸ См.: Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография. Москва, 2007. С. 280 ; Токарева М. Е. Обеспечение законности привлечения к уголовной ответственности и содержания обвиняемых под стражей средствами прокурорского надзора // Судебная власть, прокурорский надзор и проблемы уголовного судопроизводства : сборник науч. трудов. Москва, 2001. С. 23 ; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник для вузов / под общей ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург, 2008. С. 239.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Права человека – феномен мировой культуры, фундаментальная, общепризнанная ценность мировой цивилизации – одна из составляющих в системе высших, неизменных социально-духовных ценностей человечества. Ценность феномена прав человека обусловлена утверждением в общественном сознании идей достоинства, равенства и свободы личности. Права человека выражают жизненно важные потребности и интересы, без обеспечения которых человек не может существовать и сформироваться как уникальная личность.

Под общепризнанными принципами и нормами международного права следует понимать принципы и нормы международного права, т. е. обычные и императивные нормы, действующие во всех без исключения сферах международно-правового регулирования и признанные абсолютным большинством современных демократических государств.

Общепризнанные принципы и нормы международного права, «будучи универсальными основополагающими императивными нормами (*jus cogens*), в иерархической системе международно-правовых норм занимают высшую ступень. Порождаемые ими правоотношения являются всеобщими (*erga omnes*). Общепризнанные нормы, выраженные в форме международного договора, являются обязательными для нашей страны с момента ратификации договора, содержащего данные нормы, или дачи согласия на их юридическую обязательность одним из других установленных конвенцией способов.

Для правовой системы России принцип всеобщего уважения прав человека имеет особое значение. Права человека обладают универсальной юридической силой, и поэтому по вопросам прав человека утверждается идея универсальной юрисдикции». Это означает, в частности, что отношения в сфере прав человека представляют собой комплексный (совмещенный) предмет регулирования, что все права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ и иных нормативно-правовых актах, должны толковаться в соответствии с этим принципом.

Одним из свойств (признаков) основных прав и свобод человека и гражданина является специально определяемый в Конституции РФ особый порядок их ограничения. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в соответствии с принципами соразмерности ограничений их целям, пропорциональности, необходимости, целесообразности.

Принципы и нормы международного права в области прав человекам – определенные эталонные, единые требования к пониманию государствами основных индивидуальных и коллективных прав и свобод личности, их перечню, формулированию, содержанию и принципам реализации – международно-правовые стандарты в области прав человека. Они обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание прав и свобод личности, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на отечественную правовую

систему.

Право на свободу и личную неприкосновенность является одним из неотъемлемых, основополагающих прав человека. Оно воплощает наиболее значимое социальное благо, которое исходя из признания государством достоинства личности предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека.

Ограничение свободы в контексте ст. 5 Европейской Конвенции – лишение свободы в виде задержания, заключения под стражу, домашнего ареста, помещения в медицинский (психиатрический) стационар, которое заключается в ограничении внешней (физической) свободы лица, при котором оно принудительно выдворяется из привычной среды, изолируется от общества, помещается в замкнутое, ограниченное пространство с замкнутой системой общения и принудительно содержится в этом пространстве. Происходит не только ограничение свободы и личной неприкосновенности, но и связанное с этим резкое изменение образа жизни.

Задержание есть мера уголовно-процессуального принуждения, которая представляет собой кратковременное – до 48 час. лишение свободы без судебного решения. Срок задержания должен исчисляться с момента фактического лишения свободы. Задержание должно осуществляться в соответствии с требованием надлежащей процедуры, быть обоснованным.

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу как самой строгой мерой уголовно-процессуального принуждения должно носить исключительный характер.

Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, а также после проверки оснований, подвергающих высокую степень того, что обвиняемый может скрыться, совершить новое преступление, угрожать участникам процесса, препятствовать производству по делу.

При применении заключения под стражу должны соблюдаться требования «разумного срока».

Задержание и заключение под стражу к несовершеннолетнему должно применяться с учетом международно-правовых стандартов, предусматривающих установление гарантий повышенной защиты их прав и законных интересов. Данные меры уголовно-процессуального принуждения должны носить исключительный характер, заключение под стражу применяться в течение кратчайшего периода времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные акты

1. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // Российская газета. – 1995. – № 67.
2. Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений : принята резолюцией 47/133 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года // Международные акты о правах человека : сборник документов. – Москва : НОРМА-ИНФРА, 1999. – 784 с.
3. Декларация ООН о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы : принята 9 декабря 1998 года резолюцией 53/144 на 85-м пленарном заседании 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/defender.shtml (дата обращения: 10.09.2019 г.). – Текст : электронный.
4. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 года – URL: www.osce.org/ru/odihr/elections/14304 (дата обращения 10.09.19 г.). – Текст : электронный.
5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // Действующее международное право. В 3 т. Т. 2. – Москва, 1999. – С. 731–792.
6. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года // Действующее международное право. В 3 т. Т. 2. – Москва, 1999. – С. 634–681.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в года Риме 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
8. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека : заключена в Минске 26 мая 1995 года // Российская газета. – 1995. – № 120.
9. Конвенция о правах инвалидов : принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 13 декабря 2006 года Резолюцией № 61/106) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 6. – Ст. 468.
10. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом Организации Объединенных Наций : принята 24 октября 1970 года Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
11. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16 декабря 1966 года резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном за-

седании Генеральной Ассамблеей ООН // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеей ООН // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

13. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / составитель Ю. Н. Жданов и др. – Москва : Спарк, 1998. – 388 с.

14. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме : утвержден Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года // Советская юстиция. – 1992 – № 6.

15. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ : редакция от 12 марта 2014 года. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

16. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

17. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ : редакция от 13 июля 2015 года – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

18. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ : редакция от 28 декабря 2016 года – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

19. По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Шелухина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1999 года № 14-П. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

20. По делу о проверке конституционности положений статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июля 2000 года № 11-П. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

21. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бутмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 года № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 44. – Ст. 4358.

22. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 1.

23. По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06 декабря 2011 года № 27-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 51. – Ст. 7552.

Специальная литература

24. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом / под редакцией Н. А. Колоколова. – Москва : ЮнитиДана : Закон и право, 2012. – 543 с.

25. Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / А. И. Александров ; научный редактор В. З. Лукашевич. – Санкт-Петербург : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – 562 с.

26. Алексеев, С. С. Проблемы теории права. В 2 т. Т. 1. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 396 с.

27. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – Москва : БЕК, 1981. – Т. 1. – 320 с.

28. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1982. – Т. 2. – 359 с.

29. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1989. – 288 с.

30. Алексеев, С. С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 712 с.

31. Алекси, Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси. – Москва : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

32. Афанасьев, С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве : монография / С. Ф. Афанасьев ; под редакцией М. А. Вкут. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 296 с.

33. Бабаев, В. К. Презумпции в российском праве и юридической практике / В. К. Бабаев // Проблемы юридической техники / под редакцией В. М. Баранова. – Нижний Новгород : Типограф, 2000. – С. 328–329.

34. Бережнов, А. Г. Права личности. Некоторые вопросы теории / А. Г. Бережнов. – Москва : Издательство МГУ, 1991. – 142 с.

35. Берман, Г. Западная традиция права: эпоха формирования : перевод с английского / Г. Берман. – Москва : Издательство МГУ, 1994. – 592 с.
36. Бессарабов, В. Г. Европейские стандарты обеспечения прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном процессе / В. Г. Бессарабов, Е. В. Быкова, Л. А. Курочкина. – Москва : Юрлитинформ, 2005. – 232 с.
37. Бондарь, Н. С. Гражданин и публичная власть: конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении : учебное пособие / Н. С. Бондарь. – Москва : Городец, 2004. – 352 с.
38. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – Москва : Норма, 2011. – 544 с.
39. Булатов, Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б. Б. Булатов. – Омск : Изд-во Омск. акад. МВД России, 2003. – 320 с.
40. Виппер, Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе / Р. Ю. Виппер. – Москва : Государственная публичная историческая библиотека России, 2007. – 277 с.
41. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. – Москва : Норма, 2008. – 448 с.
42. Власть, политика, государство, право : хрестоматия. Вып. 2 / автор-составитель Д. А. Ягофаров. – Екатеринбург : Издательство : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2003. – 116 с.
43. Воеводин, Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л. Д. Воеводин. – Москва : Издательство Московского университета, 1972. – 300 с.
44. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России : учебное пособие / Л. Д. Воеводин ; ответственный редактор Н. А. Богданова. – Москва : Издательство Московского университета : Норма : Инфра-М, 1997. – 304 с.
45. Гасанов, К. К. Основные права человека: вопросы неотчуждаемости : монография / К. К. Гасанов. – Москва : Закон и право : Юнити-дана, 2003. – 64 с.
46. Гессен, В. М. Возрождение естественного права / В. М. Гессен. – Санкт-Петербург, 1902. – 43 с.
47. Гирько, С. И. Правовой институт задержания подозреваемого: история, современное состояние, перспективы развития : монография / С. И. Гирько, Е. С. Березина. – Москва : ВНИИ МВД России, 2010. – 210 с.
48. Глазкова, М. Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе : монография / М. Е. Глазкова. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Анкил, 2012. – 200 с.

49. Глухарева, Л. И. Права человека. Гуманитарный курс : учебное пособие / Л. И. Глухарева. – Москва : Логос, 2002. – 176 с.
50. Глухарева, Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование) : монография / Л. И. Глухарева. – Москва : Юристъ, 2003. – 303 с.
51. Государственное право Германии : сокращенный перевод немецкого семитомного издания. Т. 2 / ответственный редактор Б. Н. Топорнин. – Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1994. – 320 с.
52. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / под редакцией Ф. М. Рудинский. – 2-е изд. – Москва : МИР, 2006. – 447 с.
53. Григорьев, В. Н. Задержание подозреваемого / В. Н. Григорьев. – Москва : Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1999. – 542 с.
54. Гришин, С. П. Принципы судебного следствия / С. П. Гришин. – Нижний Новгород : НПА, 2006. – 102 с.
55. Государственное право Германии / ответственный редактор Б. Н. Топорнин. – Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1994. – 320 с.
56. Григорьев, В. Н. Задержание подозреваемого / В. Н. Григорьев. – Москва : Юрлитинформ, 1999. – 541 с.
57. Гришин, С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 467 с.
58. Гулиев, В. Е. Социалистическая демократия и личные права / В. Е. Гулиев, Ф. М. Рудинский. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 192 с.
59. Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания / И. М. Гуткин. – Москва : Академия МВД СССР, 1980. – 89 с.
60. Дедов, Д. И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства / Д. И. Дедов. – Москва : Юристъ, 2002. – 187 с.
61. Добровольская, Т. Н. Принципы советского уголовного процесса / Т. Н. Добровольская. – Москва : Юридическая литература, 1971. – 200 с.
62. Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина / Г. Еллинек ; перевод с немецкого ; под редакцией Вормса. – Москва : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1905. – 101 с.
63. Жуйков, В. М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию / В. М. Жуйков. – Москва : Статут, 2006. – 283 с.
64. Зимненко, Б. Л. Нормы международного права в судебной практике Российской Федерации : пособие для судей / Б. Л. Зимненко. – Москва, 2003.
65. Зимненко, Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации / Б. Л. Зимненко. – Москва : РАП : Статут, 2006. – 454 с.
66. Зорькин, В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. – Москва : НОРМА, 2010. – 543 с.

67. Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России / В. Д. Зорькин. – Москва : Норма : Инфра-М., 2011. – 720 с.
68. Зорькин, В. Д. Право в условиях глобальных перемен / В. Д. Зорькин. – Москва : Норма, 2013. – 496 с.
69. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: научное издание / Р. Ф. Исмагилов и др. ; под общей редакцией В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Фонд «Университет», 2012. – 176 с. – (Наука и общество).
70. Ильин, Ю. Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире / Ю. Д. Ильин. – Москва : Норма, 2007. – 288 с.
71. Кант, И. Трактаты и статьи. В 4-х т. Т. 1. / Сочинения на немецком и русском языках / Иммануил Кант. – Москва : Изд. фирма АО «Ками», 1994.– 584 с.
72. Капинус, О. С. Убийства: мотивы и цели / О. С. Капинус. – Москва : ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. – 312 с.
73. Капинус, Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография / Н. И. Капинус. – Москва : Издательский дом «Буквовед», 2007. – 416 с.
74. Карташкин, В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве / В. А. Карташкин ; ответственный редактор Е. А. Лукашева. – Москва : Издательство ИГиП РАН, 1995. – 135 с.
75. Кассирер, Э. Философия Просвещения / Э. Кассирер. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2004. – 400 с.
76. Керимов, Д. А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории / Д. А. Керимов. – Москва : Мысль, 1979. – 244 с.
77. Коврига, З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1975. – 175 с.
78. Козлова, Е. И. Конституционное право России : учебник. – 5-е изд. / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – Москва : Юристъ. 2012. – 592 с.
79. Комаров, С. А. Личность. Права и свободы. Политическая система / С. А. Комаров, И. В. Ростовщиков – Санкт-Петербург : Издательство Юридического института, 2002. – 334 с.
80. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь и др. ; под редакцией В. Д. Зорькина. – 2-е изд., пересмотренное. – Москва : Норма : Инфра-М, 2011. – 1008 с.
81. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общей редакцией В. А. Туманова и Л. М. Энтина. – Москва : Норма, 2002. – 336 с.
82. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : (постатейный) / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под редакцией А. В. Смирнова. – Изд. 5-е, доп. и перераб. – Москва : Проспект, 2009. – 992 с.
83. Кондрат, И. Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и право-

применительная практика : монография / И. Н. Кондрат. – Москва : Юстицинформ, 2015. – 176 с.

84. Кондрат, И. Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений / И. Н. Кондрат. – Москва : Форум, 2015. – 208 с.

85. Конституция Российской Федерации : научно-практический комментарий / Т. Е. Абова и др. ; под редакцией Б. Н. Топорнина. – Москва : Юристъ, 1997. – 716 с.

86. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учебник для вузов / под редакцией О. И. Тиунова. – Москва : Норма, 2005. – 608 с.

87. Конституция Российской Федерации : проблемный комментарий / А. С. Автономов и др. ; ответственный редактор В. А. Четвернин. – Москва, 1997. – 702 с.

88. Коркунов, Н. М. Русское государственное право. Введение и общая часть. Т. 1 / Н. М. Коркунов. – 3-е изд., перераб. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – 573 с.

89. Кудин, Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф. М. Кудин. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1985. – 185 с.

90. Курс уголовного процесса / под редакцией Л. В. Головки. – Москва : Статут, 2016. – 1278 с.

91. Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека / ответственный редактор Е. А. Лукашева. – Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1994. – 177 с.

92. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации / под редакцией О. И. Тиунова. – Москва : Норма, 2005. – 608 с.

93. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под редакцией В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. – Москва : Эксмо, 2009. – 1056 с.

94. Котляр, И. И. Права человека : учебное пособие / И. И. Котляр. – Минск : Тесей, 2002. – 256 с.

95. Крусс, В. И. Теория конституционного правопользования / В. И. Крусс. – Москва : Норма, 2007. – 752 с.

96. Лазарев, Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев. – Москва : Городец : Формула права, 2003. – 528 с.

97. Линников, А. С. Международно-правовые стандарты регулирования банковской деятельности / А. С. Линников, Л. К. Карпов. – Москва : Статут, 2014. – 173 с.

98. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / М. Н. Марченко. – Москва : Велби : Проспект, 2004. – 752 с.

99. Мюллерсон, Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р. А. Мюллерсон. – Москва : Юридическая литература, 1991. – 160 с.

100. Лебедев, В. А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России: концепции, ограничения, механизм охраны и защиты : монография / В. А. Лебедев. – Москва : Проспект, 2016. – 208 с.

101. Локк Дж. Избранные произведения. Т. 1. Опыт о человеческом разуме / Дж. Локк ; примечания И. С. Нарского и А. Л. Субботина ; под редакцией И. С. Нарского. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 734 с.

102. Лукашева, Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / Е. А. Лукашева. – Москва : Норма, 2011. – 384 с.

103. Лукашук, И. И. Нормы международного права в правовой системе России : учебно-практическое пособие / И. И. Лукашук. – Москва : Спарк, 1997. – 90 с.

104. Лукашук, И. И. Глобализация, государство, право. XXI век / И. И. Лукашук. – Москва : Спарк, 2000. – 279 с.

105. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть : учебник для студентов юридических факультетов и вузов / И. И. Лукашук. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.

106. Лукашук, И. И. Международное право. Особенная часть / И. И. Лукашук. – Москва : БЕК, 2000. – 410 с.

107. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2003. – 250 с.

108. Мальцев, Г. В. Понимание права / Г. В. Мальцев. – Москва : Прометей, 1999. – 419 с.

109. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории права : монография / Н. И. Матузов. – Саратов : Издательство Саратовского гос. акад. права, 2003. – 512 с.

110. Международное право и национальное законодательство. – Москва : Эксмо, 2009. – 704 с.

111. Международное право : учебник для вузов / под редакцией Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова. – Москва : НОРМА : ИНФРА, 1999. – 584 с.

112. Мичурина, О. В. Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / О. В. Мичурина, С. Н. Перетокин. – Смоленск : Маджента, 2010. – 148 с.

113. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев. – Москва : Изд-во : МНЭПУ, 1998. – 228 с.

114. Муравьев, К. В. Меры уголовно-процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация / К. В. Муравьев. – Омск : Омская академия МВД России, 2017. – 228 с.

115. Мюллерсон, Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность : монография / Р. А. Мюллерсон. – Москва : Юридическая литература, 1991. – 159 с.

116. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / В. Б. Алексеев В. Б. и др. ; под общей

редакцией В. М. Лебедев ; научный редактор В. П. Божьев. – 2-е изд, перераб. и доп. – Москва : Спарк, 1997. – 788 с.

117. Недбайло, П. Е. Советские социалистические правовые нормы / П. Е. Недбайло ; ответственный редактор В. Г. Сокуренок. – Львов : Изд-во Львов. Университета. – Львов, 1959. – 169 с.

118. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсисянц. – Москва : Инфра-М, 1999. – 552 с.

119. Нерсисянц, В. С. Философия права. – 2-е изд., перераб. и доп. / В. С. Нерсисянц. – Москва : Норма, 2006. – 652 с.

120. Нефедова, Ю. Н. Основные доктринальные подходы к определению «общеизвестности» норм международного права и их значение для гражданско-правового регулирования / Ю. Н. Нефедова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – Вып. 1 (22). – С. 145–155.

121. Нешатаева, Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт / Т. Н. Нешатаева. – Москва : Городец, 2007. – 320 с.

122. Нешатаева, Т. Н. Международный гражданский процесс : учебное пособие / Т. Н. Нешатаева. – Москва : Дело, 2001. – 504 с.

123. Новгородцев, П. И. Лекции по философии права. Избранные произведения / П. И. Новгородцев. – Москва : Юрайт, 2016. – 411 с.

124. Общеизвестные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия : материалы Всероссийского совещания. Москва, 24 декабря 2002 г. / под редакцией М. А. Митюкова, С. В. Кабышева, В. К. Бобровой и А. В. Сычевой. – Москва : Международные отношения, 2004. – 536 с.

125. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин ; ответственный редактор И. Б. Михайловская. – Москва : Наука, 1989. – 256 с.

126. Петрухин, И. Л. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 8 / И. Л. Петрухин ; ответственный редактор Л. Л. Ананиан ; главный редактор О. А. Белявская, Н. Н. Кондрашков. – Москва, 1992. – 94 с.

127. Петрухин, И. Л. Человека и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И. Л. Петрухин. – Москва : Юрист, 1999. – 392 с.

128. Покровский, И. А. Лекции по истории римского права. – Изд. 4-е / И. А. Покровский. – Москва 2015. – 248 с.

129. Права человека. История, теория и практика : учебное пособие / ответственный редактор Б. Л. Назаров. – Москва : Русслит, 1995. – 302 с.

130. Права человека : учебник / Т. А. Васильева, В. А. Карташкин, Н. С. Колесова, Н. В. Колотова и др. ; ответственный редактор Е. А. Лукашева. – Москва : Норма, 2001. – 573 с.

131. Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование) : коллективная монография в 2-х книгах / С. А. Афанасьева, С. А. Бурьянов,

А. И. Кривенький, Е. М. Крупеня, Ю. В. Куракина, Д. А. Пашенцев, В. А. Северухин. – Москва, 2016. – Книга 2. – 244 с.

132. Практика применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практическое пособие / С. Д. Ворожцов и др. ; под редакцией В. П. Верина. – Москва : Юрайт, 2006. – 589 с.

133. Права человека и процессы глобализации современного мира / ответственный редактор Е. А. Лукашева. – Москва : Норма, 2005. – 464 с.

134. Права человека : учебник для вузов / ответственный редактор Е. А. Лукашева. – Москва : НОРМА, 2001. – 573 с.

135. Права человека и современное государственно-правовое развитие : сборник статей / ответственный редактор А. Г. Лисицин-Светланов. – Москва : Институт государства и права Российской академии наук, 2007. – 366 с.

136. Пресняков, М. В. Конституционная концепция принципа справедливости / М. В. Пресняков ; под редакцией Г. Н. Комковой. – Москва : ДМК Пресс, 2009. – 384 с.

137. Протопопова, Т. В. Права человека и достоинство личности: вопросы теории : монография / Т. В. Протопопова, С. В. Орлова, Н. В. Грушевский. – Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2018. – 125 с.

138. Рассказов, Л. П. Естественные права человека : учебное пособие / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров. – Краснодар : Краснодарский юридический институт МВД России, 2000. – 126 с.

139. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Е. В. Аграновская и др. ; ответственный редактор Е. А. Лукашева. – Москва : Наука, 1983. – 264 с.

140. Российская Конституция: первые 20 лет : цикл лекций в Государственной Думе 18 марта–22 апреля 2013 года. – Москва : Издание Государственной Думы, 2013.

141. Россинский, С. Б. Уголовный процесс России : курс лекций / С. Б. Россинский. – Москва : ЭКСМО, 2007. – 576 с.

142. Россинский, С. Б. Следственные действия : монография / С. Б. Россинский. – Москва : Норма, 2018. – 240 с.

143. Россинский, С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография / С. Б. Россинский. – Москва : Проспект, 2019. – 192 с.

144. Рудинский, Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права (труды разных лет) / Ф. М. Рудинский. – Москва : МИР, 2006. – 1234 с.

145. Рудич, В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе / В. В. Рудич. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 416 с.

146. Самощенко, И. С. Основы незыблемости советской законности / И. С. Самощенко. – Москва : Знание, 1967. – 47 с.

147. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под редакцией Т. Г. Морщаковой. – Москва : Мысль, 2012. – 584 с.
148. Степин, В. С. Философия науки и техники / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. – Москва : Гардарики, 1996. – 400 с.
149. Стецовский, Ю. И. Конституционные принципы обеспечения обвиняемому права на защиту / Ю. И. Стецовский, А. М. Ларин ; ответственный редактор В. П. Кашепов. – Москва : Наука, 1988. – 320 с.
150. Стремоухов, А. В. Правовая защита человека. Теоретические проблемы : монография / А. В. Стремоухов. – Санкт-Петербург : Фонд поддержки науки и образов. в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. – 416 с.
151. Строгович, М. С. Избранные труды. Т. 1. / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1990. – 285 с.
152. Таева, Н. Е. Толкование конституционно-правовых норм в Российской Федерации / Н. Е. Таева. – Москва : Велби : Проспект, 2006. – 176 с.
153. Теория государства и права : учебник / под редакцией В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2001. – 616 с.
154. Теория права: новые идеи. Вып. 4 / Н. С. Малеин, С. В. Полеина, М. М. Славин. – Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1995. – 67 с.
155. Теория государства и права : курс лекций / под редакцией Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2001. – 776 с.
156. Трефилов, А. А. Уголовный процесс зарубежных стран / А. А. Трефилов. – Москва : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2016. – 224 с.
157. Трунов, И. Л. Меры пресечения в уголовном процессе / И. Л. Трунов, Л. К. Трунова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 356 с.
158. Умнова, И. А. Конституционно-правовой статус личности в Российской Федерации : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / И. А. Умнова, И. А. Алешкова, Л. В. Андриченко. – Москва : Юрайт, 2017. – 382 с.
159. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / И. Я. Фойницкий ; послесловие А. В. Смирнова. – Санкт-Петербург : Альфа, 1996. – 552 с.
160. Цуканов, А. Н. Фундаментальные концепции прав человека в деятельности полиции зарубежных стран : монография / А. Н. Цуканов. – Пермь, 2003.
161. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : учебник / А. Ф. Черданцев. – Москва : Юристъ, 2003. – 395 с.
162. Черниченко, С. В. Личность и международное право / С. В. Черниченко. – Москва : Междунар. отношения, 1974. – 166 с.

163. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений : монография / В. С. Шадрин. – Волгоград, 1997.

164. Шафиров, В. М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию : монография / В. М. Шафиров. – Красноярск : КрасГУ, 2004. – 260 с.

165. Шахрай, С. М. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры / С. М. Шахрай. – 4-е изд., изм. и доп. – Москва : Статут, 2017. – 624 с.

166. Шевцов, В. С. Права человека и государство в Российской Федерации : монография / В. С. Шевцов. – Москва : Профессиональное образование, 2002. – 438 с.

167. Шейфер, С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 128 с.

168. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С. А. Шейфер. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2004. – 228 с.

169. Эбзеев, Б. С. Конституция. Демократия. Права человека / Б. С. Эбзеев. – Москва-Черкесск : АО ПУЛ, 1992. – 228 с.

170. Экштайн, К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской Конвенции : учебное пособие для вузов / К. Экштайн. – Москва : Nota Bene, 2004. – 496 с.

171. Ягофаров, С. М. Международные стандарты по правам человека и российское уголовное судопроизводство : учебное пособие / С. М. Ягофаров ; под редакцией А. П. Гуськовой. – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2006.

172. Якупов, Р. Х. Уголовный процесс : учебник для вузов / Р. Х. Якупов ; под редакцией В. Н. Галузо. – Москва : Зерцало, 1998. – 448 с.

Статьи

173. Авдеев, В. Н. Полицейское задержание: к вопросу о необходимости формирования понятия / В. Н. Авдеев, А. С. Каманицин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 3 (29). – С. 36–39.

174. Александров, А. И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе / А. И. Александров // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. С. Алексеева. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 12–19.

175. Азаров, В. А. Идеальна ли система принципов современного уголовного процесса России? // Правовые проблемы укрепления российской государственности / В. А. Азаров ; под редакцией С. А. Елисеева, М. К. Свиридова, Р. Л. Ахмедшина. – Томск, 2003. – С. 100–101.

176. Азаров, В. А. Неотвратимость уголовной ответственности и процессуальные средства её обеспечения // Международные юридические чтения : материалы научно-практической конференции. – Омск : Омский юридический институт, 2004. – С. 143–147.

177. Азаров, В. А. Либерализация антикриминального законодательства и защита общечеловеческих ценностей в России / В. А. Азаров // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 1. – С. 103–109.

178. Амирова, М. А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации / М. А. Амирова // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 4. – С. 7–11.

179. Амосова, Т. В. Принцип правовой определенности в зеркале лингвокультуры / Т. В. Амосова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. – Вып. 2 (773). – С. 12–15.

180. Амосова, Т. В. Сущность категории «право на свободу и личную неприкосновенность» в сфере уголовного судопроизводства / Т. В. Амосова, Л. И. Лавдаренко, Л. Г. Рябова // Право и политика. – 2013. – № 12. – С. 1753–1759.

181. Андреева, О. И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения / О. И. Андреева // Журнал российского права. – 2005. – № 2. – С. 73–76.

182. Андреева, О. И. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе / О. И. Андреева, О. А. Зайцев, А. Ю. Епихин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 436. – С. 225–229.

183. Артемова, В. В. Проблемы законодательного регулирования и практической реализации права задержанного на телефонный разговор / В. В. Артёмова // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А. В. Гриненко. Москва, 1920 мая 2016 г. / ответственный редактор О. А. Зайцев, А. Г. Волеводз. – Москва : МГИМО МИД России : МАЭП, 2016. – С. 127–132.

184. Астафичев, П. А. Конституционный механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина / П. А. Астафичев // Права человека и правоохранительная деятельность. Памяти профессора А. В. Зиновьева : материалы региональной научно-практической конференции / составитель С. Ю. Андрейцо. – 2017. – С. 31–37.

185. Астафьев, Е. В. Виды ограничений конституционных прав и свобод / Е. В. Астафьев // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2006. – С. 191–192.

186. Афанасьева, С. А. Универсальная природа прав человека / С. А. Афанасьева // Юридическая гносеология. – 2016. – № 3. – С. 13–16.

187. Афанасьева, С. А. К вопросу о формировании универсальной концепции прав человека / С. А. Афанасьева // Российское государственное управление. – 2017. – № 1. – С. 56–68.
188. Бабай, А. Н. Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России / А. Н. Бабай, В. С. Тимошенко // Закон. – 2006. – № 11. – С. 95–110.
189. Байльдинов, Е. Г. Новое международное право: к вопросу о сущности / Е. Г. Байльдинов // Московский журнал международного права. – 2013. – № 2. – С. 90–101.
190. Баев, О. Я. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования / О. Я. Баев, М. О. Баев // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия : Право. – 2016. – № 2.
191. Барабаш, А. С. О способе закрепления содержания принципа уголовного процесса, сфере его применения и его адресатах / А. С. Барабаш // Российский юридический журнал. – 2018. – № 3 (120). – С. 72–84.
192. Бараковских, С. А. Современные нормотворческие тенденции в организации правового регулирования административного задержания / С. А. Бараковских, А. С. Барабаш // Личность, право, государство. – 2018. – № 4. – С. 99–106.
193. Бариангов, А. М. Общепризнанные принципы и нормы международного права и их взаимодействие с нормами российского законодательства / А. М. Бариангов // Юрист-международник. – 2003. – № 2.
194. Барцис, И. Н. Международное право и правовая система России / И. Н. Барцис // Журнал российского права. – 2001. – № 2. – С. 56–75.
195. Бахин, С. В. Международная составляющая правовой системы России (статья вторая) / С. В. Бахин // Правоведение. – 2008. – № 1. – С. 117–132.
196. Безруков, А. С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 3. – С. 11–18.
197. Берестнев, Ю. Ю. Российская правовая система и европейские стандарты / Ю. Ю. Берестнев // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 14–15.
198. Бондарь, Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2006. – № 6.
199. Бондарь, Н. С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля : практика Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 10. – С. 4–10.
200. Бочкарева, Е. О. Идеальная правовая система: вопросы теории / Е. О. Бочкарева // Развитие правовых систем в современных условиях: фи-

лософско-правовой анализ : сборник материалов круглого стола. – Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – С. 59.

201. Бурьянов, С. А. Международно-признанные права человека как глобальная ценность / С. А. Бурьянов // Актуальные проблемы глобальных исследований: ценности глобального мира : сборник научных трудов участников V Международной научно-практической конференции / под редакцией И. В. Ильина. – 2018. – С. 39–43.

202. Бурьянов, С. А. О необходимости опережающего развития права, науки и образования как условия решения глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию цивилизации / С. А. Бурьянов // Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений : сборник научных трудов участников Международной конференции «XXIV Кондратьевские чтения» / под редакцией В. М. Бондаренко. – 2017. – С. 56–59.

203. Вагизов, Р. Г. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека: нормативно-правовая основа международной системы защиты прав человека / Р. Г. Вагизов // Российская юстиция. – 2008. – № 5. – С. 34–38.

204. Варламова, Н. В. Конституционализм: вариативность понятия / Н. В. Варламова // Сравнительное Конституционное Обозрение. – 2011. – № 5 (84). – С. 48–57.

205. Варламова, Н. В. Принцип верховенства прав человека как основа конституирования государственности / Н. В. Варламова // Пути России. Альтернативы общественного развития : сборник статей / под общей редакцией М. Г. Пугачевой и А. Ф. Филиппова. – 2015. – С. 99–108.

206. Варламова, Н. В. Государство в условиях глобализации: переосмысление понятий / Н. В. Варламова // Общественные науки и современность. – 2016. – № 3. – С. 91–104.

207. Варламова, Н. В. Публичный интерес как основание ограничения прав человека / Н. В. Варламова // Интересы в праве. Жидковские чтения : материалы Всероссийской научной конференции : Российский университет дружбы народов ; ответственный редактор М. В. Немытина. – 2017. – С. 207–215.

208. Варламова, Н. В. Принципы права как выражение социальных притязаний / Н. В. Варламова // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х частях / В. М. Сырых, В. Н. Власенко. – Москва, 2017. – С. 144–153.

209. Варламова, Н. В. Принципиальное единство права и прав человека / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Том 13. – № 4. – С. 80–124.

210. Верещагина, А. В. Институт языка уголовного судопроизводства в преломлении судебной практики / А. В. Верещагина // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 87–92.

211. Вершинина, С. И. О проблемах правового регулирования задержания подозреваемого / С. И. Вершинина // Вектор науки Тольяттин-

ского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 28–32.

212. Вершинина, С. И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления / С. И. Вершинина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 4. – С. 755–765.

213. Викут, М. А. К вопросу о реализации части 4 статьи 15 Конституции РФ в сфере гражданского судопроизводства (проблемы теории и практики применения) / М. А. Викут, С. В. Афанасьев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 3. – С. 36–44.

214. Вопленко, Н. Н. О содержании принципов права / Н. Н. Вопленко // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. – Ч. 1 (разделы I–IV). – Москва : РГУП, 2017. – С. 74–82.

215. Вышкварцев, В. В. Теоретико-нормативные аспекты ограничения прав и свобод гражданина в Российской Федерации / В. В. Вышкварцев // Современный юрист. – 2013. – № 2(3). – С. 60–67.

216. Гасанов, К. К. Абсолютные права человека и ограничения прав / К. К. Гасанов, А. В. Стремоухов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 164–173.

217. Глушкова, С. И. К вопросу о новых подходах в исследовании прав человека / С. И. Глушкова // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2010. – № 14 (57). – С. 21–29.

218. Голубок, С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту / С. А. Голубок // Правоведение. – 2007. – № 1. – С. 112–124.

219. Горшкова, С. А. Европейская защита прав человека и реформирование российской судебной правовой системы / С. А. Горшкова // Журнал российского права. – 2002. – № 7. – С. 99–112.

220. Грачёв, Н. И. Базовые ценности российской цивилизации как основа российской Конституции / Н. И. Грачёв // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4 (5). – С. 43–50.

221. Грибунов, О. П. Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве / О. П. Грибунов, В. Г. Степанова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 13–18.

222. Давыдова, М. Л. Правовой принцип как нормативно-правовое предписание: техника закрепления и механизм действия / М. Л. Давыдова // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х частях / В. М. Сырых, В. Н. Власенко. – 2017. – С. 205–216.

223. Дурденевский, В. Н. Субъективное право и его основное разделение / В. Н. Дурденевский // Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 78–95.

224. Епихин, А. Ю. Заключение под стражу как средство обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства / А. Ю. Епихин // Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. – Нижний Новгород : Издательство Нижегородского коммерческого института, 2011. – С. 88–94.

225. Епифанов, А. Е. К вопросу о влиянии международного и европейского права на развитие механизмов защиты прав и свобод человека в России и ЕС / А. Е. Епифанов, В. М. Абдрашитов // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Том 30. Вып. 2. – С. 65–72.

226. Жилин, Г. А. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников гражданского и арбитражного процессуального права / Г. А. Жилин // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 1. – С. 28.

227. Жуков, В. Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX – начала XX в.: общественно-политическая функция и онтологическая основа / В. Н. Жуков // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 99–106.

228. Зайцев, О. А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления / О. А. Зайцев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 35. – С. 92–99.

229. Зайцев, О. А. Государственно-правовая идеология развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации / О. А. Зайцев // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1 (45). – С. 35–39.

230. Зайцев, О. А. Международно-правовые принципы и стандарты справедливого уголовного судопроизводства / О. А. Зайцев, В. В. Рудич // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 4. – С. 3–5.

231. Земцов, Б. Н. Права человека в России (история и теория) / Б. Н. Земцов // Права человека: теория, история, практика : сборник научных трудов, посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека / под редакцией Е. М. Павленко. – Волгоград : Изд-во Волгоград. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 6–16.

232. Зорькин, В. Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2005. – № 3. – С. 3–9.

233. Зорькин, В. Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5. – С. 1–11.

234. Иванов, Ф. Л. Перспективы развития универсальной и исламской концепции прав человека в изменяющемся мире / Ф. Л. Иванов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – Вып. 19. – № 15 (153). – С. 51–55.

235. Игнатенко, Г. В. Международно-признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности / Г. В. Игнатенко // Правоведение. – 2001. – № 1 (234). – С. 87–101.

236. Ищенко, Н. С. К вопросу о принципах права / Н. С. Ищенко // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. – Ч. 1 (разделы I–IV). – Москва : РГУП, 2017. – С. 153–158.

237. Ищенко, О. А. Проблемы реализации норм международного права в российском законодательстве / О. А. Ищенко, Е. Г. Ищенко // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 34–37.

238. Карташкин, В. А. Международно-правовые стандарты права человека: универсализм, регионализм, реалии / В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева // Государство и право. – 2010. – № 7. – С. 37–45.

239. Ключков, В. В. О методологии и методике изучения состояния законности / В. В. Ключков // Проблемы теории законности, методологии и методики прокурорского надзора : сборник научных трудов. – Москва 1994.

240. Ковлер, А. И. Европейское право прав человека и Конституция России / А. И. Ковлер // Журнал российского права. – 2004. – № 1. – С. 149–157.

241. Ковлер, А. И. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по делам против Российской Федерации (2006–2008 гг.) / А. И. Ковлер // Российское правосудие. – 2008. – № 8. – С. 9–10.

242. Ковтун, Н. Н. Иерархическое место Конвенции о защите прав человека и основных свобод в системе источников уголовно-процессуального права России / Н. Н. Ковтун, А. С. Симагин // Мировой судья. – 2006. – № 7. – С. 5–10.

243. Козочкин, И. Д. Принцип законности в современном американском уголовном праве // Правоведение / И. Д. Козочкин. – 2005. – № 6. – С. 54.

244. Колосов, Ю. М. К вопросу о примате международного права / Ю. М. Колосов // Международное право в современном мире : сборник статей / ответственный редактор Ю. М. Колосов. – Москва : Международные отношения, 1991. – С. 6–18.

245. Кондрат, И. Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) / И. Н. Кондрат // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38–44.

246. Кондрат, И. Н. Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы / И. Н. Кондрат // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 139–152.

247. Кондрат, И. Н. Права человека и российская юридическая наука / И. Н. Кондрат // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 83–96.

248. Коркунов, В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В. М. Коркунов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. – 136 с.
249. Корнев, В. Н. Основополагающие принципы международного и внутригосударственного права / В. Н. Корнев // Российское правосудие. – 2010. – № 12. – С. 18–23.
250. Корольков, П. А. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека и их реализация в российском уголовном процессе / П. А. Корольков // Журнал российского права. – 2011. – № 11. – С. 110–118.
251. Крусс, В. И. Выступление на «круглом столе» «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» / В. И. Крусс // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 25.
252. Крусс, В. И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации российской правовой системы / В. И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 4. – С. 2–11.
253. Кузнецов, О. С. Источники права и социальные регуляторы конституционного права: терминологическое сходство и различие / О. С. Кузнецов // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия: Право. – 2009. – № 21. – С. 27–31.
254. Кузнецова, О. А. Соотношение понятий общепризнанных принципов и норм международного права / О. А. Кузнецова // Международное публичное и частное право. – 2009. – № 3. – С. 2–3.
255. Кузнецова, О. А. Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе / О. А. Кузнецова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 3 (9). – С. 4–10.
256. Кузнецова, О. А. Основания, цели и методы применения общепризнанных принципов и норм международного права / О. А. Кузнецова // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2009. – № 9. – С. 120–125.
257. Кузнецова, О. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права – часть правовой системы, права или законодательства? / О. А. Кузнецова, И. Марино // Правовое государство: теория и практика. – 2010. – № 2 (20). – С. 42–47.
258. Куницын, А. С. Формирование и развитие естественно-правового направления в русской науке права / А. С. Куницын // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36 (46). – С. 5–11.
259. Куницын, А. С. Концепция неотчуждаемости естественных прав человека и русская юридическая мысль / А. С. Куницын // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3. – С. 18–21.
260. Кучин, М. В. Судебный прецедент как источник права (дискуссионные вопросы) / М. В. Кучин // Российский юридический журнал. – 1999. – № 4. – С. 77–78.

261. Кучин, М. В. Прецедентное право Совета Европы и правовая система РФ: проблемы взаимодействия / М. В. Кучин // Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 50–52.

262. Лавдаренко, Л. И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего / Л. И. Лавдаренко // Российский следователь. – 2015. – № 6. – С. 33–37.

263. Лавдаренко, Л. И. Определение целей и мотивов уголовно-процессуального задержания / Л. И. Лавдаренко // Российский следователь. – 2015. – № 12. – С. 11–15.

264. Лавдаренко, Л. И. К вопросу о формировании категории «безопасность личности» в сфере уголовного судопроизводства / Л. И. Лавдаренко, Т. В. Амосова // Российский следователь. – 2015. – № 16. – С. 11–15.

265. Лавдаренко, Л. И. Некоторые вопросы обеспечения повышенной защиты прав несовершеннолетних в соответствии международными стандартными правилами отправления правосудия / Л. И. Лавдаренко // Несовершеннолетний как субъект права : материалы Всероссийской научно-практической конференции Министерства образования и науки Российской Федерации ; ФГБОУВО «Иркутский государственный университет» ; Юридический институт. – 2015. – С. 111–114.

266. Лавдаренко, Л. И. Международно-правовой принцип надлежащего обеспечения интересов несовершеннолетнего и проблемы его реализации в российском уголовном судопроизводстве / Л. И. Лавдаренко, Л. П. Плеснева // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2 (19). – С. 28–36.

267. Лазарев, В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2009. – № 9. – С. 35–47.

268. Лазарев, В. В. Ограничение права судебными решениями / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2018. – № 6 (12). – С. 5–16.

269. Лапаева, В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции Российской Федерации (опыт доктринального осмысления) / В. В. Лапаева // Журнал российского права. – 2005. – № 7. С. 13–23.

270. Лапаева, В. В. Правовой принцип формального равенства / В. В. Лапаева // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 67–80.

271. Лапаева, В. В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность / В. В. Лапаева // Законодательство и экономика. – 2008. – № 5. – С. 5–13.

272. Лаптев, П. А. О правосубъектности индивида в свете международно-правовой защиты прав человека / П. А. Лаптев // Журнал российского права. – 1999. – № 2. – С. 51–58.

273. Лаптев, П. А. Значение Конвенции о защите прав человека и основных свобод для правовой системы России // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник

статей / под редакцией В. М. Баранова. – Нижний Новгород : Институт «Открытое общество», 2003. – С. 99–103.

274. Ларкина, Е. В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения / Е. В. Ларкина // *Lex russica*. – 2019. – № 4. – С. 129–138.

275. Лебедев, В. А. Роль международно-правовых стандартов в формировании отечественной концепции прав и свобод человека и гражданина в России / В. А. Лебедев // *Проблемы права*. – 2015. – № 2. – С. 9–21.

276. Лебедев, В. М. Проблемы реализации международных стандартов в сфере защиты прав человека в Российской Федерации / В. М. Лебедев // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право*. – 2016. – № 1. – С. 19–23.

277. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С. М. Шахрая. Ответы на вопросы // *Российская Конституция: первые 20 лет : цикл лекций в Государственной Думе*. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – Москва : Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147–173.

278. Ливеровский, А. А. Рациональная модель конституционного регулирования / А. А. Ливеровский // *LEX RUSSICA*. – 2019. – № 1 (146). – С. 70–82.

279. Лисюткин А. Б. Методологическая роль принципов права / А. Б. Лисюткин // *Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI международной научно-практической конференции*. В 2-х ч. Ч. 1 (разделы I–IV). – Москва : РГУП, 2017. – С. 64–74.

280. Лукашева, Е. А. Права человека в контексте конфликта культур / Е. А. Лукашева // *Вестник Российской Академии наук*. – 2007. – № 2. – Т. 77. – С. 117.

281. Луковская, Д. И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека / Д. И. Луковская // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. – 2009. – № 2. – С. 97–100.

282. Малахов, В. П. Естественное право как источник конституционного права / В. П. Малахов, Г. М. Лановая // *Конституционное и муниципальное право*. – 2017. – № 5. – С. 9–12.

283. Малеев, Ю. Н. Неизвестные, но общепризнанные / Ю. Н. Малеев // *Международное право*. – 2005. – № 1 (2). – С. 5–20.

284. Малиновский, О. Н. Реализация норм международного права в правовой системе России: общий обзор некоторых актуальных проблем / О. Н. Малиновский // *Актуальные проблемы российского права*. – 2008. – № 3 (8). – С. 479–486.

285. Малиновский, О. Н. Реализация норм международного права в правовой системе России: некоторые теоретические проблемы / О. Н. Малиновский // *Актуальные проблемы российского права*. – 2008. – № 4 (9). – С. 397–403.

286. Малиновский, О. Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России / О. Н. Малиновский // *Философия права*. – 2009. – № 1 (32). – С. 77–80.

287. Малиновский, О. Н. О совершенствовании механизма реализации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в правовой системе Российской Федерации / О. Н. Малиновский // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru : юридический сетевой электронный научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 52–80.

288. Малютин, Н. С. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина / Н. С. Малютин // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 3. – С. 20–27.

289. Марочкин, С. Ю. Применение судами норм международного права при разрешении гражданских и арбитражных дел / С. Ю. Марочкин // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – № 4 (2005) / под редакцией В. В. Яркова. – Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. – С. 56–70.

290. Марченко, М. Н. Основные направления и тенденции развития права в условиях глобализации / М. Н. Марченко, Е. М. Денрябина // Право и государство. – 2013. – № 4 (61). – С. 6–13.

291. Марченко, М. Н. О влиянии процессов глобализации и регионализации на развитие права и его теории / М. Н. Марченко // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 6 (38). – С. 9–17.

292. Марченко, М. Н. Классификация общих принципов права и их роль в правовой системе Европейского союза / М. Н. Марченко // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч. 1 (разделы I–IV). – Москва : РГУП, 2017. – С. 49–64.

293. Матейкович, М. С. Личность и государство: от противостояния к сотрудничеству (по мотивам одной статьи Д. Л. Златопольского) / М. С. Матейкович // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 3. – С. 22–24.

294. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы российского права / Н. И. Матузов // Государство и право. – 2001. – № 10.

295. Мельников, В. Ю. К вопросу о задержании заподозренного лица в уголовном процесс / В. Ю. Мельников // Адвокатская практика. – 2012. – № 1. – С. 9–12.

296. Минникес, И. А. Императивные ограничения в праве / И. А. Минникес, И. Д. Ягофарова // Baikal Research Journal. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 20.

297. Михайлов, А. А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения Европейским Судом по правам человека, Конституционным Судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России / А. А. Михайлов // Уголовная юстиция. – 2016. – № 1 (7). – С. 56–69.

298. Мишина, Н. В. К вопросу об универсальности концепции прав человека / Н. В. Мишина // Права человека: теория, история, практика :

сборник научных трудов, посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека / под общей редакцией Е. М. Павленко – Волгоград : Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 17–26.

299. Морозова, Л. А. Являются ли принципы права источником права? / Л. А. Морозова // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. – Ч. 1 (разделы I–IV). – Москва : РГУП, 2017. – С. 82–90.

300. Морщакова, Т. Г. Конституционная и судебная имплементация Европейской конвенции по правам человека / Т. Г. Морщакова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 2 (111). – С. 182–190.

301. Мусаев, М. А. Правовой гуманизм как юридический феномен / М. А. Мусаев // Философия права. – 2010. – № 3. – С. 91–94.

302. Мусаев, М. А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма / М. А. Мусаев // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97–108.

303. Мусаев, М. А. Развитие законодательства и гуманизация правовой системы / М. А. Мусаев, С. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 59–71.

304. Мусаелян, Л. А. Об одной коллизии в международном праве и возможном способе её разрешения / Л. А. Мусаелян // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – Вып. 2(28) – С. 156–175.

305. Нешатаева, Т. Н. Международное право в судебной практике арбитражных судов / Т. Н. Нешатаева // Закон. – 1998. – № 7. – С. 87–96.

306. Николаев, Е. А. Правовой институт взаимодействия международного и российского права и решения Конституционного Суда Российской Федерации / Е. А. Николаев // Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия : материалы Всероссийского совещания – Москва : Международные отношения, 2004. – С. 225–23.

307. Николук, В. В. Новые правила зачета в срок наказания времени содержания лица под стражей, изоляции от общества при применении мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий / В. В. Николук // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2018. – № 4 (87). – С. 112–121.

308. Носкова, Е. В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ / Е. В. Носкова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 5. – С. 108–110.

309. Нуссбергер, А. Развитие прецедентного права Европейского суда по правам человека на основе решений о России / Ангелика Нуссбергер // Право и политика. – 2005. – № 10. – С. 92–95.

310. Нуссбергер, А. Права человека как универсальная «навигационная система»? / Ангелика Нуссбергер // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 4 (107). – С. 32–39.

311. Овчинников, Ю. Г. К вопросу обеспечения конституционного права подозреваемого на участие защитника в момент задержания / Ю. Г. Овчинников // Адвокатская практика. – 2014. – № 1. – С. 45–51.

312. Оганесян, С. М. Понятие международных стандартов прав человека / С. М. Оганесян // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 18–22.

313. Оль, П. А. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве / П. А. Оль, М. В. Сальников // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 5–7.

314. Оль, П. А. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации / П. А. Оль, М. В. Сальников // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С. 68–75.

315. Павлова, Л. В. Современная концепция прав и свобод человека и её трактовка Всеобщей декларацией прав человека 1948 / Л. В. Павлова // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 5. – С. 5–14.

316. Пашенцев, Д. А. Совершенствование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / Д. А. Пашенцев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 1. – С. 20–25.

317. Пашенцев, Д. А. Значение прав человека в современных условиях / Д. А. Пашенцев // Концепции развития института прав человека в условиях глобализации современного права и политики : сборник научных трудов по материалам международного научно-практического круглого стола / ответственный редактор Н. Н. Кулешова. – 2016. – С. 195–197.

318. Писарев, А. Н. Актуальные проблемы соразмерности устанавливаемых в законодательстве Российской Федерации ограничений основных прав и свобод человека и гражданина конституционно значимым целям / А. Н. Писарев // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского / под общей редакцией Д. А. Пашенцева. – 2016. – С. 448–452.

319. Подмарев, А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия / А. А. Подмарев // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 129–134.

320. Подмарёв, А. А. Вопросы ограничения прав и свобод человека и гражданина в современной конституции / А. А. Подмарёв // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 4 (99). – С. 141–145.

321. Подмарёв, А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: конституционные основы и правовые позиции Конституционного Суда России / А. А. Подмарев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 4 (72). – С. 169–179.

322. Подмарёв, А. А. Ограничение прав и свобод личности: Конституция РФ 1993 г. и основные международные акты о правах человека /

А. А. Подмарёв // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (73). – С. 78–81.

323. Подольный, Н. А., Справедливость – критерий правосудности / Н. А. Подольный, Д. А. Урявин // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 32–34.

324. Поляков, А. В. Нормативность правовой коммуникации / А. В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 27–45.

325. Пономаренко, Е. В. Концепция естественного права в конституционно-правовой науке и естественные права и свободы человека / Е. В. Пономаренко // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 4. – С. 26–30.

326. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь : материалы Международной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека // Государство и право. – 2000. – № 3, 4.

327. Пресняков, М. В. Правовая определенность в системе конституционных принципов / М. В. Пресняков // Права человека: теория, история, практика : сборник научных трудов, посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека / под общей редакцией Е. М. Павленко. – Волгоград : Изд-во Волгоград. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 210.

328. Проценко, В. П. Уголовный процесс: методология заблуждения / В. П. Проценко // Современное право. – 2011. – № 32. – С. 93–95.

329. Пути развития философии права в России : круглый стол Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – С. 9–49.

330. Пчелинцев, С. В. Пределы ограничения прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов: современные подходы / С. В. Пчелинцев // Журнал российского права. – 2005. – № 8.

331. Рагимов, А. Т. Особенности юридической природы прав человека / А. Т. Рагимов // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 8. – С. 15–21.

332. Рациборинская, К.Н. Применение международного права российскими судами // Международное публичное и частное право / К. Н. Рациборинская. – 2004. – № 1(16). – С. 23–27.

333. Романовская, Л. Р. Античные корни естественно-правовой теории / Л. Р. Романовская, Е. В. Романовская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84–88.

334. Романовская, Л. Р. Профессор А. П. Куницын у истоков естественной школы права в России / Л. Р. Романовская, В. П. Сальников // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23–26.

335. Россинский, С. Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 134–145.

336. Россинский, С. Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого / С. Б. Россинский // *Lex Russica*. – 2018. – № 8 (141). – С. 68–80.

337. Россинский, С. Б. О некоторых проблемах обеспечения правовых гарантий личности при задержании по подозрению в совершении преступления / С. Б. Россинский, Б. М. Ващенко // *Вестник Восточно-Сибирского института внутренних дел России*. – 2018. – № 4 (87). – С. 131–138.

338. Россинский, С. Б. Защитник с момента фактического задержания (в контексте конституционно-межотраслевого подхода) / С. Б. Россинский // *Российская юстиция*. – 2018. – № 12. – С. 60–63.

339. Россинский, С. Б. Протокол–лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления / С. Б. Россинский // *Актуальные проблемы российского права*. – 2018. – № 12 (97). – С. 150–165.

340. Россинский, С. Б. Дискуссия «Тарасов vs Россинский» о задержании подозреваемого: подведение первых итогов / С. Б. Россинский // *Юридический вестник Самарского университета*. – 2019. – Том 5. – № 1. – С. 13–19.

341. Россинский, С. Б. Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе: откуда появился 48-часовой срок задержания и как с ним быть? // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2019. – № 3. – С. 31–38.

342. Рудич, В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи / В. В. Рудич // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2016. – № 3 (35). – С. 96–100.

343. Рудич, В. В. Перспективы смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте к перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства / В. В. Рудич // *Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / научные редакторы О. И. Андреева, Т. В. Трубникова*. – 2018. – С. 138–151.

344. Рудич, В. В. Международно-правовой стандарт разумности срока применения судом меры пресечения в уголовном судопроизводстве / В. В. Рудич // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. – 2017. – № 4 (38). – С. 56–60.

345. Рудич, В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления судьи / В. В. Рудич // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2016. – № 3 (35). – С. 96–100.

346. Рудич, В. В. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // *Экономика Предпринимательство Окружающая Среда. (ЭПОС)*. – 2015. – № 3 (63). – С. 75–79.

347. Ряполова, Я. П. Проблемы процессуальной регламентации порядка задержания подозреваемого в контексте требований международно-правовых стандартов / Я. П. Ряполова // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета : ответственный редактор С. Г. Емельянов. – 2017. – С. 307–310.

348. Саидов, А. Х. Общепризнанные права человека : учебное пособие / А. Х. Саидов ; под редакцией И. И. Лукашука. – Москва, 2002.

349. Сальников, В. П. Абсолютное и естественное в естественном праве / В. П. Сальников, В. Б. Романовская, М. В. Сальников, М. Д. Горбунов // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 20–32.

350. Сальников, В. П. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) / В. П. Сальников, Р. А. Ромашов, М. М. Сальников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3–14.

351. Смирнов, В. Н. Применение международных стандартов ограничения права на свободу в уголовном судопроизводстве России / В. Н. Смирнов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 11. – С. 67–72.

352. Современная философия естественного права: вопросы новизны и преемственности : материалы «круглого стола» // Государство и право. – 2016. – № 12. – С. 102–110.

353. Стойко, Н. Г. Уголовно-процессуальная политика России: научное наследие Н. С. Алексеева и задачи современной юридической науки / Н. Г. Стойко // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3. – С. 185–190.

354. Стремоухов, А. В. Свойства основных прав человека как правовое явление / А. В. Стремоухов, К. К. Гасанов // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 32–35.

355. Стремоухов, А. В. Основания классификации прав и свобод человека / А. В. Стремоухов // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 2 (28). – С. 9–19.

356. Стремоухов, А. В. Становление международно-правовой защиты прав человека / А. В. Стремоухов // XIX Царско-сельские чтения : материалы международной научной конференции / под общей редакцией В. Н. Скворцова, Л. М. Кобрина. – 2015. – С. 228–232.

357. Стремоухов, А. В. Философско-правовые характеристики основных прав человека / А. В. Стремоухов // Ленинградский юридический журнал. 2016. – № 3 (45). – С. 11–20.

358. Стремоухов, А. В. Право человека на защиту и формы его защиты в Российской Федерации / А. В. Стремоухов // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 1 (47). – С. 9–20.

359. Стремоухов, А. В. Предыстория прав человека и становление концепции прав человека в Древнем мире / А. В. Стремоухов,

А. А. Стремоухов // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 2 (48). – С. 12–21.

360. Стремоухов, А. В. Эволюция прав человека в советской и постсоветской России / А. В. Стремоухов // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 3 (49). – С. 9–20.

361. Стремоухов, А. В. Обеспечение прав человека как важнейшее направление укрепления национальной безопасности России // Организационно-правовое регулирование безопасности жизнедеятельности в современном мире : сборник материалов второй Международной научно-практической конференции / под редакцией Э. Н. Чижикова. – 2018. – С. 82–88.

362. Строгович, М. С. Теоретические вопросы советской законности // Советское государство и право. – 1956. – № 4. – С. 31–32.

363. Таева, Н. Е. Некоторые проблемы выявления конституционно-правового смысла норм Конституционным Судом РФ / Н. Е. Таева // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 12. – С. 24–28.

364. Талалаев, А. Н. Соотношение международного и внутригосударственного права в Конституции Российской Федерации / А. Н. Талалаев // Журнал международного права. – 1994. – № 4.

365. Тарасов, А. А., О познавательной сущности задержания подозреваемого / А. А. Тарасов, С. А. Шейфер // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – № 4. – С. 63–67.

366. Тарасов, А. А. О доказательственном значении протокола задержания / А. А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Том 5. – № 1. – С. 7–12.

367. Тарасов, А. С. К вопросу о конституционности ограничения прав и свобод человека и гражданина / А. С. Тарасов // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 132–135.

368. Тетюев, С. В. О формах предварительного расследования преступлений несовершеннолетних в свете норм УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства, предмете доказывания и сроках дознания / С. В. Тетюев // Следователь. – 2006. – № 4. – С. 10–12.

369. Тиунов, О. И. Конституционный Суд и международно-правовые акты об обеспечении прав человека / О. И. Тиунов // Журнал российского права. – 1997. – № 7. – С. 4–9.

370. Тиунов, О. И. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в практике Конституционного Суда Российской Федерации / О. И. Тиунов // Юрист-международник. – 2003. – № 2.

371. Тиунов, О. И. Интерпретация норм европейского гуманитарного права в российской правовой системе / О. И. Тиунов // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сборник статей / под редакцией В. М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 172–175.

372. Тиунов, О. И. Международно-правовые стандарты в глобализующемся мире. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

373. Тихомиров, Ю. А. Развитие теории конституционного права / Ю. А. Тихомиров // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 6–13.

374. Тихомиров, Ю. А. Международно-правовые акты: природа и способы влияния / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2002. – № 1.

375. Тихомиров, Ю. А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 3–12.

376. Толстик, В. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России / В. А. Толстик // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 67–77.

377. Толстых, В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека / В. Л. Толстых // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2016. – № 2. – С. 48–61.

378. Травников, Н. О. «Предел» и «ограничение» в праве : теоретико-правовой анализ понятий / Н. О. Травников // Государство и право. – 2017. – № 7. – С. 104–109.

379. Троицкая, А. А. Основные права: происхождение, юридическая природа и пределы защиты / А. А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 1 (92). – С. 65–81.

380. Трубникова, Т. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве РФ / Т. В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета: Серия «Экономика. Юридические науки». – 2003. – № 279 (сентябрь). – С. 81–83.

381. Трубникова, Т. В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса / Т. В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета: Серия «Экономика. Юридические науки». Приложение: «Материалы научных конференций, симпозиумов, школ, проводимых в ТГУ». – 2003. – № 4. – С. 49–51.

382. Хапаев, И. М. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу / И. М. Хапаев // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 3. – С. 59–65.

383. Хапаев, И. М. Общие и специальные условия избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / И. М. Хапаев // Юристъ-Правоведъ. – 2014. – № 2 (63). – С. 85–88.

384. Хапаев, И. М. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / И. М. Хапаев // Юристъ-Правоведъ. – 2014. – № 3 (64). – С. 81–85.

385. Черданцев, А. Ф. Интегративное непонимание права / А. Ф. Черданцев // Журнал российского права. – 2016. – № 10. – С. 5–15.

386. Черепанов, В. А. К вопросу об умалении избирательных прав граждан / В. А. Черепанов // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 68–73.

387. Черниченко, С. В. Допуск индивидов в международные суды и международная правосубъектность / С. В. Черниченко // Советский ежегодник международного права. 1968. – Москва : Наука, 1969. – С. 270–280.

388. Честнов, И. Л. Универсальны ли права человека? Полемиические размышления о Всеобщей декларации прав человека / И. Л. Честнов // Правоведение. – 1999. – № 1 (224). – С. 73–82.

389. Чиркин, В. Е. Общечеловеческие ценности и российское право // Общественные науки и современность / В. Е. Чиркин. – 2001. – № 2.

390. Чиркин, В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство / В. Е. Чиркин // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5–13.

391. Чиркин, В. Е. Российская Конституция и международный опыт / В. Е. Чиркин // Государство и право. – 1998. – № 12. – С. 5–14.

392. Щерба, С. П. Реализация в УПК РФ международных стандартных правил отправления правосудия по делам несовершеннолетних / С. П. Щерба // Права человека в России и правозащитная деятельность государства (к 40-летию НИИ Генеральной прокуратуры Российской Федерации) : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 12 мая 2005 г. / редактор В. Н. Лопатин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – С. 125–129.

393. Шадрин, В. С. Современная уголовно-процессуальная политика как часть правовой политики государства / В. С. Шадрин // Юридическое образование и наука в России: проблемы модернизации : тезисы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию СЮИ-СГАП. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – С. 130–132.

394. Шамсон, Р. Т. Права человека и внутренняя компетенция государства / Р. Т. Шамсон // Московский журнал международного права. – 2003. – № 2. – С. 58–81.

395. Шафиров, В. М. Конституция, отраслевое право, правоприменение / В. М. Шафиров // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2–5.

396. Шарамова, Г. И. К вопросу о юрисдикции Европейского суда / Г. И. Шарамова // Вестник ВАС РФ. – 1998. – № 4. – С. 140–145.

397. Шугуров, М. В. Международно-правовой принцип всеобщего уважения и соблюдения прав человека как императив устойчивого развития / М. В. Шугуров // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 2. – С. 7–11.

398. Юрицин, А. Е. Вопросы защиты и ограничений прав человека в международном праве и законодательстве Российской Федерации / А. Е. Юрицин // Международные стандарты прав человека : материалы все-

российской научно-практической конференции. Омская юридическая академия. – 2015. – С. 112–117.

399. Ягофарова, И. Д. Императивный характер положений ст. 55 Конституции РФ при установлении ограничений прав и свобод человека и гражданина в РФ // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 1 (50). – С. 64–72.

400. Ягофарова, И. Д. Пределы ограничений прав и свобод индивидов в условиях современной глобализации / И. Д. Ягофарова // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2019. – № 4. – С. 834–842. – Текст : электронный.

401. Яковлева, С. А. Задержание подозреваемого в механизме реализации принципа неприкосновенности человека и права на свободу передвижения / С. А. Яковлева // Российский следователь. – 2018. – № 3. – С. 49–52.

402. Ячменёв, Ю. В. Права человека как ценностные ориентиры правового государства / Ю. В. Ячменёв // Научные труды Северо-Западного института управления. – 2015. – Т. 6. – № 3 (20). – С. 15–21.

Словари

403. Словарь-справочник по российскому законодательству / под редакцией Л. Ф. Апт. – Москва : Юристъ, 2001. – 910 с.

404. Лопатин, В. В. Малый толковый словарь русского языка / В. В. Лопатин. – 2-е изд., стер. – Москва : Русский язык, 1993. – 704 с.

405. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : около 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под редакцией Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – Москва : Русский язык, 1988. – 797 с.

Авторефераты и диссертации

406. Абдрашитова, В. З. Теоретико-правовые основы исполнения решений Европейского суда по правам человека : автореферат диссертации... кандидата юридических наук : 12.00.01 / В. З. Абдрашитова. – Москва, 2008. – 28 с.

407. Волженкина, В. М. Применение норм международного права в Российском уголовном процессе (проблемы теории и практики) : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / В. М. Волженкина. – Москва, 1999. – 22 с.

408. Зайцев, А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / А. О. Зайцев. – Москва, 2017. – 201 с.

409. Квитко, А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореферат диссертации... кандидата юридических наук : 12.00.01 / А. Ф. Квитко. – Москва, 2007. – 24 с.

410. Куликов, В. А. Личная неприкосновенность как право человека и принцип российского уголовного процесса : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / В. А. Куликов. – Саратов, 2001. – 192 с.

411. Лапина, О. Е. Общеизвестные принципы и нормы международного права в правовой системе России : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / О. Е. Лапина. – Москва, 2003. – 148 с.

412. Максименко, В. А. Права человека в различных правовых системах. Основные особенности и проблема универсальности : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / В. А. Максименко. – Москва 2005. – 178 с.

413. Морозова, Л. Я. Институт ограничения политических прав и свобод работников правоохранительных органов в Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Л. Я. Морозова. – Москва, 1996. – 167 с.

414. Петров, Д. Е. Отрасль права : автореферат диссертации... доктора юридических наук : 12.00.01 / Д. Е. Петров. – Саратов, 2001. – 60 с.

415. Писарев А. В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / А. В. Писарев. – Омск, 2002. – 228 с.

416. Пресняков, М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : автореферат диссертации ... доктора юридических наук : 12.00.02 / М. В. Пресняков. – Саратов, 2010. – 45 с.

417. Пчелинцев, С. В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.01 / С. В. Пчелинцев. – Москва, 2006. – 545 с.

418. Скляр, С. В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.08 / С. В. Скляр. – Москва, 2005. – 495 с.

419. Приходько, И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / И. М. Приходько. – Саратов, 2001. – 195 с.

420. Рассолова, Е. Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Е. Ш. Рассолова. – Москва, 2009. – 27 с.

421. Трунов, И. Л. Современные проблемы защиты прав граждан в уголовном процессе: диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.09 / И. Л. Трунов. – Москва, 2001. – 390 с.

422. Фролов, Ю. А. Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.09 / Ю. А. Фролов. – Ростов на Дону, 2006. – 370 с.

423. Шаклеин, Н. И. Ограничение прав и свобод человека в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Н. И. Шаклеин. – Москва, 2006. – 26 с.

Учебное издание

Лавдаренко Людмила Ивановна,

*доцент кафедры организации и методики уголовного преследования
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции*

**Право на свободу и личную неприкосновенность
как международно-правовой принцип и его реализация
в российском уголовном судопроизводстве**

Подписано в печать 26.11.2019.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 10,36. Усл. печ. л. 8,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 659.

Иркутский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.